

**ЯЗЫК
СОЗНАНИЕ
КОММУНИКАЦИЯ**

Выпуск 1

«Филология»

Москва 1997

ББК 81
Я410

Электронная версия сборника, изданного в 1997 году издательством «Филология» совместно с издательством «Диалог-МГУ».

В электронной версии исправлены замеченные опечатки. Расположение текста на некоторых страницах электронной версии по техническим причинам может не совпадать с расположением того же текста на страницах книжного издания.

При цитировании ссылки на книжное издание обязательны.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред.
Я410 В.В. Красных, А.И. Изотов. — М.: «Филология», 1997. —
Вып. 1. — 192 с.

ISBN 5-7552-0103-X

Сборник содержит статьи, рассматривающие различные проблемы коммуникации как в свете лингвокогнитивного подхода, так и в сопоставительном аспекте, а также наиболее актуальные проблемы лингводидактики. Особое внимание уделяется национальной специфике общения, проявляющейся в особенностях ассоциативных рядов, коннотативного потенциала и восприятия художественных текстов.

Сборник предназначен для филологов – студентов, преподавателей, научных сотрудников.

Ключевые слова: русистика, англистика, богемистика, социолингвистика, лингвокультурология, идиом, корпусные исследования, лексикография

Language - Mind - Communication. Issue 1 / Eds. Krasnykh, V.V., Izotov, A.I. - Moscow: Philologia, 1997. - 192 p.

The present issue includes articles which consider the most important problems of Russian studies, lingual-cultural studies, sociolinguistics, psycholinguistics and language teaching.

Keywords: Russian studies, English studies, Czech studies, sociolinguistics, psycholinguistics, lingual-cultural studies, idiom, corpus analysis, lexicography.

ББК 81
Я410

ISBN 5-7552-0103-X

© Авторы статей, 1997

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Сорокин Ю.А.</i> Ментальная реконструкция образа автора.....	5
<i>Клобукова Л.П.</i> Феномен языковой личности в свете лингводидактики.....	25
<i>Клобуков Е.В.</i> Проблемы изучения коммуникативной грамматики русского слова.....	32
<i>Чернейко Л.О.</i> Абстрактное имя и система понятий языковой личности.....	40
<i>Борисова С.А.</i> Темпоральность как смыслообразующий фактор в процессе текстовой коммуникации.....	52
<i>Яценко И.И.</i> О времена! о тексты! (Доступны ли интертекстуальные связи русскоязычного художественного текста иностранному читателю?).....	65
<i>Михалкина И.В.</i> Письменная речь в курсе русского языка для деловых людей.....	74
<i>Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В.</i> Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов.....	82
<i>Захаренко И.В.</i> К вопросу о каноне и эталоне в сфере прецедентных феноменов.....	104
<i>Гудков Д.Б.</i> Алгоритм восприятия текста и межкультурная коммуникация.....	114
<i>Красных В.В.</i> Когнитивная база vs культурное пространство в аспекте изучения языковой личности (к вопросу о русской концептосфере).....	128
<i>Одинцов Е.В., Одинцова О.А.</i> К вопросу об основаниях дифференциации текстов.....	145
<i>Марков В.Т.</i> К вопросу о содержательном компоненте и основных смысловых разновидностях как факторе, обуславливающим регулярные реализации биноминативных предложений.....	153

<i>Панков Ф.И.</i> Категория наречной темпоральности и ее речевые реализации	161
<i>Михалкина И.В., Касько Н.Н.</i> Лингвометодические особенности сопроводительного корректировочного курса по фонетике и интонации русской деловой речи	175
<i>Изотов А.И.</i> Чешский кондиционал vs русское сослагательное наклонение в побудительном высказывании.....	181

Ментальная реконструкция образа автора

© доктор филологических наук Ю.А. Сорокин, 1997

Установление того факта, что имя автора влияет на характер оценки художественного текста (см. [13: с.90-98]) позволяет предположить, что, помимо престижности имени, это влияние обусловлено также и структурой образа автора, с которым, несомненно, соотносится художественный текст (о роли слова как образного компонента текста см., например, [2]). Иными словами, в структуру ментального образа текста входит (в качестве микроструктуры) ментальный портрет автора этого текста — портрет, являющийся, по-видимому, фрагментом читательской проекции текста и служащий средством опознания — правильного или ошибочного — текстовой фактуры как принадлежащей тому или иному автору (этот портрет, вероятно, есть не что иное, как одна из форм визуально-оценочного импринтинга, существенно влияющего на процесс смыслового восприятия текста и характер варибельности этого процесса).

Естественно, что для проверки этих предположений необходимо, прежде всего, убедиться в реальности существования портрета-импринтинга в сознании читателей (испытуемых), устанавливая характер визуальных составляющих ментального образа автора.

В связи с этим 52 студентам первого курса (гуманитарии) (40 девушек и 12 юношей) и 3 преподавателям Башкирского госуниверситета (эта микрогруппа рассматривалась как фоново-контрольная, позволяющая судить — хотя и весьма предположительно, — насколько студенческая группа портретов отличается от преподавательской в отношении их визуальной и когнитивно-аксиологической цельности) было предложено ответить на следующую анкету:

1. Видели ли Вы когда-нибудь портрет _____?
 - а) нет
 - б) да
 - в) если видели — постарайтесь описать этот портрет
2. Читали ли Вы когда-нибудь _____?
 - а) нет
 - б) да

в) если *не видели, но читали*, как Вы себе представляете этого писателя и с внешней стороны, и с точки зрения его внутренних качеств?

г) если *и видели, и читали*, то согласуется ли соответствующий зрительный образ с Вашими представлением о писателе (и с внешней стороны, и с точки зрения внутренних качеств), которое у Вас сформировалось на основании чтения его произведений?

д) если *не видели и не читали*, то существует ли у Вас какое-либо представление об этом писателе и если существует, то какое?

(На место пропусков в этой анкете поочередно вставлялись имена трех отечественных — **Грибоедов, Достоевский, Фет** — и трех западноевропейских — **Мольер, Гюго, Бальзак** — писателей.)

Ответы, полученные от испытуемых-девушек, носят следующий характер (следует учитывать, что четыре из них дали ответы только на те анкеты, в которых спрашивалось о *Грибоедове* и *Достоевском*):

1) **Грибоедов**. Видели портрет этого писателя *и читали* его произведения — 36 ответов. *Согласуется* зрительный образ с представлением о писателе (и с внешней стороны, и с точки зрения внутренних качеств) — 24 ответа; *не согласуется* — 5, *не совсем согласуется* — 1; *отказов* от ответа — 9;

2) **Достоевский**. Видели портрет этого писателя *и читали* его произведения — 26 ответов; *не видели, но читали* — 8; *видели только портрет* — 1; *видели портрет, но, по-видимому, не читали* — 1; *не видели портрета* — 7 ответов. *Согласуется* зрительный образ с представлением о писателе — 25 ответов; *не согласуется* — 4; *отказались* от ответа — 13;

3) **Фет**. Видели портрет этого писателя *и читали* его произведения — 6 ответов; *не видели, но читали* — 20; *не видели и не читали* — 7. *Согласуется* зрительный образ с представлением о писателе — 1 ответ; *не согласуется* — 4 ответа; *отказов* от ответа — 29; *не существует какого-либо представления* об этом писателе — 19 ответов.

Приведем теперь ответы испытуемых, свидетельствующие о характере визуально-ментальных портретов этих авторов:

1) **Грибоедов** — “молодое лицо, в очках и с бакенбардами, короткие волосы”; “портрет головы Грибоедова в фас: черные волосы (бакенбарды), короткая стрижка, лицо овальное, небольшие глаза (носит очки), довольно высокий лоб”; “темноволосый, большелобый, прямой длинный нос, маленькие очки, глаза умные, пронизательные, лицо чисто выбритое, с бакенбардами. Одет щеголевато. Рот небольшой”; “молодой

темноволосый мужчина, в круглых очках на небольшом носу, носил усы, бороду, бакенбарды. На нем темного цвета сюртук, белая рубашка с бантом на шее”; “у Грибоедова полное лица, небольшой нос, носит пенсне, волосы вьющиеся, глаза маленькие, носит галстук-бабочку, лицо добродушное, губы маленькие, женственные”; “лицо благородное; в очках; глаза умные, прическа модная по тем временам — бакенбарды, хохолок. Одет в сюртук; нос прямой, несколько длинноват, губы маленькие и полные”; “без усов, с бакенбардами, в очках, лицо не очень круглое”; “... в очках, глаза умные и грустные, лицо овальное, немного вытянутое, расчесан на пробор, с бакенбардами; в подбородок упирается жесткий воротничок, рот сжат, нос прямой”; “маленький, болезненный цвет лица, худенький”; “полный, волосы светлые”; “полное круглое лицо, волнистые волосы, высокий лоб, очки”; “полное лицо, молодое, прямой нос, маленький рот, тонкие губы, небольшие глаза, волосы средней длины, в очках, умное и доброе выражение лица”; “в очках, лицо круглое, волосы слегка вьющиеся”; “в очках, с бакенбардами, молодой”; “молодой, в очках, в военном костюме, темные волосы, круглолиц”; “молодой, в очках, темные волосы, челка слегка зачесана наверх, бакенбарды, лицо овальное, симпатичный, черты лица мягкие”; “широкий лоб, черные волосы, курчавые, лицо круглое, нос прямой, носит круглые очки”; “лоб покатый, грудь выпуклая, нос с горбинкой”; “умный, прямой, честный взгляд”; “в очках, среднего возраста”; “человек в очках, средних лет”; “в очках, черные курчавые волосы, с бакенбардами, нос прямой”; “темные, слегка вьющиеся волосы, бакенбарды, круглые очки, слегка удлинненный овал лица, немного детские глаза”; “портрет человека 36 лет: брюнет, в очках. Взгляд умный, пронзительный, но в то же время чувствуется мягкость”; “волосы черные, пышные, в очках”; “в очках, жилет, лет 30”; “в круглых очках, с бакенбардами”; “очки и длинные бакенбарды, крупный нос, длинноватый”; “в очках, с бакенбардами, прямой нос”; “[портрет] выполнен карандашом, лицо чистое, открытое, носил очки, добряк”; “в очках, без усов, с жабо”; “высокий лоб, в очках, во фраке и с жабо”; “не помню черты лица, светлые курчавые волосы”; “очки (пенсне), продолговатое лицо, темные волосы, редкие, черный костюм, белая рубашка, умное выражение глаз”; “черты лица не помню, но, вроде бы, крупные, светлые волнистые волосы”; “красивый мужчина около 40 лет, в пенсне, волосы черные густые, с пробором, глаза умные и добрые, во фраке”; “помню плохо — светлые волосы, маленькие очки”; “лицо полное, в очках, средних лет”; “лицо полное, в очках”.

Ответы испытуемых, отвечавших на вопрос о том, как они себе представляют *Грибоедова* и с внешней стороны, и со стороны его внутренних качеств, носят следующий характер (отметим, что испытуемые отвечали на этот вопрос, когда *и видели* портрет Грибоедова, *и читали* его произведения): “задумчивый и умный”; “чувствуется, что это человек умный, разбирается во многих вещах, тонко чувствует различные нюансы происходящего, здорово разбирается в психологии человека, в его поведении”; “человек недюжинного ума, с чувством юмора, хорошо разбирается в политике, психолог, дипломат, патриот, внешне напоминает Чацкого в исполнении Качалова”; “человек по тем временам свободомыслящий, т.е. обличающий существующий строй с его несправедливостью, угнетением человека, унижением его достоинства; автор, обличающий пресмыкательство, чиновничество, глупость. Автор — человек очень воспитанный, глубоко нравственный, честный, человек долга”; “... высокого роста, с жесткими черными волосами, узким лицом, пронзительными, глубоко посаженными глазами, волевым ртом, орлиным носом, с выдающимся подбородком, с резкими морщинами на лбу, нахмуренными бровями”; “мне кажется, что Грибоедов по внутренним качествам кровный брат Чацкого (почти)”; “... так и представляю, как видела, т.е. внешнее и внутреннее согласуется: в глазах ум и грусть, и вообще в его облике — благородство”; “[представляю] таким, каким я его видела на фотографии”; “резкий, прямой человек, ненавидящий свет, очень внимательный, замечающий все”; “представляю его таким, какой он есть”; “принципиальный, талантливый, умный — его внешние качества соответствуют внутренним”; “думаю, что его внешний вид не соответствует тому, что он писал — интеллигентная внешность [этому] не соответствует”; “портрет писателя тесно связан с качествами писателя: умные глаза символизируют точность и правдивость его произведений. Зрительный образ согласуется с внешним: прямой, с юмором... открытый, может правду сказать в лицо. Внешний вид — вид легкомысленного человека”; “честный, прямой, смеется над смешным, иногда может быть жестоким не только по отношению к другим, но и к себе”; “человек с открытым характером, принципиальный, справедливый, с задумчивым взглядом”; “приятный, умный, принципиальный, добрый, хороший друг”; “внутренне очень добр, спокоен”; “с внешней стороны — очень приятный и образованный человек, с внутренней — добрый, немного рассеянный в мелочах, однако, может быть настойчив в большом, очень умный, интеллигентный”; “единство внутренних и внешних качеств (блестящий ум, образованнейший человек эпохи)”; “привлека-

тельный, умный”; “молодой, образованный, смелый, упрямый”; “волевой, умный”; “внутренне собран, внешне немного рассеян”; “с внешней стороны — опрятный, со вкусом одевается, внутренние качества — интеллигентный, воспитанный, добрый”; “я его представляю добрым, отзывчивым, честным человеком. Но он ненавидит то, что чуждо интересам общества, высмеивает недостатки... людей”; “внешне и внутренне очень похож на Чацкого (в моем представлении)”; “внутренне гораздо интереснее, чем внешне, но сходство есть с некоторыми его героями”; “он мне представляется высоким молодым человеком. Прямой взгляд, непримирим ко лжи”; “перед тем, как прочитать, увидела портрет” (sic! — Ю.С.); “внешность и внутренние качества Грибоедова для меня совпадают с внешностью и внутренними качествами Чацкого”; “человек, хорошо разбирающийся в людях, умный”; “умный, разбирается в людях”;

2) *Достоевский* — “овальное лицо, негустые волосы, очень высокий лоб, небольшие глаза. умный взгляд”; “светлые волосы, серые глаза, небольшая борода, щеки немного впалые, брови гутые, большелобый”; “лицо продолговатое, носит бороду, глаза над нависшими бровями смотрят пронзительно, даже строго, твердый (sic! — Ю.С.) нос, поджатые губы, лицо изможденное”; “лицо смуглое, волосы темные”; “выражение лица угрюмое, нос средний, губы нормальные, глаза умные”; “лицо круглое, без бороды, волосы черные”; “видела портрет работы В.Г. Перова. Умное лицо, высокий лоб, опущенный взгляд, руки, переkreщенные на коленях. Видно, что им владеет какая-то неотвязная мысль...”; “лицо — угрюмое и отрешенное...”; “с бородой”; “лицо худое, волосы темные, борода”; “худое лицо, длинная борода, длинные прямые волосы. Взгляд сердитый, угрюмый”; “волосы черные, худощавый, залысина”; “интересный мужчина с усами и бородой, волосы длинные, лицо волевое, умный взгляд”; “полное лицо, круглолиц; с усами и бородой, волевой”; “светлые волосы, щеки, слегка заросшие щетиной, взгляд суровый... слегка усталый”; “худощавое лицо, борода”; “волосы черные, худощав”; “пронзительный взгляд, залысина... бакенбарды, длинные волосы”; “человек средних лет, лысоватый, скулы лица выдаются, сильные нервические руки”; “усы, борода”; “помню усы и бороду”; “худощавое лицо с глубокими морщинами, открытый взгляд, на лице — страдание”; “с бородой, с усами, уже в годах, очень серьезный взгляд”; “высокий лоб, волосы зачесаны назад, с бородой”; “мрачное, странное выражение глаз, темный костюм, борода, болезненный цвет лица”;

“мрачный, с бородой”; “с бородой, худой, темные волосы”; “пожилой мужчина в спортуке (?), лысоватый, хмурый, взгляд немного тяжелый”.

Ответы испытуемых, отвечавших на вопрос о том, как они себе представляют *Достоевского* и с внешней, и с внутренней стороны, носят следующий характер: “большой психолог. Сочувствует униженным и оскорбленным, пытается помочь найти выход, человек воспитанный, нравственный, честный”; “Достоевский мне представляется [человеком] с очень усталым лицом, безвольным ртом, мягким взглядом, грустным”; “скромный, легко общается с людьми”; “... кажется строгим, неприступным, а на самом деле прост, добр”; “очень умный, хорошо понимающий “маленьких” людей, знающий их психологию, сочувствующий им”; “... очень приятный, вызывает симпатию... серьезный, очень умный”; “сильный, жестокий к обществу, в котором живет, откровенный, серьезный, сумрачный, с опущенными глазами”; “судя по его книге “Преступление и наказание”, я представляю его замкнутым, сумрачным, жестоким”; “строгий, но добрый и чуткий, доброжелательный к людям, к их горю”; “несчастный человек в жизни, добрый”; “внутренне спокоен”; “... вызывает уважение... может потрясти до глубины души”; “неординарные мысли”; “брюнет, с бородой, худощавый, много испытал горя”; “интеллигентный, обходительный, лет 50, одевается со вкусом, утонченные манеры”; “... представительный мужчина, с характером, бунтовщик”; “задумчивый, очень серьезный”; “молодой, жизнерадостный, симпатичный”; “писал о жизни простых людей, о жизни богатых, создается впечатление, что пишет о себе”; “внутренние качества очень схожи с внешними. У него очень грустные глаза. И в произведениях его тоже какая-то безнадежность”; “внешне серьезен, как и серьезны его произведения”; “он мне представляется высоким, худым, с бледным лицом, длинными светлыми волосами. Он не хочет мириться с существующим образом жизни, но не знает, как изменить его”; “человек нервный, с болезненным воображением, вообще какой-то нездоровый, но умный”; “умный, резковатый, со своим собственным суждением”; “тонкий психолог”; “внешне представляю только таким, каким видела на портрете: много повидавший на своем веку, много переживший”; “тонко понимает психологию человека”.

Ответы испытуемых на вопрос о согласованности зрительного образа с представлением о писателе (и с внешней стороны, и со стороны внутренних качеств) таковы (отметим, что ответы на аналогичный вопрос о *Грибоедове* сугубо лаконичны — “да” или “нет”): “образ писателя не согласуется с моим представлением, так как характер у писателя

должен быть пассивный, но гуманный...” (ср. это высказывание с ответом на пункт (2д) — о существовании какого-либо представления об этом писателе: “Судя по произведениям, автор очень умен, резок, категоричен, даже зол, а портрет его — это портрет человека мягкого, либерального”); “да, согласуется, ведь и в жизни он постоянно искал, бился над решением каких-либо проблем, и на портрете он такой же ищущий, думающий, умный, понимающий человек”; согласуется, так как, видя портрет, а затем читая произведение, другой образ автора создать очень трудно”; “соответствует произведениям, которые он написал”; “внешние качества соответствуют внутренним”; “красивое лицо и добрый внутри. Портрет и представление о писателе согласуются между собой”; [не отвечая на пункт (2г),] испытуемый описывает свое представление о писателе (ответ на пункт (2д)) следующим образом: “мрачноватость и замкнутость... соответствуют настроению его произведений”;

3) **Фет** — “представляю мужчину средних лет; лицо рыхлое, полное; среднего роста, волосы густые; одет в сюртук”; “небольшие умные глаза, крупный нос, широкие брови, борода. В целом он мне показался некрасивым, но в нем чувствуется интеллигентность”; “крупное лицо, черные волосы и большая черная борода”; “помню только бороду”; “лицо полное, круглое, высокомерный взгляд”; “с усами, темные волосы”.

Нетрудно заметить, что описаний портрета этого отечественного писателя значительно меньше, чем описаний портретов *Грибоедова* и *Достоевского*. Такое же незначительное число ответов было дано испытуемыми и на другие вопросы анкеты:

пункт (2б) (описание внутренних и внешних качеств писателя) — “глаза темные, выразительные, без очков, невысокий; по характеру — восторженный, любит говорить, но друзей мало, не все его понимают, понимают его влечения и интересы”; “он должен быть добрым человеком, лицо умное, глаза обязательно веселые”; “немолодой человек, худощавый, невысокого роста, с большими голубыми глазами, очень добрый, нежный”; “... кудрявый, с ясными голубыми глазами, с улыбкой... легкий характер, веселый, доброжелательный”; “добрый, нежный, любит природу”; “судя по стихам, это человек, глубоко любящий природу, добрый, справедливый”; “желчный старикан”; “старенький, добрый, невысокого роста, в очках”; “с бородой, темные волосы, карие глаза, добрые, средних лет... любящий родную природу, отечество”; “внутренне чист душой, умеет увидеть прекрасное в обыденном... высокий стройный мужчина с проседью... борода и карие красивые глаза”; “доб-

рый, интересный”; “... это человек с открытой, чистой душой, любящий родную природу и родину”; “в стихах он моложе, добрее, внешне — более суров”; “молодой, жизнерадостный, симпатичный”; “серьезный, умный”; “молодой, счастливый, любит природу, кроме нее, ничего не замечает”; “любит природу”; “располагающая внешность, добрый, мечтатель”; “... любящий природу, интересный”; “... мягкий, доброжелательный, приятный в общении”;

пункт (2г) (о согласованности зрительного образа с представлениями о писателе) — “... не согласуется внешний его образ с тем, который возникал у меня, когда я еще не видела его портрета. Он для меня был более мягким, лиричным и вообще более красивым”; “зрительный образ согласуется с содержанием стихов... его добродушие согласуется с его любовью к природе”; “на мой взгляд, внешность писателя не соответствует его произведениям, блестящий собеседник и тонкий лирик не угадываются в нем”; “не согласуется. Внешне очень приятный, но в стихах лучше”; “нет, не согласуется (с внешней стороны)”;

пункт (2д) (о существовании какого-либо представления об этом писателе) — “мягкий добрый взгляд, простое симпатичное лицо. Добрый, ласковый, любящий жизнь, природу...”; “хороший добрый человек”; “... добрый хороший человек, молодой, писал стихи о природе”; “он не хотел замечать те недостатки, что были в жизни, и хотел в искусстве отразить все красивое”; “оптимист”.

В свою очередь, ответы, полученные от испытуемых-девушек относительно *Бальзака, Гюго* и *Мольера*, можно суммировать следующим образом:

1) **Бальзак.** *Видели* портрет этого писателя и *читали* его произведения — 30 ответов; *видели только портрет* — 1 ответ; *не видели портрета, но читали произведения* — 15 ответов; *видели портрет, но не читали произведений* — 2 ответа; *не видели портрета и не читали произведений* — 1 ответ. *Согласуется* зрительный образ с представлением о писателе — 12 ответов; *не согласуется* — 9; *согласуется не вполне* — 4; *отказов* от ответов — 7 (отметим также, что о наличии внешнего и внутреннего представления о писателе свидетельствуют 17 ответов (при 42 отказах от них), а об его отсутствии — 1 ответ. (Напомним еще раз, что, отвечая на пункты (2в), (2г) и (2д), испытуемые, как правило, не принимают во внимание специфику каждого вопроса и дают некий суммарный ответ. По-видимому, эту тактику испытуемых следует рассматривать как тактику маскировки своей компетенции или некомпетенции.);

2) **Гюго**. Видели портрет этого писателя и читали его произведения — 11 ответов; *видели только портрет* — 1 ответ; *не видели* портрета, *но читали* произведения — 19 ответов; *не видели и не читали* — 3 ответа; *видели, но не читали* — 2 ответа. *Согласуется* зрительный образ с представлением о писателе — 9 ответов; *не согласуется* — 1; *согласуется не вполне* — 1; *отказов* от ответов — 6 (о наличии внешнего и внутреннего представления о писателе свидетельствуют 23 ответа при 39 отказах от них), об отсутствии какого-либо представления — 1 ответ;

3) **Мольер**. Видели портрет этого писателя и читали его произведения — 17 ответов; *видели только портрет* — 1 ответ; *не видели* портрета, *но читали* произведения — 6 ответов; *не видели и не читали* — 12 ответов. *Согласуется* зрительный образ с представлением о писателе — 12 ответов (при 19 отказах от них), причем о наличии внешнего и внутреннего представления о писателе свидетельствуют 20 ответов (при 51 отказе).

Испытуемые дают следующие визуально-ментальные характеристики портретам этих авторов:

1) **Бальзак** — “полный, с усами и бакенбардами”; “красивый, лицо круглое, волосы волнистые, густые”; “крупное полноватое лицо, небольшие глаза, в которых светится ум, усы, темные волосы”; “крупный мужчина, довольно-таки симпатичный”; “крупного телосложения, глаза умные, волосы темные, симпатичный”; “прямые длинные волосы, бакенбарды, полное лицо, нагловатый взгляд”; “пожилой человек, полное лицо, волосы средней длины, бакенбарды, большой нос”; “полный, с усами, волосы длинные, вьющиеся”; “интересный мужчина, с круглым лицом, с усами и бакенбардами, волосы немного волнистые, умные глаза, очень любил женщин”; “высокий, полный, глаза большие, лицо уставшего человека, волосы волнистые, с усами”; “лицо полное, глаза большие, темные, лицо слегка обрюзгшее, волосы слегка волнистые, темные, губы толстые, нос не курносый”; “длинные волосы с пробором, очень крупное лицо, черные усы”; “... кудрявый, с ясными голубыми глазами, с улыбкой на лице, легкий характер, веселый, доброжелательный”; “полный, лысоватый, бакенбарды”; “солидный мужчина, высокий лоб”; “добрые глаза, полное лицо, лоб большой”; “полное лицо, с усами, черные вьющиеся волосы”; “очень полный человек, усы, редкие вьющиеся длинные волосы, довольно приятный...”; “полный человек средних лет с пристальным взглядом красивых глаз, черные волосы и усы”; “брюнет невысокого роста, с усами, приятный взгляд”; “... лет 40... в рубашке, плотный, видом напоминает крестьянина, фермера”; “пол-

ный... с усами”; “круглое полное лицо, усы...”; “очень толстый, большой двойной подбородок, с усами”; “лицо широкое, с усами, волосы зачесаны (sic!) на пробор”; “полный, серьезный, черные прямые волосы, длинные, грузный”; “полный красивый мужчина, длинные волосы”; “мужчина средних лет, полный, светлые волосы, умные глаза”; “лицо толстое, гладкое, не очень приятное (весь какой-то большой, все большое — губы, нос)”; “мужчина средних лет, полный, лицо круглое, волосы темные, выющиеся”; “лицо полное, бакенбарды, волосы русые, глаза светлые”.

В свою очередь, испытуемые следующим образом характеризуют *Бальзака* со стороны его внешних и внутренних качеств (как и в предыдущих ответах относительно русских писателей, испытуемые отвечали на этот вопрос, когда *и видели* портрет Бальзака, *и читали* его произведения, чем, по-видимому, и объясняется контаминация визуального образа с оценочным): “полный, пожилой человек, хорошо знающий свет, людей”; “... приятный человек... умный, добрый”; “... мне кажется, он должен много знать, много пережить”; “представляла, что он более красив”; “легкомысленный, ветренный, умный”; “легкомысленный, тяжелая жизнь в нужде”; “душевный... сильной воли, целеустремленный, принципиальный”; “прекрасные душевные качества, очень умный”; “брюнет, приятный, с усами, с маленькой бородкой”; “высмеивает ханжество, но сам человечен, пишет о судьбах людей”; “в произведениях он суров, насмешлив”; “красивый, много повидавший человек, умный, но не очень счастливый в любви”.

Представим теперь ответы испытуемых на вопрос относительно согласованности зрительного (визуального) образа с представлением об этом писателе, а также и ответы касательно какого-либо — самого общего — представления о *Бальзаке* (укажем снова, что испытуемые, хотя и не все, “отказываются” различать пункты (2в) и (2д) анкеты (“*не видели, но читали*” и “*не видели и не читали*”), как и пункты (2в) и (1б), причем это неразличение характерно и для ответов по поводу русских писателей): “жизнь его была очень тяжелая, испытал очень много трудностей”; “да, согласуется”; “не согласуется, критик буржуазных порядков”; “полностью согласуется”; “да, согласуется”; “судя по произведениям, он другой человек”; “[он] соответствует своим произведениям”; “да, но не полностью”; “не совсем”; “много писал о женщинах, тонко знает их психологию, но не думаю, что с такой внешностью мужчины очень нравятся женщинам”; “зрительный образ согласуется с описаниями. И с внутренними качествами”; “да, согласуется (а по документам, которые

читала, нет)”; “да, согласуется”; “согласуется”; “зрительный образ — другой”; “совершенно другой человек, чем на портрете (не согласуется с внешней стороны)”; “согласуется, внешность как бы подтверждает размах и силу бальзаковских произведений”; “не согласуется”; “нет, так как он эрудирован, умен, а на фото это не выражено”; “не согласуется: внешняя простота и большой ум”; “не согласуется”; “не согласуется: на портрете он веселый, странный”; “не совсем. Внешне он выглядит очень благодушным, и хотя в некоторых произведениях он такой, в большинстве других он жесток”; “согласуется”; “не согласуется”. “[Представляю] не таким, каков он был на самом деле”; “не согласуется”; “нет, не согласуется”; “не совсем”; “согласуется”; “согласуется”.

2) *Гюго* — “лицо худощавое, без бороды и усов, старый, волосы седые, немного вьются”; “худое лицо, гладко причесанные волосы, худой, прямой нос”; “волосы седые, старый, усы”; “видела в кино: круглолицый, черненький, брови черные”; “добрые глаза, усталое лицо, задумчивый взгляд”; “большой лоб, короткие волосы, задумчивый взгляд”; “старый... седые волосы, борода, усы; орлиный нос, пронизательный взгляд”; “старик лет 80, седой, с бородой, добродушен, лицо круглое, взгляд теплый, доброжелательный”; “пожилой, с бородой и усами”; “... пожилой, строгое выражение лица”; “седые волосы, седая борода и усы, усталый. В старости он гораздо красивей, чем в молодости”; “полноватый, но немного, мужчина, с бородой и усами”; “старый, с густыми седыми волосами и бородой”.

Ответы испытуемых относительно согласованности зрительного (визуального) образа с представлением об этом писателе, а также относительно какого-либо — самого общего — представления о *Гюго* оказались таковы: “согласуется, серьезный, умный”; “представляю бледного тщедушного человека; черные веселые глаза, рот больше среднего, мягок в обращении, добр”; “согласуется, добрый, очень любит Париж, людей”; “представляю высокого, худощавого мужчину, лицо с темными глазами, прямым носом, сжатыми губами и почему-то усами. [...] Человек, понимающий других, умеющий осудить зло”; “средних лет... не симпатичный, но чувствуется сила”; “... представить себе не могу”; “самое хорошее представление”; “согласуется”; “... серьезный, умный, добрый... вызывает симпатию”; “согласуется, человеколюбивый, умный”; “согласуется, но не полностью”; “думаю, что он умный, с сильным характером, не очень красивый, с изюминкой”; “не представляю”; “не думала, вроде, “да”. Серьезный, задумчивый, с критическим складом ума”; “умный, задумчивый”; “согласуется, очень добрый, внимательный,

чуткий, отзывчивый”; “согласуется, романтичен”; “доброжелательная улыбка”; “согласуется, порывистый человек, романтик, мечтатель, добр”; “представляется человеком с открытым взглядом юных глаз, черными волосами”; “красивый, приятный взгляд, серьезный, брюнет”; “согласуется”; “не согласуется”; “натура героическая, с мужественным характером”; “согласуется, добрый, очень серьезный”; “согласуется. Он внешне такой же: очень добрый, серьезный и мягкий человек”; “согласуется. Внешне так же серьезен и умен. Добрый и умный человек”; “средний возраст, мудрый, седой”; “с внешней стороны не представляю, а так: умный, знает жизнь”; “ничего определенного [сказать не могу]”; “добрый, интересный”;

3) *Мольер* — “в парике, с усами”; “красивое молодое лицо, мелкие правильные черты лица, высокий лоб; длинный парик”; “очень симпатичное молодое лицо с веселыми умными глазами, небольшими усиками, в огромном кудрявом парике, черты лица правильные”; “усы, волосы (или парик) длинные, вьющиеся, очень красивые губы”; “узкое лицо, красивое, волосы длинные, волнистые”; “круглый, парик, ясный взгляд, нос толстоват”; “веселые глаза, на голове парик”; “очень красивый, в завитом парике”; “весь в кружевах, кудрявые длинные волосы (парик), тонкие усики, лукавый взгляд, тонкое лицо, холеные руки”; “худое лицо, добрый взгляд”; “молодой человек в завитом парике, с усами, плутовским выражением глаз”; “брюнет, красивый, кудрявые волосы, усы”; “белый парик с косой, лицо пухленькое, взгляд надменный”; “худое лицо, глаза умные и добрые”; “в парике, с усами, красивые глаза, легкая улыбка на губах”; “парик, усы”.

Теперь представим ответы испытуемых относительно согласованности визуального образа с представлением об этом писателе, а также ответы, характеризующие некоторое — самое общее — представление о *Мольере*: “да, согласуется, [это] человек, написавший много замечательных произведений”; “выдающийся французский писатель, передовой человек своего времени”; “да, согласуется, только такой человек мог написать то, что написал Мольер”; “приятный, обаятельный человек... близок к народу”; “согласуется”; “плутовской, насмешливый человек, любитель шутки, высмеивает пороки и недостатки людей”; “молодой, веселый, остроумный, любитель девушек”; “молодой, часто смеющийся, остроумный, психолог, умный”; “представляется через свои произведения человеком с трудным характером”; “согласуется, серьезный, иногда веселый, неудовлетворенный своею жизнью”; “согласуется”; “зрительный образ согласуется”; “согласуется... лукав, весел, насмешлив... очень

обаятельный, со вкусом, утонченный парижанин”; “зрительный образ согласуется с прочитанными произведениями. Его лукавство сквозит не только во взгляде, но и в произведениях”; “красивый, серьезный, брюнет”; “тучный, одет неряшливо, бегаёт по сцене, подвижный”; “[представляю] таким, какой он есть на самом деле”; “не представляю никак”; “справедливый”; “согласуется. Очень веселый, остроумный, насмешливый. У него внешний вид веселый и насмешливый”; “согласуется. Своим творчеством, своим смехом, широкой и яркой картиной жизни близок народу”; “парик, жабо, веселый”; “мужчина средних лет, приятные черты лица, с бородой, с усами, карие глаза”; “согласуется, веселый, всегда улыбается, в парике и с усами”; “согласуется”.

Ответы юношей-испытуемых мы вынуждены представить, не указывая, как распределились ответы, во-первых, потому, что испытуемых было немного, во-вторых, из-за характера самих ответов: только двое из двенадцати испытуемых сумели дать визуальную и аксиологическую характеристику всем шести писателям; остальные испытуемые охарактеризовали лишь *Грибоедова* и *Достоевского*.

Испытуемые-юноши следующим образом представляют портрет *Грибоедова*: “черный костюм, волосы зачесаны назад, гладко выбрит, смотрит в пол оборота... изображен в возрасте 32-35 лет, в очках”; “очки, гладко выбрит, узкое лицо”; “... сидит и что-то пишет. На лице его задумчивое выражение. Какая-то мысль... завладела им. Его темные глаза устремлены вперед. Задумчивый взгляд. Русоволосый. Русая борода. На глазах очки”; “сидит почти в профиль. Очки, длинные кудрявые бакенбарды, черные волосы, овальное лицо, прямой нос, невыразительные глаза. В черном фраке и белой манишке”; “мужчина лет 30, волосы черные, зачесанные назад и набок, прямой нос, брови тонкие, глаза темные, носит монокль, одет в черный фрак, воротник рубашки поднят, с загнутыми уголками... черная бабочка-галстук. Черты лица твердые, губы тонкие, подбородок слегка заострен”; “сидит за столом, пишет что-то. Вид задумчивый”; “... сидит. Лицо несколько продолговатое, немного припухшие губы, маленькие очки. Густые темные волосы на пробор. Белая рубашка и черный костюм”; “благородный профиль, старомодные очки, густые черные кудрявые волосы, уложенные в модную по тому времени прическу (хохол, завиток). Жабо, огромный воротник у фрака (или сюртука?). Маленькие аккуратные губы”; “мужчина лет тридцати, густые темные волосы, небольшие выразительные глаза под стеклами круглых очков, губы, похожие на женские. Одет в черный костюм и белоснежную рубашку... жабо. Голова немного наклонена вниз, взгляд

добрый”; “человек с правильными чертами лица. У него — маленькие круглые очки (типа пенсне)”.

В свою очередь, *Достоевский*, по их представлению, выглядит следующим образом: “изображен в возрасте \approx 45 лет, взгляд недовольный, изображен в анфас”; “высокий открытый лоб, борода, овальное лицо, умные глаза”; “мужчина среднего возраста, немного полноват, лицо мягкое, доброе, носит монокль...”; “лицо умное, проникновенное. Волосы длинные... Лицо бледное”; “сидит, положив ногу на ногу, сцепив руки на коленях. В темной одежде. Немного седоватые борода и усы. Взгляд устремлен в глубину”; “сидит, немного сгорбившись, в просторном серо-зеленом сюртуке и полосатых брюках. Руки скрещены на коленях. Лицо задумчивое, углублен в какие-то мысли”; “мужчина лет сорока пяти сидит, глубоко задумавшись. Его глубокие темные глаза устремлены будто в самого себя. Пышная борода”; “человек с длинной бородой, очень серьезный, с правильными чертами, лица, очень умным взглядом”; “высокий лоб, большие умные глаза, борода”; “высокий лоб, большие глаза, прямой нос”.

Приведем теперь ответы ии., касающиеся согласованности визуального образа с представлением о писателе, а также свидетельствующие о характере этого образа:

Грибоедов — “да, согласуется... хорошо знает жизнь...”; “да, согласуется, умный, начитан, вежлив, интеллигент”; “исходя из его произведений, можно сказать, что этот человек любит свой народ... но в то же время бичует его недостатки. Реалист. Ненавидит крепостной строй и верит в светлое будущее. Хорошо знает свой народ и ненавидит его угнетателей”; “правдиво изображает действительность, высмеивает пороки общества, борется против зла и насилия, несправедливости. Умный, разбирается во многих вещах”; “стройный человек с волевым лицом... свои политические взгляды не меняет”; “... образованный, вдумчивый, с дипломатическими способностями, разносторонне развитый, одним словом, человек своей эпохи”; “... очень умный. Хорошо знает историю. Не лишен остроумия... поэтическая натура... интересный собеседник”; “умный, образованный, хорошо знающий дворянское общество. Добрый и очень любит людей. Дворянское общество, особенно свет, знал в совершенстве, но видел его пороки. Хотел исправить их”; “умный, добрый, может сразить словом, образованный, сильный”; “честный, добрый, умный, свободомыслящий”; “умный, добрый взгляд”;

Достоевский — “да, согласуется, угрюмый, немолодой человек, ни в коем случае не аристократ”; “умен, добр, сентиментален, любит

людей”; “в моем представлении внешний образ совпадает с внутренним”; “да, согласуется. Его внешность свидетельствует о том, какой тяжелой была действительность, какое большое горе испытывали люди. Умело описывает жизнь людей: нищету, бесправие. Прекрасный мастер портрета, тонко передающий все детали...”; “согласуется... и по произведениям, и по портрету чувствуется человек высоких моральных качеств”; “нет, не согласуется, не увязывается с некоторыми моментами юмора, сарказма в его произведениях, наличием острого ума, внешне не всегда собран. Обладает способностью усматривать связь в жизненных явлениях, в окружающем мире. ... что-то ненормальное, какая-то оторванность от мира. С другой стороны... знание мира, диалектизм мышления. В глазах что-то потустороннее”; “в основном — да. Мыслящий, гуманный, честный... довольно приятный человек”; “согласуется — жесткий, деловой, с сильной волей, хорошо знающий свое время... очень умный... высокий лоб, глубокие глаза, но мешают просторный сюртук и широкие плечи”; “согласуется... пытался разгадать душу человека, его поведение. Умный, дальновидный, но беспощадный”; “не согласуется... старается улучшить жизнь людей, хотя в своем романе “Идиот” иногда критически к ним относится”; “необыкновенный ум, глубокое знание психики человека, доброта, честность, любовь к людям”; “согласуется, серьезный, умный, настойчивый, решительный”.

Ответы двух испытуемых-юношей относительно *Фета, Бальзака, Гюго* и *Мольера* носили следующий характер:

Фет — “... видел гравюру, поэтому довольно трудно описать его. Изображен во весь рост, в возрасте 53-55 лет, черты лица правильные. [Зрительный образ и представление о нем] “приблизительно согласуются”; “возможно, очень сентиментален” (ответ на пункт (2в)); для испытуемых-юношей, так же, как и для испытуемых-девушек, характерно “не-различение” вопросов анкеты); [отказ от ответа];

Бальзак — “... несколько толстый, в очках, черный сюртук, волосы густые, черные, двойной подбородок”; [отказ от ответа]; “полное лицо, длинные волосы, задумчивый взгляд, решительное лицо” [зрительный образ и представление о нем согласуются];

Гюго — “да, видел, но в настоящий момент не смогу его описать” и “решительный человек, революционер”; [отказ от ответа];

Мольер — “не помню, возможно, видел”; “мужчина средних лет, принадлежит к высшему сословию, черты лица правильные, типичное лицо дворянина средних лет” (ответ на пункт (2в)); “не видел”; “[мне

кажется, он] жизнерадостен, остроумен, энергичен” (ответ на пункт (2в)).

А теперь попробуем истолковать полученные результаты. Во-первых, ответы испытуемых свидетельствуют о различной детализированности ментального портрета в зависимости от того, отечественный это автор или нет (хотя и имеется вполне доступный иконографический материал, служащий основанием для построения ментальных портретов и своих, и чужих писателей. См., например, [6; 7; 9; 17; 1; 8; 11]): полнее и точнее детализированы портреты отечественных авторов (по-видимому, под влиянием хотя и скудной, но все же используемой в школьных и вузовских учебных иконографиях), причем в ряду *Грибоедов — Достоевский — Фет* наибольшей полнотой и точностью (при всей условности и точности, и полноты) характеризуется портрет *Грибоедова*, а наименьшей — *Фета*. Аналогичная закономерность наблюдается и в ряду *Бальзак — Гюго — Мольер*: наибольшая полнота и точность характерна для портрета *Бальзака*, наименьшая — для *Мольера*.

Во-вторых, и ответы ии.-девушек, и ответы ии.-юношей характеризуются тем, что можно было бы назвать соматологической разорванностью карты-портрета: вопреки выводам Т.А. Кривченко о том, “... что в общем описание или “считывание” тезауруса идет сверху вниз, по вертикали: от общих единиц к частным” [10: с.15] полученные нами результаты свидетельствуют не о такой “логической” последовательности, а, скорее всего, о “считывании” диффузном — выбираются и объединяются признаки самой различной соматологической и визуально-аксессуарной “модальности” — признаки, рассматриваемые испытуемыми как базовые составляющие карты-портрета. Иными словами, происходит “...идентификация определенного лица на основании маски...” [4: с.15], на основании устойчивых (реальных и квазиреальных) соматологических и визуально-аксессуарных вех, указывающих на семантико-аксиологическую фактуру портрета: “Портретное сходство может быть достигнуто с помощью немногих характерных черт лица, сумма же остальных мелких признаков, связанных с этими основными категориями, будет найдена произвольно” [4: с.55].

Соматологическая и визуально-аксессуарная разорванность есть, по-видимому, состояние, априори предполагающее неполноту (недетализированность) и неточность описания (реконструкции) портрета автора. Точнее говоря, описания, являющегося, прежде всего, достаточным для указания на некоторый хронотопический и визуально-представляемый мир. Если считать, что этот мир относится к типу внут-

ренных (воображаемых) (см. по этому поводу [12: с.462-492]) — миров перцептивно-когнитивных и эмотивных универсалий, то становится объяснимым и феномен такой разорванности: он возникает из-за необходимости совмещения “разномодусных” признаков, выбираемых при реконструкции из поливалентных универсалий. Набор таких признаков, как показывают наши материалы, весьма устойчив и стабилен не только у студентов. Испытуемые-преподаватели также используют аналогичные соматологические (и вкуче с ними — в ряде случаев — и визуально-аксессуарные) вехи: “видел портрет зрелого *Фета*, облысело, с бородой”; “видел портрет *Достоевского*. У него... сумрачное лицо с высоким лысеющим лбом, с небольшой бородой, с пристальным и напряженным взглядом. На известном портрете Перова *Достоевский* изображен в позе глубокой сосредоточенности, с глазами, устремленными в одну точку, с руками, оплетающими колени. Конечно, он не похож на “Мыслителя” Родена, но это тоже мыслитель, хотя более нервный, более измученный жизнью и мыслями”. Ср. с этим визуально-ментальные портреты *Бальзака*, *Гюго* и *Мольера* (все описания предложены одной испытуемой):

Бальзак — “полное, одутловатое лицо, усы, современная (нам) прическа, расстегнутый ворот рубашки — все дышит энергией и силой духа”;

Гюго — “крупное лицо... борода, большой нос — лицо мэтра”;

Мольер — “для меня портрет Мольера — это, прежде всего, парик, камзол, кружевные воротнички, т.е. XVIII... век. Низкие густые брови, умный взгляд, усы стрелками. В облике есть что-то простонародное”.

Будучи лишь фрагментом ментального образа, такие разорванные визуальные составляющие сосуществуют с некоторыми другими (а может быть, даже являются основой их возникновения), а именно с аксиологическими составляющими, выступающими как дополнительные по отношению к первым. Именно с помощью составляющих-аксиологем и создается ментальная *непрерывность* в описании портрета: сугубо соматологические и визуально-аксессуарные вехи чередуются с аксиологическими, выстраиваются в интерпретативные цепочки, с помощью которых совмещаются (с указанием на их противоречивость или непротиворечивость) различные фрагменты ментального образа. Такая тактика совмещения характерна не только для ии.-студентов, но и для ии.-преподавателей: 1) ”судя по произведениям, автор (*Достоевский* — *Ю.С.*) очень умен, резок, категоричен, даже зол, а портрет его — это

портрет человека мягкого, либерального” (совмещение, принадлежащее испытуемой-студентке); 2) ”... зрительное представление вполне согласуется с тем образом, который формируется на основании чтения произведений *Достоевского*. Но образ *Достоевского* как романиста, мыслителя, человека несравненно шире и богаче всех живописных изображений, в том числе и самого знаменитого — портрета кисти Перова. Скульптурные изображения Коненкова слабо передают облик *Достоевского*, гениального писателя, страдальца, страстного полемиста и провозвестника новых, более гуманных отношений между людьми. Он много ошибался, впадал в противоречия, высказывал неверные политические взгляды (“Константинополь должен быть наш”), но, несмотря на это, он навсегда останется для людей образцом неутомитого алкания истины и добра, образцом Искателя. *Достоевский* — “весь борьба”, как сказал Лев Толстой” (совмещение, принадлежащее испытуемому-преподавателю). Третьей, непосредственно связанной с вышеизложенным, особенностью ответов испытуемых-студентов является, как правило, аксиологическая однофокусность (одномерность) описания портрета, противостоящая многофокусности (многомерности) такого описания у испытуемых-преподавателей; ср.: “согласуется, веселый, всегда улыбается, в парике и с усами” (описание портрета *Мольера*, принадлежащее испытуемой-студентке) и “воображение невольно “поправляет” портрет. Кажется, что лицо должно быть немного другим — более отточенным (как фраза *Мольера*), изящным, более “старинным” (не столь современным). Есть какая-то дисгармония между одеждой *Мольера* и его лицом. В облике *Мольера* мне видится что-то щегольское, нервное, птичье, а глаза — насмешливые, пронизательные, иногда даже злые. В нем есть что-то от Моцарта, а что-то — от Вольтера” (описание, принадлежащее испытуемой-преподавательнице).

Такое же противопоставление однофокусного (одномерного) описания многофокусному (многомерному) наблюдается и при реконструкции портретов отечественных писателей. Ср., например, два образа *Фета*: а) ”судя по стихам, это человек, глубоко любящий природу, добрый, справедливый” (реконструкция предложена испытуемой-студенткой) и б) ”охотник... Скуп. В начале 60-х годов судился из-за крестьянских гусей, которые зашли к нему в огород. Смеялась “Искра”, защищал сенатор Вл. Одоевский. О человеке говорил грустно — как о сосуде скудельном. То же о себе, но стремился зачерпнуть хоть каплю стихии чистой, запредельной. Переводил в конце “Мир как воля...”

Арт. Шопенгауэра — “сурового буддиста”... Грусть эта есть и в портрете” (реконструкция предложена испытуемым-преподавателем).

Отметим также, что, вопреки результатам Т.А. Кривченко, свидетельствующим о том, что “... гомогенные группы при описании внешности людей... используют большее (в пяти случаях из шести) количество единиц тезауруса, чем гетерогенные группы”, что “... женская группа испытуемых по сравнению с мужской группой испытуемых использует намного больше единиц тезауруса для описания... внешности диктора как по свободной, так и по регламентируемой инструкции” [10: с.20, 17)], мы пришли к несколько иным выводам: 1) и юноши, и девушки используют достаточно ограниченное (постоянное) количество признаков (“единиц тезауруса”), из которых “собираются” визуальноментальные портреты писателей. Иными словами, “детализация” этих портретов, предлагаемая девушками-ии., в принципе аналогична детализации, предлагаемой юношами-ии. (Она столь же реальна, сколь и фантамна.) (ПРИМЕЧАНИЕ: Утверждение Т.А. Кривченко, что в “денотатной структуре внешности человека... I и II уровни представляют общие характеристики “телосложение” и “лицо”, а III-IV уровни представляют более мелкие характеристики “волосы” и “глаза” человека” [10: с.23], также не подтверждается, ибо именно такие признаки, как “волосы” и “глаза”, оказываются наиболее значимыми для описания портретов писателей. Ср. с этим и следующее наблюдение И.И. Степанченко относительно портретирования в поэтических текстах: “... сердце, волосы, глаза, походка и фигура (стан) — это наиболее общие и в то же время наиболее глобальные характеристики человека, необходимые для того, чтобы составить о нем положительное или отрицательное впечатление” [15: с.192].); 2) может быть оспорен и вывод Т.А. Кривченко о “считывании” внешности человека как о процессе, развертывающемся от общих единиц к частным “или наоборот” [10: с.15, 14]: наши материалы позволяют утверждать, что это “считывание” носит диффузный (мозаичный) характер в силу специфических правил чтения соматологических карт (о них см. [14]); 3) а также полагать, основываясь на результатах и других экспериментов [14], что описание внешности человека (и в частности, описание портрета писателя), является, как правило, *описанием-квалификатором (портретом-квалификатором)*. Оно, говоря словами Дж. Гибсона, “одновременно и физическое, и психическое, хотя и ни то, и ни другое” [5: с.191]. Точнее говоря, это описание есть одновременно и фиксация физических признаков, и распределение их в аксиологиче-

ском (коннотативно-эмотивном) микрополе (как правило, физическое — это лишь форма инобытия ценностного), являющемся, по-видимому, фрагментом *ниши* в том ее понимании, какое предлагает Дж. Гибсон [5: с.190], причем процесс этнико-культурологической эгорецепции и экстероцепции (термины “эгорецепция” и “экстероцепция” заимствованы у Дж. Гибсона (см. [5: с.290-292]) в этой нише зависит не только от “правил” зрительной кинестезии (см. в связи с этим [5: с.187-188]), но и от меры привычности видимого мира (о нем см. [5: с.193-195]) — в нашем случае, например, от характера цветности (глаз и волос), оцениваемой в качестве “своей” и “знакомой” (о глубинных установках такого рода, уводящих в диахронию, см. [3]).

Очевидно, рассогласование между правилами зрительной кинестезии и мерой привычности и является причиной этнокультурологической прозопагнозии (см., в частности, [16]).

Л и т е р а т у р а

- [1.] *Бальзак О.* Избранные произведения. М., 1949.
- [2.] *Бебчук Е.М.* Образный компонент в лексическом значении русского существительного: Автореф. дисс... канд. филол. наук. Воронеж, 1991.
- [3.] *Вербицкий Е.* О цвете глаз и волос у населения некоторых местностей России. // Физиономия и выражение чувств. Сочинение П. Мантегаццы, профессора Музея Естественных Наук во Флоренции. С Введением, составленным автором для русского издания и с таблицами рисунков. Киев, 1886.
- [4.] *Герасимов М.М.* Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек). // Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Нов. серия. М., 1955. Т. XXVIII.
- [5.] *Гибсон Дж.* Экологический подход к зрительному восприятию. М., 1988.
- [6.] *Грибоедов А.С.* Горе от ума. М., 1969.
- [7.] *Грибоедов А.С.* Сочинения в стихах. Л., 1987.
- [8.] *Гюго В.* Избранные произведения в двух томах. Т. 1. М.-Л., 1952.
- [9.] *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений. Т. 1. М., 1956.
- [10.] *Кривченко Т.А.* Психологические особенности использования индивидуального тезауруса внешности: Автореф. дисс... канд. филол. наук. М., 1992.
- [11.] *Мольер Ж.-Б.* Комедии. М., 1953.
- [12.] *Ортега-и-Гассет Х.* Эстетика. Философия культуры. М., 1991.
- [13.] *Сорокин Ю.А.* Психолингвистические аспекты изучения текста. М., 1985.
- [14.] *Сорокин Ю.А.* Этническая конфликтология. Самара, 1994.
- [15.] *Степанченко И.И.* Лексика лирики С. Есенина (функционально-типологический анализ). Киев, 1992.
- [16.] *Тайны человеческого лица.* // За рубежом. 1985, № 37 (1314).
- [17.] *Фет А.А.* Вечерние огни. М., 1971.

Феномен языковой личности в свете лингводидактики

© доктор педагогических наук Л.П. Клобукова, 1997

В практике преподавания русского языка как иностранного чрезвычайно важно учитывать то обстоятельство, что использование говорящим разных языковых подсистем обусловлено ситуациями общения. Такой вид отношений между двумя системами принято называть *диглоссией*. Под диглоссией в этом случае понимается “явление, заключающееся в том, что члены одного и того же языкового общества, владея разными коммуникативными подсистемами — языками, диалектами, стилями, — пользуются то одной, то другой в зависимости от социальных функций общения”¹.

Явления диглоссии обнаруживают близость к явлениям билингвизма. И в том, и в другом случае отмечается различие говорящим или пишущим разных языковых кодов и обусловленность переключения с одного кода на другой ситуацией общения. Однако диглоссия, в отличие от билингвизма, характерна для определенных социальных отношений, билингвизм же — черта индивидуальной языковой личности. Кроме того, существенное отличие состоит в том, что билингвизм означает владение разными языками, в то время как диглоссия свидетельствует об овладении говорящим (или пишущим) разными системами в рамках одного языка.

Проецируя проблемы функционально-стилистической дифференциации современного русского литературного языка на процесс обучения иностранных учащихся речевому общению в рамках различных сфер их деятельности (социально-культурной, учебно-профессиональной, сфер делового, повседневного общения и др.), можно констатировать, что важнейшей задачей современной коммуникативно ориентированной методики преподавания русского языка как иностранного становится целенаправленное формирование у учащихся явлений зрелой диглоссии.

Данная проблема оказывается непосредственным образом связанной с другой — проблемой языковой личности. В истории науки всегда существовали феномены, которые одновременно становились объектом

¹ Крысин Л.П. Владение разными подсистемами языка как явление диглоссии. // Социально-лингвистические исследования. М., 1976.

исследования различных ее отраслей. В последние десятилетия, в связи с резко возросшим объемом междисциплинарных разработок, такие ситуации возникают все чаще. При этом объект, попадающий в поле зрения различных наук, оказывается и в выигрышном, и в сложном положении. Это естественно. С одной стороны, подход к объекту с позиций разных научных дисциплин позволяет активизировать его изучение, вести научные разработки многопланово, исследуя различные аспекты, различные грани изучаемого явления. С другой стороны, в этом случае неизбежно терминологическое, понятийное усложнение ситуации (ведь каждое направление предлагает свое понимание терминов), а зачастую и недостаточное знакомство с результатами работы друг друга.

В свое время подобная участь постигла такой научный феномен, как текст, который стал объектом изучения многих отраслей науки: психолингвистики, социолингвистики, теории коммуникации, логики, лингвистики, литературоведения и других. Очень хорошо об этой ситуации писал С.И. Гиндин: «Грамматисты не ссылаются на исследования по стилистике, русисты — на работы англистов, языковеды не знают о поисках психологов. Контакты затруднены тем, что каждая из названных групп, приходя к лингвистике текста от специфических проблем своей науки, предлагала и собственную терминологию»².

Сегодня в сходной ситуации, на наш взгляд, оказывается феномен языковой личности. Весомый вклад в формирование представления о феномене языковой личности, в разработку научных предпосылок современного понимания данного многопланового явления внесли труды В.В. Виноградова, который приблизился к этой проблематике (правда, не используя в своих работах сам термин "языковая личность"), изучая язык художественной литературы (в широком, виноградовском понимании этого явления, включая и ораторскую речь), при этом исследования В.В. Виноградова были ориентированы в основном на *анализ* языковой личности. Данное направление в изучении языковой личности актуально и сегодня, оно активно разрабатывается в теоретической лингвистике, где языковая личность постепенно завоевывает позиции одного из значимых объектов исследования (хотя, может быть, все еще и неравноправного по сравнению с традиционным объектом изучения — системой языка).

Актуально ли это направление — анализ состоявшейся, сложившейся, сформировавшейся языковой личности — для теории и практики

² Гиндин С.И. Советская лингвистика текста. Некоторые проблемы и результаты (1968 — 1975) — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1977. Т. 36, № 4.
26

преподавания русского языка как иностранного? Безусловно. И отнюдь не только в плане изучения ткани художественного произведения в целях преподавания русского языка иностранным учащимся-филологам, а значительно шире. Познание языка невозможно без изучения речевого поведения его носителей, пользователей, конкретных языковых личностей. А без познания языка как родного невозможен процесс его преподавания как иностранного. Методика преподавания русского языка как иностранного вплотную подошла к пониманию того, что пока модель обучения языку ограничивается рамками собственно системы данного языка, избегая вторжения в ауру языковой личности, ее эффективность будет в значительной степени ограничена. Заметим также попутно, что последние годы резко изменили языковой портрет среднего носителя современного русского языка, а поскольку эти перемены по существу бесконечны, проблема анализа языковой личности никогда не утратит своей актуальности ни для теоретической лингвистики, ни для лингводидактики.

Возникает вопрос: "Может ли сегодня лингводидактика "напрямую", непосредственно воспользоваться теми наработками в изучении проблематики языковой личности, которыми обогатилась за последние годы теоретическая лингвистика? Ведь лингводидактика традиционно использует идеи и достижения психологии и лингвистики, которые являются для нее, как известно, базовыми дисциплинами. Отвечая на этот вопрос, необходимо вспомнить, что в изучении феномена языковой личности оформились два направления. Одно из них, упомянутое выше, ориентировано на *анализ* объекта (и это в основном подход, характеризующий исследования психологов и лингвистов), а другое направление ставит во главу угла проблемы *синтеза*, генезиса языковой личности, и именно оно является в большей степени актуальным и специфическим для лингводидактики. Подчеркнем, именно и актуальным, и **специфическим**, поскольку для лингводидактики актуально и первое направление.

Но здесь возникает проблема, о которой упоминалось выше: каждая наука актуализирует *свой аспект* в рамках одного объекта изучения. Характеризуя работы психологов, Ю.Н. Караулов пишет: "И по определению, и по сложившейся исследовательской практике при изучении личности и ее описании в психологии в центре внимания исследователей находятся некогнитивные аспекты человека, т.е. его эмоциональные характеристики и воля, а не интеллект и способности"³.

³ Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. — М., 1987. С. 35.

А что же теоретическая лингвистика? Здесь тоже наблюдается свой акцент: в современной теоретической лингвистике интеллектуальные характеристики языковой личности не только приобретают главенствующее значение, но и определенным образом абсолютизируются. В работах лингвистов, исследующих феномен языковой личности, утверждается даже, что "на уровне ординарной языковой семантики, на уровне смысловых связей слов, их сочетаний и лексико-семантических отношений еще нет возможности для проявления индивидуальности", следовательно общение на этом уровне "не относится к компетенции языковой личности, ... общение на уровне "как пройти", "где достали" и "работает ли почта", так же, как умение правильно выбрать вариант — "туристский" или "туристический" — не относятся к компетенции языковой личности. ... Следовательно, языковая личность начинается по ту сторону обыденного языка, когда в игру вступают интеллектуальные силы, и первый уровень⁴ (после нулевого) ее изучения — выявление, установление иерархии смыслов и ценностей в ее картине мира, в ее тезаурусе"⁵.

Совершенно очевидно, что эта схема (при всей ее значимости для нужд теоретической лингвистики) оказывается неработающей в целях теории и практики обучения русскому языку как иностранному. Хотя бы потому, что все три названных уровня структуры языковой личности для лингводидактики неразделимы. Они присутствуют в нашем методическом сознании в комплексе и с самого начала процесса обучения, с первых уроков. По-видимому, корректнее было бы говорить не об уровнях в структуре языковой личности, а об аспектах в ее анализе и описании.

Чем же предпочтительнее слово "аспект"? Выражение "уровни структуры языковой личности" (и приведенная выше весьма пространная цитата убеждает нас, что мы правильно понимаем позицию Ю.Н. Караулова) предполагает, что языковая личность может находиться на одном каком-то уровне, последовательно перемещаться с одного уровня на другой. На самом деле это далеко не так. Что значит "Как пройти"? Это *коммуникация* в *сфере* обиходного общения, это коммуникация с какой-то *целью*, для реализации какой-то *потребности*. Но ведь и сферы, и потребности, и мотивы — это уже обращение к третьему, в терминологии Ю.Н. Караулова, уровню.

⁴ Напомним, что Ю.Н. Караулов предложил трехуровневую модель языковой личности: уровень *А* — вербально-семантический, *Б* — тезаурусный, *В* — мотивационный. См. об этом: *Караулов Ю.Н.* Указ соч. С. 56.

⁵ Там же. С. 36.

Совершенно очевидно, что здесь позиции лингвистики и лингводидактики существенно расходятся. Когда речь идет об изучении *неродного* языка, данный уровень (так называемый нулевой), составляя чрезвычайно важный этап формирования языковой личности, с неизбежностью попадает в поле зрения ее исследователя. Поэтому обращение к проблеме языковой личности с позиций лингводидактики позволяет усомниться в справедливости тезиса о том, что "языковая личность начинается по ту сторону обыденного языка, когда в игру вступают интеллектуальные силы". Ведь при таком подходе придется признать, что человек в рамках определенных сфер и ситуаций *речевого* (!) общения не является языковой личностью (вспомним тезис о том, что "общение "как пройти", "где достали" и "работает ли почта" ... не относится к компетенции языковой личности"). И кстати, тут может быть задан еще один вопрос, а чему вообще противопоставлен феномен "языковая личность"? — "неязыковой личности"? Вряд ли было бы корректно принять такое допущение.

Разрешению данной антиномии, на наш взгляд, могло бы способствовать определенное развитие понятия "языковая личность". Мы предлагаем наряду с термином "языковая личность" ввести и использовать термин "*речевая личность*".

В соответствии с нашей концепцией любая языковая личность представляет собой многослойную и многокомпонентную **парадигму речевых личностей**, которые дифференцируются, с одной стороны, с учетом различных уровней языка, с другой стороны — с учетом основных видов речевой деятельности, а с третьей — с учетом тех тем, сфер и ситуаций, в рамках которых происходит речевое общение.

Последний параметр представляется чрезвычайно важным для изучения феномена языковой личности в свете лингводидактики. Сеть взаимодействий, обусловленная существованием устной и письменной форм русского литературного языка, а также наличием книжных и разговорных средств в языке⁶, предопределяет существование бесконечного числа конкретных языковых личностей — участников процесса обучения русскому языку как иностранному — и значительное число речевых личностей в рамках единой языковой личности.

Использование говорящим — языковой личностью (в нашем случае иностранным учащимся) разных языковых подсистем обусловлено ситуациями общения. И вот это различие иностранцем разных языко-

⁶ См. об этом подробнее: Современная русская устная научная речь. Под редакцией О.А. Лантевой. Т. 1, Красноярск, 1985. С. 12 — 13.

вых кодов, способность переключения с одного кода на другой в зависимости от ситуаций общения, готовность пользоваться разными подсистемами внутри одного русского языка, т.е. упоминаемое выше явление диглоссии, и обуславливает комбинаторику различных речевых личностей в рамках единой языковой личности. Поэтому для методиста, преподавателя РКИ явно недостаточным будет трехуровневое представление структуры языковой личности, ориентированное на теоретическое описание данного феномена. Методисту недостаточно, например, указания на то, что на уровне В (мотивационном уровне) в качестве элементов учитываются сферы общения, коммуникативные ситуации, роли, т.е. "коммуникативная сеть". Методист должен детально описать все клеточки этой сети, и не в ее горизонтальном исполнении. Для лингводидактики общение на уровне "как пройти?", "как проехать?" в такой же степени одухотворено мотивационным аспектом, как и коммуникация на мотивационном уровне В — уровне прецедентных текстов.

В анализе и научном описании языковой (речевой) личности в целях преподавания русского языка как иностранного намечается целый ряд актуальных аспектов, в достаточной степени еще не разработанных отечественной лингводидактикой. Прежде всего, в теорию и практику преподавания русского языка как иностранного необходимо, на наш взгляд, ввести такие термины, как **исходный и планируемый портрет языковой личности**. Очевидно, что, приступая к процессу обучения в той или иной учебной группе, преподаватель должен уметь путем входного тестирования составить *исходный портрет языковой личности* каждого учащегося, а затем — *портрет планируемый*, т.е. образ языковой личности, который должен быть сформирован в результате учебного курса. И если содержание такого описания в принципиальных своих параметрах ясно⁷, то форма подобного описания еще требует дополнительной серьезной проработки.

Кроме того, в теории и практике преподавания русского языка как иностранного необходимо, как кажется, разграничивать такие термины и стоящие за ними явления, как **базовый портрет языковой личности и вариативные его модификации**. Эта проблема особо явно актуализируется при анализе задач обучения того или иного крупного контингента учащихся. Так, например, должен быть создан базовый портрет языковой личности иностранного выпускника гуманитарного нефилологического факультета российского вуза. Это описание может быть задано в

⁷ См. указанные выше основания для классификации отдельных речевых личностей, составляющих парадигму конкретной языковой личности.

рамках определенного образовательного стандарта, на основе которого разрабатываются его вариативные модификации применительно к таким категориям учащихся, как выпускники исторического, юридического и других гуманитарных факультетов. При этом вариативные модификации единого базового портрета языковой личности найдут свое отражение в конкретных учебных программах. Однако и методика, и метаязык подобных чрезвычайно важных для лингводидактики описаний еще ждут своего исследования.

Подводя итоги, позволим себе выразить надежду на то, что вводимые в статье термины и понятия, и в частности — понятие "речевая личность", а также признание парадигматических отношений различных речевых личностей в рамках одной языковой личности продвинут нас в теоретическом изучении этого сложного научного феномена и дадут возможность успешно использовать его в практических целях преподавания русского языка как иностранного.

Проблемы изучения коммуникативной грамматики русского слова

© доктор филологических наук Е.В. Клобуков, 1997

Функциональная, или коммуникативная, грамматика — одно из активно разрабатываемых в настоящее время направлений моделирования языковой системы в действии, в ее проявлении в виде речевой деятельности. Не ставя перед собой задачу дать в рамках краткой статьи картину соотношения различных подходов к функциональной грамматике¹, я постараюсь лишь полемически заострить некоторые вопросы методологии функционально-грамматического описания языковых явлений на морфологическом уровне.

Исходным пунктом последующих рассуждений является положение о том, что коммуникативная грамматика — это грамматика **речи**, т.е. грамматика речепорождения и речевосприятия, в отличие от традиционной описательной (“системно-структурной”) грамматики, или грамматики **языка**, объектом изучения которой являются парадигматические и синтагматические и иерархические соотношения между языковыми единицами.

Поскольку высшей единицей коммуникации является текст, то, следовательно, коммуникативное описание явлений на любом уровне языка (в том числе и уровне слова) может и должно быть соотносено с категориями текста.

В ходе предшествующих лингвистических исследований текста было выявлено, что в слове, традиционно считавшемся принципиально некоммуникативным (по А.А. Реформатскому — номинативным [10: 36]) объектом, в действительности широко отражаются разноплановые коммуникативно-прагматические свойства текста. Можно высказать утверждение, что ничто (или почти ничто) текстовое не чуждо слову.

¹ Отмечу в качестве отрадного факта завершение публикации в Санкт-Петербурге шеститомной коллективной монографии “Теория функциональной грамматики” под общей редакцией А.В. Бондарко; см. [1] и последующие тома данной серии. Реализация этого крупномасштабного научного проекта позволяет говорить о принципиально новом этапе развития идей функционализма, знаменующемся переходом от обсуждения общей идеи функциональной грамматики (которая не так уж нова, с учетом высказываний Л.В. Щербы об активной и пассивной грамматике) к претворению этой идеи в развернутом грамматическом описании русского языка на широком типологическом фоне.

Установление **дискурсивных механизмов слова** является одной из важнейших задач грамматической науки на рубеже двух веков и двух тысячелетий.

Коммуникативная грамматика слова мыслится как необходимый компонент грамматики порождения и декодирования речевых произведений, как составная часть интегральной коммуникативной грамматики [9: 16]. Коммуникация — это в обычном, неосложненном виде речевое взаимодействие двух коммуникантов, и каждый из них в каждый определенный момент коммуникации занят в нормальном случае совсем не тем, чем занят его партнер: адресант порождает речь, адресат же соотносит звучание со смыслами. Поэтому можно высказать еще одно утверждение: единой коммуникативной морфологии для говорящего и слушающего в принципе быть не может.

При общей базе смыслов мы наблюдаем две взаимосвязанные, но различные системы грамматических правил. Во-первых, это система правил кодирования речевого произведения, система правил упаковки смыслов со всеми необходимыми экспликациями и допустимыми импликациями (коммуникативная грамматика говорящего). Во-вторых, предполагается также особая система правил декодирования речевого произведения в направлении от чувственно воспринимаемых звучаний к переданным и имплицитным смыслам (коммуникативная грамматика слушающего). Это действительно разные грамматики (соответственно семасиологическая и ономасиологическая). Они апеллируют к разным психофизиологическим механизмам. Поэтому плодотворность нередко наблюдаемого смешения грамматики говорящего и слушающего в принципе проблематична.

Для построения системы коммуникативной морфологии необходимо решить в комплексе три задачи:

а) структурирование смысловой базы коммуникативной морфологии — она, естественно, является общей для грамматики говорящего и грамматики слушающего, иначе была бы невозможна успешная коммуникация;

б) построение оснований ономасиологической морфологии, понимаемой как компонент грамматики говорящего;

в) описание системы семасиологической функциональной морфологии, рассматриваемой в качестве одной из существенных составляющих грамматики слушающего.

Один из возможных подходов к решению первой из указанных исследовательских задач был реализован в середине 90-х гг. в терминах

теории номинации (поскольку проблемы номинации актуальны и для говорящего, и для слушающего: одному важно назвать нечто, другому — понять, что названо). Было разграничено [см.: 7; 9: 30] пять смысловых доминант, или пять направлений смыслового развития высказывания и текста:

1. **Сфера** номинации (ср. сферы диктума и модуса в понимании Ш. Балли).

2. **Уровень** номинации (целесообразно разграничивать следующие содержательные сущности: комплексный смысл текста; макропропозицию; пропозиция; конститутивный элемент пропозиции; дифференциальный признак элемента пропозиции).

3. Смысловой **ранг** номинации (имеется в виду системное противопоставление однородных смыслов высказывания и текста по степени их относительной значимости; ср. главный и комитативный субъект совместного действия; главный и сопутствующий признак предмета; главное и дополнительное действие одного и того же субъекта и т.п.).

4. **Референтный тип** грамматического средства (ср., в частности, возможности морфологических форм сигнализировать о разных типах референции именной группы или целого высказывания: *Преподаватель пошел с женой в кино. — Преподаватель имеет ряд обязательств перед студентом как участником процесса обучения; Яблоко срывается с дерева и падает на землю. — Яблоко падает на землю в период созревания*).

5. **Способ** номинации (номинация прямая/переносная: *Вчера я писал статью и вдруг услышал... — Пишу я вчера статью и слышу...*).

Различение указанных смысловых противопоставлений с последующим их синтезом позволяет построить действенную типологию грамматических значений, ориентированную на процесс коммуникации, т.е. дает возможность отразить в классификации грамматических значений коммуникативные потребности говорящего, стремящегося выразить определенные смыслы, и слушающего, цель которого — адекватно воспринять переданную ему в ходе коммуникации информацию.

Реализация задач, связанных с выявлением оснований семасиологической функциональной морфологии (сама возможность которой иногда оспаривается, поскольку существует мнение, что функциональная, или коммуникативная грамматика может быть построена только в направлении от значений к средствам их выражения), была, в частности, предпринята в связи с позиционным анализом русских падежных форм [6] и в более широком плане — при создании учебной программы курса

функциональной морфологии для студентов-филологов [8]. Морфология трактуется в указанной программе как один из существенных компонентов грамматики восприятия речи, поэтому последовательно проводится частеречно-категориальный подход к освещению материала с особым вниманием к условиям реализации значений в рамках того или иного функционально-семантического поля. При этом предполагается детальное описание контекстов реализации системы значений грамматической формы с использованием понятия функционально-семантической парадигмы морфологической формы. Под функционально-семантической парадигмой морфологической формы я понимаю класс ее закономерно чередующихся значений в соответствии с изменением контекстных условий [6: 78 и сл.].

Задача построения активной, или ономаσιологической морфологии в рамках грамматики говорящего также ставится не всеми учеными, разрабатывающими вопросы теории и практики функционального описания языка: нередко высказывается суждение, что функциональная морфология “активного”, по Л.В. Щербе, типа не имеет своего объекта, что активная морфология без остатка растворяется в интегральной ономаσιологической грамматике.

Такое утверждение не представляется обоснованным уже потому, что существует вероятностно-статистическая уровневая специализация языковых средств по типу номинации явлений внеязыковой действительности (а также действительности коммуникативной ситуации). Так, синтаксические единицы (предложения-высказывания, их комбинации, включенные — причастные, деепричастные, инфинитивные, предложно-падежные — обособленные обороты и т.п.) служат для выражения целостных пропозиций диктального или модального типа или же объединений пропозиций. Морфологические единицы, напротив, специализируются на обозначении не пропозиций², а отношений между конститутивными элементами пропозиции, между пропозицией и ее семантическими дериваторами (падеж), на выражении различительных признаков, которыми обладают конститутивные элементы и дериваторы пропозиции (основной корпус категорий имени и глагола).

Рассмотрим некоторые особенности реализации ономаσιологического подхода к функциональной морфологии на материале русского падежа.

² Хотя нельзя не отметить, что в особых грамматических условиях морфологические формы и могут приобретать пропозитивную значимость, ср. давнюю традицию изучения так называемых пропозитивных актантов.

Следует сразу же констатировать, что в работах по коммуникативной грамматике в последнее время в принципе сравнительно мало внимания уделяется категории падежа (в отличие от функционально-грамматических исследований 70-х — 80-х гг.; см., в частности, имевшие огромное значение для становления коммуникативной грамматики труды Г.А. Золотовой по функциональному синтаксису). Это, можно сказать, в определенном смысле даже несправедливо по отношению к данной категории.

Прежде всего, падежные смысловые соотношения реально существуют в дискурсивных механизмах языка как вполне определенная когнитивная модель деривации текста, которой владеют все говорящие по-русски. Ср. обычные примеры из современной периодики: некий администратор предпочитает “просительный” падеж со стороны подчиненных; некто в администрации президента в преддверии выборов занял позицию “выжидательного” падежа... Эти и прочие “падежи” как проявления *отклонения*³ от исходного стандартного положения дел, от стереотипов нормального поведения (не говоря уже о “дательном”, “творительном”, “винительном”, “предложном” *падежах* с актуализацией и прямым осмыслением их калькированных обозначений, при соотношении с мотивирующими глаголами *дать, винить, предлагать, творить*) часто обыгрываются в газетно-публицистическом и художественном тексте. Следовательно, дискурсивные возможности уже самой падежной терминологии велики (в области грамматической терминологии с ними могут быть сопоставлены только когнитивные ресурсы терминологии глагольного времени и степеней сравнения).

Необходимо также обратить внимание на некоторые особенности падежного функционирования.

Основное предназначение падежа — служить строевым компонентом при формировании пропозиции [11]. Это, разумеется, дотекстовая (не дискурсивная) функция данной категории. Однако весьма важны два следующих обстоятельства.

Во-первых, конкретная презентация пропозиции — ее редукция, модификация, деривация — осуществляется под прямым воздействием текста. Так, предложение типа *Смеющийся человек вошел в аудиторию* (с редуцированной в виде причастного оборота пропозицией *Человек смеётся*) не может быть интродуктивным: нужен предшествующий контекст, подготавливающий редукцию пропозиции.

³ Ср. семантику греч. слова *ptosis*, исходного для термина “падеж”.

Во-вторых, тип пропозиции обнаруживает непосредственную связь с типом текста (эта проблема в несколько иной терминологии была поставлена Г.А. Золотовой [5: 5 — 15, 282 и сл.], причем не только в собственно научном плане, но и в учебной литературе для иностранных учащихся [см., например: 4]).

Я не случайно так подробно останавливаюсь на проблемах падежа. Изучение падежа наглядно показывает, что задачи морфологического описания в рамках активной грамматики говорящего стратегически отличаются от задач семасиологической морфологии слушающего.

В грамматике слушающего базовым понятием является, как известно, понятие части речи; вся дальнейшая классификация морфологических категорий опирается на семантическое пространство соответствующих частей речи. Так, частеречное значение предметности обычно трактуется как выражаемое в частных значениях рода, одушевленности/неодушевленности, числа и падежа; частеречное значение процессуального признака (или “действия”) рассматривается как находящее выражение в частных значениях вида, наклонения, времени, лица и т.п.

В активной морфологии — морфологии порождения речи — базовым понятием оказывается именно понятие падежа. Продуцируемый текст складывается из минимальных коммуникативно самостоятельных единиц — высказываний. В основе же диктального компонента смысла высказывания оказывается пропозиция, которая образуется предикатом и его **падежными** аргументами. Что касается разграничения частей речи, то это оппозиция актуализируется в контексте грамматики говорящего лишь при решении задачи исчисления средств выражения компонентов пропозиции и при соотнесении основных и редуцированных презентаций пропозиции (например, когда предикат получает неизосемическое номинализованное выражение: *Петров **решает** задачу* → ***решение** Петровым задачи; Петров, **решающий** задачу* и т.п.).

Статус других категорий, исключительно важных для семасиологической грамматики, также может быть переосмыслен с точки зрения грамматики порождения пропозиции. Род, т.е. важнейшая, по В.В. Виноградову, категория имени в системе описательной морфологии [3: 56], с позиций активной грамматики — на порядок менее значимая категория по отношению к падежу. Падеж служит для обозначения **аргументов** предиката (обычно его актантов), тогда как род — это “**приаргументная**” категория, служащая для дополнительной характеристики актантов. Точно таков же номинативный статус других субстантивных категорий — числа и одушевленности/неодушевленности: все

перечисленные только что категории, в отличие от падежа, служат для семантической конкретизации называемых с помощью падежных форм (или предложно-падежных конструкций) актантов пропозиции по тому или иному достаточно частному признаку — биологический пол, отношение к классу живых существ / иных предметов, количество.

Более “мощным” по сравнению с типичными номинативными возможностями указанных именных категорий является смысловой репертуар глагольного вида (в обычном случае — это уточнение референции целого высказывания, ср. ключевое понятие аспектуальной ситуации в понимании А.В. Бондарко: [1: 116 — 200; 2: 12]. Иной номинативный статус у категории глагольного лица, план содержания которой характеризуется выходом за рамки диктума (и, соответственно, за рамки собственно текста в сферу дискурса), соотнося актанты денотативной и коммуникативной ситуаций.

Таким образом, вопреки господствующим представлениям, в соответствии с которыми а) любое приближение к выявлению коммуникативной природы языка должно непременно базироваться на ономаσιологических (и никоим образом — на семасиологических) основаниях и б) коммуникативная морфология растворяется в интегральной функциональной грамматике, полностью поглощается в последней⁴, — мы полагаем, что функциональная (= коммуникативная) морфология обладает самостоятельным объектом изучения и в соответствии с интенциями коммуникантов (говорящего и слушающего) состоит из двух взаимосвязанных, но тем не менее различных частей: ономаσιологической функциональной морфологии говорящего (составляющей морфологический компонент активной грамматики) и семасиологической функциональной морфологии (в рамках грамматики слушающего).

Л и т е р а т у р а

- [1] Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
[2] Бондарко А.В. и др. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.
[3] Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). Издание 2. М., 1972.

⁴ Не случайно опубликованные в 70-е — 80-е гг. проспекты функциональной (идеографической и т.п.) морфологии русского языка были в конечном итоге реализованы в виде кратких или развернутых моделей функциональной (идеографической и т.п.) грамматики.

- [4] Жуковская Е.П., Золотова Г.А., Леонова Э.Н., Мотина Е.И. Учебник русского языка для студентов-иностранцев естественных и технических специальностей. I — II курсы. Практическая грамматика. М., 1984.
- [5] Золотова Г.А. Аспекты коммуникативного синтаксиса. М., 1981.
- [6] Клобуков Е.В. Семантика падежных форм в современном русском литературном языке (Введение в методику позиционного анализа). М., 1986.
- [7] Клобуков Е.В. Система содержательных координат русской функциональной морфологии // Русский язык и литература в современном диалоге культур. Тезисы докладов ученых России на VIII Конгрессе МАПРЯЛ. М., 1994.
- [8] Клобуков Е.В. и др. Функциональная морфология // Программа дисциплины “Русский язык как неродной (иностранной)” / Под редакцией М.В. Всеволодовой и В.В. Добровольской. М., 1994.
- [9] Клобуков Е.В. Теоретические основы изучения морфологических категорий русского языка (Морфологические категории в системе языка и в дискурсе). М., 1995.
- [10] Реформатский А.А. Введение в языковедение. Издание 5. М., 1996.
- [11] Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X: Лингвистическая семантика. М., 1981.

Абстрактное имя и система понятий языковой личности

© кандидат филологических наук Л.О. Чернейко, 1997

Антиномия "абстрактное/конкретное" — одна из основных в философии. В лингвистике она сужается до оппозиций "абстрактное/конкретное" в системе субстантива, "оценочное/дескриптивное" в системе адъектива и "физическое/нефизическое действия" в системе глагола.

Философский энциклопедический словарь (ФЭС) термином "абстрактное" характеризует знание и определяет его как "менее содержательное"¹ в сравнении с конкретным. Специфическая ментальная деятельность, порождающая это знание, обозначена термином "абстракция": 'формирование образов (представлений, понятий, суждений) посредством отвлечения и пополнения' (ФЭС).

Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС) содержит терминологию иной научной сферы, где термин "абстрактный" сужает экстенционал термина "слово" (или "существительное"): "абстрактные слова, т.е. слова с обобщенным значением", противопоставлены классу слов со значением "предметным, вещественным"². Семантическая общность этих двух дефиниций представлена семами 'отвлечение' и 'обобщение'. При этом словарная статья в ФЭС описывает процесс научного абстрагирования. Если же особенности этого процесса спроецировать на обыденное мышление, то "абстракцию" можно видеть везде, где есть отвлечение свойств, состояний от их носителя или действий от их производителя.

Анализ этих и других научных определений позволяет сформулировать следующие вопросы: 1) результат обобщения явлений действительности представлен только в абстрактном имени (АИ)?; 2) обобщение, отвлечение и абстракция — это один и тот же тип мыслительной деятельности?; 3) есть ли у АИ некий прототип (или, как говорят Локк, Лейбниц, "первоначальный образец") в действительном мире? и 4) какое место занимает понятие, заключенное в абстрактном имени, в системе понятий языковой личности?. Ответы на эти вопросы дают возможность выявить некоторые отличительные черты АИ.

¹ Философский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 100.

² Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 258.

1. Всякое имя обобщает явления действительности. "Я не могу иметь непосредственно представления березы вообще, дерева вообще: таких объектов восприятия в природе не существует", писал В. Поржезинский.³ В самом деле, в природе есть только отдельное и единичное, приуроченное к определенному месту и времени, но нет "объекта вообще". Однако эти отсутствующие в физической действительности объекты составляют ткань действительности идеальной. Как отмечал А.Ф. Лосев, "чтобы быть светом так-то и так-то определенным, необходимо быть светом вообще"⁴. А чтобы стать "светом вообще", надо получить имя.

Обобщение дискретных явлений (объектов непосредственного восприятия) в имени, принадлежащем коллективному языковому сознанию, осуществляется путем отвлечения инвариантных свойств этих явлений от их индивидуальных особенностей. Имя, сопрягаемое с чувственными или/и логическими инвариантными свойствами предметов, и является именем их класса. "Предмет восприятия" (действительный и материальный) становится "предметом мысли" (действительным и идеальным), когда ему поставлено в соответствие слово, поскольку в сознании нет "не получивших названия понятий"⁵. Имя "поднимает вещь, которой оно принадлежит, в сознание"⁶, т.е. переводит его из пространства физического в ментальное.

В индивидуальном ментальном пространстве имя (например, *береза*) сопрягается с тем чувственным представлением (образом), которое оставляет в памяти опыт отдельной личности и которое является результатом "формального созерцания", как определил этот вид деятельности разума И. Кант⁷. Образы разных, но однопорядковых элементов индивидуального опыта собираются в пучок именем и составляют его парадигму в системе идиолекта (ср.: "экстенционалы наших имен зависят от реальной природы тех вещей, которые для них выступают в роли парадигмы"⁸). Что же касается надындивидуальной системы, то инварианты индивидуальных парадигм являются в ней вариантами одноименной парадигмы, но уже коллективного языкового сознания, инвариант кото-

³ Поржезинский В. Введение в языковедение. М., 1910. С. 107.

⁴ Лосев А.Ф. Бытие, имя, космос. М., 1993. С. 653.

⁵ Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1970. С. 92.

⁶ Лосев А.Ф. Указ. соч. С. 817.

⁷ Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей возникнуть в смысле науки. М., 1993. С. 57.

⁸ Патнем Х. Значение и референция // Новое в зарубежной лингвистике (НЗЛ). Вып. 13. М., 1982. С. 390.

рой и обеспечивает его целостность и возможность взаимопонимания членов социума. Сказанное характеризует имена с “отражательной” семантикой, т.е. конкретные имена базового уровня лексикона⁹, прототип (инвариантный образ) которых существует в сознании всех представителей данной культуры в виде эталонного наглядного образца.

Процесс обобщения разумом единичных материальных явлений на основе редукции их свойств (предметы, вещи “убывают” в понятие) осуществляется в именах конкретных, ментальная особенность которых состоит в том, что все они результат **простого** обобщения — интеграции логически (или мифологически) гомогенных физических тел. Геометрической моделью такого обобщения может быть вертикальный вектор “вверх” с расщепленным основанием, соответствующим бесконечному количеству образов телесных вещей в индивидуальной памяти.

В системе родо-видовых отношений конкретные имена могут рассматриваться как гипонимы¹⁰ — формы стихийной категоризации физического мира. В этом случае разум обеспечивает рассудку возможность различения вещей, что и составляет основу “способности суждения”¹¹.

Обобщаются и отдельные свойства реальных, физических предметов: статические — в дескриптивных прилагательных, динамические — в дескриптивных (описательных) глаголах, или глаголах физического действия. Обобщение такого рода дает нам тоже конкретные имена, но это имена признаков, а не предметов.

Термин “конкретное имя” закреплен традицией за субстантивами. Различие между конкретными именами в узком смысле слова (субстантивами) и конкретными именами признаков состоит в направлении движения обобщающей мысли: субстантив собирает в пучок лингвистически релевантных признаков имени (интенционал) свойства предметов, тогда как признак собирает в пучок предметы — носители этих свойств.

Имя *камень*, определяемое терминологически как ‘естественное неорганическое образование кристаллической структуры’, в наивном сознании обозначает класс предметов, имеющих следующие лингвистически релевантные свойства: ‘твердый’ (*как камень*) / ‘мягкий’ (*как воск*) — “плотность”; ‘тяжелый’ (*как камень*) / ‘легкий’ (*как пух*) — “вес”. Эти два свойства имеют статус семантических, поскольку они парадигмати-

⁹ См.: *Лакофф Дж.* Лингвистические гештальты // НЗЛ. Вып. X. М., 1981. С. 357.

* Категоризация классов и возникающие при этом сложности в виде “прототипических эффектов” нами не рассматриваются.

¹⁰ См.: *Лайонз Дж.* Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978. С. 478.

¹¹ См.: *Локк.* Сочинения. Т. 1. М., 1985. С.205.

чески значимы. Другие свойства денотата выступают как прагматические, коннотативные, например, температура: *холодный, как камень* — или неподвижность: *лежит, как камень, лежащий камень*.

Прилагательное *тяжелый* собирает в пучок такое количество явлений, что перечислить их имена невозможно: тяжелое все, что имеет вес, который говорящий оценивает как превышающий некоторую норму, задаваемую классом (тяжелая ветка легче легкого бревна). Что же касается прилагательного *твердый*, то обозначаемое им чувственно воспринимаемое свойство принадлежит меньшему классу явлений, но все равно не одному, как, например, в случае с прилагательным *проливной*: *твердый* — древесина, грунт, яблоко, карандаш. В этом дескриптивном прилагательном произошло отделение свойства от носителей (горизонтальный вектор “слева направо”) и его обобщение. Это единственный логический путь возникновения “свойства вообще”. Но, отделяясь от материальных носителей, оно не становится отвлеченным, так как в высказывании не может стать самостоятельным предметом мысли. В виде прилагательного оно должно вернуться “владельцу”.

Как следует из сказанного, ни “обобщенность значения” в противовес его “предметности” (ЛЭС), ни “отвлеченность” от индивидуальных, несущественных особенностей явления как условие формирования логических образов бытия (ФЭС) не определяют специфики “абстрактности” вообще и абстрактного имени в частности, ибо всякая “предметность” есть результат обобщения, иначе язык не имел бы имен нарицательных (общих), т.е. не был бы языком, а “посредством отвлечения” формируются не только логические образы действительности (понятия, суждения), но, что лингвистически более важно, и параметры этих логических образов, обязательные составляющие суждений (и, эксплицитно, понятий) — предикаты.

2. Традиционная дублетность терминов “абстрактный” — “отвлеченный” требует к себе особого внимания. Латинский глагол *abs-traho*, -i, -stum, -ere многозначный. Его русский эквивалент “отвлекать, отвлечение” соответствует лишь одному из его значений. Так уж повелось в лексикографической практике, отражающей состояние научной мысли на определенном этапе ее развития, — не вдаваться в семантические подробности этих двух единиц метаязыка, не вникать в понятия. Не вникают ни философские словари, ни лингвистические, ни энциклопедические.

К рассмотрению латинского глагола побуждает нас вернуться не столько любовь к этимологии, сколько сложившаяся практика объеди-

нения под одним термином "абстрактное имя" таких слов, как *белизна*, *пение*, с одной стороны, и *власть*, *жизнь*, *пространство*, *время*, *интеллект*, с другой. Против их объединения есть возражение, поскольку они являются результатом разных типов ментальной деятельности.

В первом случае мы действительно имеем дело с отвлечением, т.е. с возведением признакового слова в такую форму, которая позволяет ему занять в предложении позицию субъекта, а не предиката и делает вовсе не обязательной его связь с именем того предмета, который входит в экстенционал прилагательного *белый* или глагола *петь* (*белизна снега*, *пение птиц*). Свойство освобождается от его носителя, а действие от его исполнителя. Отвлеченные имена подобного рода остаются синтаксическими дериватами соответствующих производящих и в тексте используются, как правило, в составе именной группы при повторной номинации: анафорически или дейктически¹².

Отвлеченные имена — результат не только отделения акциденции от субстанции (*белизны* от сахара, снега), но и оформление этих акциденций как субстантивов, что ставит их формально в один ряд с субстантивами, но содержательно, семиотически они остаются признаками — свойствами и действиями. Отвлечение признака, т.е. обретение им грамматической самостоятельности и относительной независимости в предложении, можно мыслить в горизонтальной плоскости как его отрыв от соседа справа (для прилагательного) и от соседа слева (для глагола). Отвлеченное имя сохраняет свободную валентность на замещение субъектной (а для отглагольного имени — и объектной¹³) позиции, обеспечивающей ему конкретно-референтное употребление: *пение Пети*; *Белизна снега ослепляла* (этого снега). Таким образом, отвлеченные субстантивы — это отадъективные и отглагольные синтаксические дериваты, сохраняющие семантику производящих.

3. Абстрактное имя отличается от отвлеченного. Именно абстрактное имя, а не отвлеченное, трудно определимо, именно за ним стоят "идеи сложных модусов"¹⁴. В чем же сложность АИ и с чем связана трудность его определения? Ответ на этот вопрос тесно связан с ответом на уже поставленные вначале: "Отражает ли стоящий за АИ про-

¹² См.: Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М., 1985. С. 165.

¹³ См.: Клобуков Е.В. Семантика падежных форм в современном русском литературном языке. М., 1986. С. 60-61.

¹⁴ Лейбниц. Сочинения в 4 т. Т. 2. М., 1983. С. 216.

тотип материальную действительность (или он не более чем символическая фикция)?” и “Денотативно ли АИ”?

В истории науки отрицательные ответы на эти вопросы сформировали особое направление, известное под названием "номинализм", приписывающее статус действительного существования только единичному и отдельному, т.е. чувственно воспринимаемым физическим телам. Но с этой точки зрения невозможно разграничить “конкретное” и “абстрактное”, поскольку, как уже было сказано, за нарицательным конкретным именем стоит общее понятие, а не единичная вещь. Антиномистские воззрения присущи Лейбницу, полагавшему, что "справедливость... так же содержится в действиях, как прямота и кривизна в движении, независимо от того, обращают ли на нее внимание или нет"¹⁵. Три века спустя сходную мысль высказал Б. Рассел: "Предположение, что пространство и время существуют только в моем уме, меня душило: я любил звездное небо даже больше, чем моральный закон, и Кантовы взгляды, по которым выходило, что моя любовь лишь субъективная фикция, были для меня невыносимы"¹⁶.

Известно, что Ч. Моррис обосновал введение термина "десигнат" наряду с термином "денотат". Это разделение представляется актуальным именно для АИ: "Десигнат — это не вещь, но род объекта или класс объектов. Если десигнат есть у каждого знака, то не у каждого есть денотат"¹⁷. С этой точки зрения, за АИ стоит особый “род объекта”, и постольку есть десигнат (означаемое, определяющее зону референции знака). Кроме того, как отмечал Моррис, бессмысленно говорить о денотатах и десигнатах вне семиозиса, т.е. о-знач(/к)-ивания, а знак отсылает к тому, что вне его.

Что же касается денотата, то и он присущ абстрактному имени, но “вынесен за скобки” знака, содержание которого сигнификативно, т.е. соотносится с классом явлений (денотатом) как все предикативные (характеризующие, а не идентифицирующие¹⁸) знаки. Например, денотатом предикатного имени *мысль* является класс предметов, “объект особого рода”, имя которому *человек*. Однако в языке предикаты подобного рода ведут себя как самостоятельные сущности, обрстая вторичными предикативными

¹⁵ Там же. С. 306.

¹⁶ Рассел Б. Мое философское развитие // Аналитическая философия. М., 1993. С. 17.

¹⁷ Моррис Ч.У. Основания теории знаков. // Семиотика. 1983. С.41.

¹⁸ См.: Арутюнова Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения. // Аспекты семантических исследований. М., 1980.

катами, которые высвечивают восприятие этих “бестелесных вещей” (термин Декарта, Лейбница) логической и мифологической частями сознания.

Ч. Филлмор считает, что абстракции — это и не имена вещей и не простые предикации (отвлеченные имена), а “имена сложных ситуаций”¹⁹. Что за этим стоит? По крайней мере, признание того, что в мире вещей абстрактному имени соответствует определенное положение дел. В чем особенность ситуации?

Имена ситуаций действительно обладают известной сложностью, проистекающей из “сложенности”, соединения в одном пространстве таксономически разнородных вещей. Метонимический способ объединения компонентов ситуации и состоит в том, что общим у этих разнородных элементов оказывается чисто внешнее для них свойство — общность пространства. Имя ситуации будет ассоциироваться в сознании разных людей с разными ее компонентами, вызывая разные представления. Однако не все имена ситуаций могут быть безоговорочно отнесены к абстрактным или, лучше сказать, все они по-разному расположены на шкале абстрактности, занимая разные ее ступени. Так, имя *свадьба* будет менее абстрактным, чем *процессия*, а последнее — менее абстрактным, чем *мероприятие*. Причина в том, что одни ситуации выделяются именем в класс на основе эмпирически воспринимаемых признаков, которые оседают в памяти в виде идей “ясных”, обуславливающих наглядность понятия, и “отчетливых”, доступных логическому представлению, другие же постигаются только умом и не имеют явной чувственной опоры, если только их имена не утратили внутренней формы.

По мнению Локка, имена сложных и смешанных модусов (*лицемерие, ложь*), а также имена собирательных идей субстанций (*мир, вселенная*) (а это и есть абстрактные имена) возникают как результат свободного соединения разумом в одну идею вещей, ничем в физическом мире не связанных: “они как бы возникли и ведут постоянное существование больше в человеческих мыслях, нежели в действительности вещей”²⁰. Обращает на себя внимание тот факт, что отдельные фрагменты прототипа абстрактной идеи могут иметь независимое от сознания бытие, однако идея в целом есть результат отношения разума к физическим вещам, та мера, которую вырабатывает данная культура и которую прикладывает к миру.

¹⁹ Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики. // НЗЛ. Вып. 12. М., 1983. С. 119.

²⁰ Локк. Указ. соч. С. 339.

Кстати сказать, само слово *мир* в одном из своих значений, актуализированных в минимальном контексте *Его мир*, противопоставлено слову *среда*. Сравнение контекстов *У него свой мир, у меня свой.*, *Я в его мир не стремлюсь попасть.* и *Среда оказывает влияние на личность, но лишь отчасти формирует ее мир.* позволяет сформулировать семантическое различие между ними и определить *среду* как 'контекст личности, то социальное окружение, в котором она оказалась в силу обстоятельств', а *мир* как 'материализацию, воплощение потребностей и интересов личности', из чего вытекает, в частности, что мир — это закономерное продолжение личности в других (людях) или в другом (деле и гесп. в людях).

В словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона слово *честь* ("воинская честь" — автор проф. Кузмин-Караваев) считается трудно определяемым ("трудно поддающееся формулировке", в этом наречии — характеристика интеллектуального состояния субъекта). Вещь, стоящая за этим словом, описывается как необходимое "условие быта военных", как "всеми осознаваемая, сущность которой почти не улавливается".

Заметим, что в отношении естественных объектов, имена которых входят в класс конкретных субстантивов, вопрос об их сущности не ставится, поскольку сущность как внутреннее содержание явления у них отсутствует. Их сущность в том, что они "суть", существуют, т.е. в их экзистенциальности. Экзистенциальные формы растительного и животного мира представлены бесконечно разнообразно, и это разнообразие схвачено гипонимами, представляющими собой семантические вариации гиперонимов. Имя гиперонима в дефиниции гипонима раскрывает его принадлежность к той или иной таксономической категории, например, *река, озеро, ручей* — водоем. Эта отнесенность обнаруживает инвариантное содержание имен и только косвенно — сущность стоящих за ними объектов, при условии, что понятие "сущность" рассматривается как категория гносеологическая, а не онтологическая.

Что касается артефактов, то их сущность сводится к их функции, и внутреннее содержание имени созданной человеком вещи обнаруживается в раскрытии функции этой вещи (*мост* — сооружение для перехода, переезда через реку, овраг).

Совершенно иное дело сущность явления, выделенного языковым сознанием из человеческой жизни именем *честь* и подобными. Они тоже артефакты, но артефакты духовной культуры (если термин "культура" понимать широко), т.е. такой информации об опыте социума, которая закодирована не в генах, а в символах. Явления, стоящие за этими

именами, принадлежат иному уровню реальности, чем те, которые стоят за именами конкретными. И именно они в силу особенностей этой реальности принимают вопрос, направленный на выявление их сущности ("чтойности": "Что такое честь?"), метафизический вопрос — лакмусовую бумажку всех абстрактных имен.

Адекватное для данного уровня познания раскрытие в определении слова того, что им обозначается (идея), есть приближение к сущности "бестелесной вещи", преломление ее, но никогда отражение. При этом термин "сущность" употребляется в отношении явления, в то время, как термин "идея" — в отношении имени. Это относится в первую очередь к научному познанию в форме дискурсивного мышления. В индивидуальном обыденном сознании абстрактная идея, если она есть, существует в ее проекции на формы чувственного опыта (ср.: *Тебя против меня настроили. — Никто меня не настраивал. Я, между прочим, не балалайка.* к/ф "День за днем").

Из наблюдаемых явлений и отношений языковое сознание бессознательно, стихийно складывает ненаблюдаемые идеи, стоящие за абстрактным именем: *отракизм* у греков — слово, для которого, писал Лейбниц, "в других языках нет равнозначущих терминов"²¹. Из наблюдаемых отношений сложили греки это понятие. Наблюдение лежит и в основе его усвоения личностью, только уже наблюдение и над жизнью людей, и над жизнью слов. На дедуктивный характер идеи сложного модуса обращал внимание Б. Рассел: "с помощью умственного телескопа возможен поиск сущности, которая имеет выводной характер"²². Абстрактное имя — результат не отвлечения (горизонтального отделения свойства от носителя свойства, как в деадъективах и девербативах), а, скорее, извлечения (экстракции) свойств из явлений и их комбинирования вне зависимости от того, соединены ли они так в природе.

Помимо произвольных комбинаций свойств вещей разум может вносить в абстрактное имя идею должного (идеала, стандарта, образца), пространство существования которой — сам разум, сознание. От простого обобщения, производящего конкретное имя, обобщение, рождающее имя абстрактное, отличается качественно — привнесением в это обобщение креативного начала, раскрывающегося как точка зрения на мир: рациональная и эмоционально-оценочная, этическая и эстетическая. Пространственной моделью данного вида ментальной деятельности может служить вертикаль, но с двумя встречающимися векторами:

²¹ Лейбниц. Указ. соч. С. 216.

²² Рассел Б. Указ. соч. С. 24.

“снизу вверх” — индукция и “сверху вниз” — дедукция. Выводной характер семантики АИ дает возможность квалифицировать его как результат **индуктивно-дедуктивной** ментальной деятельности. АИ — это особая категория субстантивов, отличная и от имен конкретных, что вполне очевидно, и от имен отвлеченных, что менее очевидно.

АИ — результат длительного наблюдения коллективного разума этноса за связями и отношениями (а они не видимы, а чувствуемы, интуитивно постигаемы) предметов, имеющих статус действительного существования в физическом пространстве (реальных материальных предметов). Большую группу АИ составляют так называемые “эмоциональные концепты”²³, имена эмоциональных (шире — психических) состояний, особенность которых состоит в их физической, психосоматической реальности, но недоступности прямому наблюдению, что обуславливает их семантико-прагматическую специфику.

Семантическая особенность АИ и самых сложных из них этических имен состоит, таким образом, в том, что прототип АИ — это модель, в которой склеились и элементы реальной (что есть) и идеальной (что должно быть в соответствии с представлением этноса об идеале) действительностей. Поэтому прототип не имеет независимого от сознания человека бытия. Независимо от сознания отдельного человека, отдельной языковой личности существует только акустический образ имени (“звон”, “звучание”) и ассоциативно с ним связанный семантический инвариант, обеспечивающий понимание абстрактного имени и возможность его употребления. Однако этот инвариант значительно меньше вариативной части, производной от индивидуального опыта личности, в частности опыта лингво-философского.

4. Прима́т языка над идиолектом состоит в том, что слова и их смыслы существуют в культуре этноса независимо от того, владеет ли ими отдельный субъект. Как наше незнание ничего не изменяет в природе, так невладение содержанием АИ ничего не меняет в языке этноса до поры до времени, зато меняет в структуре сознания индивида, а если индивидов с лакунами в сознании много, то может что-то поменяться и в культуре этноса, поскольку “характер соткан из истории и традиции” (П. Чаадаев).

Акустический образ АИ узнают раньше, чем его содержание (если он на слуху, витает в воздухе). Неразрывное единство означаемого и означающего подвергают сомнению постструктуралисты: “означаемое

²³ См.: *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1996.

отстоит от означающего на одно дыхание" (Ж. Деррида). Что касается рассматриваемых АИ, то расстояние между означаемым и означающим может быть длиною в жизнь. Именно к абстрактным именам имеет прямое отношение следующее замечание Лейбница: "слово показывает, что данная идея заслуживает быть отмеченной"²⁴.

АИ — это диалоговые слова. Поисковые вопросы о сущности явления, его "чтойности" относятся только к именам этого типа: "Что такое жизнь, слава...?" "Какой смысл вы вкладываете в слово *нравственность*?" — таких контекстов очень много. Было бы странно применять эти вопросы по отношению к каким-либо другим именам. Вряд ли возможен диалог о сущности "колеса" (герои Гоголя выясняют только его возможности). Хемницер в басне "Метафизический ученик" высмеивает его вопрос о "чтойности" веревки.

Бытие АИ в сознании отдельной языковой личности определяется степенью проникновения личностью в содержание имени, степенью его освоения. Пословица "Слышал звон, да не знает где он" может расшифровываться чисто лингвистически, характеризуя такую степень усвоения АИ, которая является поверхностной и указывает на отсутствие его освоения.

В структуре языковой личности Ю.Н. Караулов выделил 3 уровня ее организации²⁵. Представляется, что на нулевом уровне нет языковой личности, есть только говорящий ("Ваше!"). О нейтрализации языковой личности можно говорить разве что в случае обнаружения единомыслия, а не в случае отсутствия мысли. Только личностный смысл как единица динамичной структуры — сознания — делает человека личностью. Постигается смысл экзистенциально значимых имен, таких, как *жизнь, смерть, совесть, счастье, пространство, время*. Интуитивное понимание представляется недостаточным и личность делает попытку дискурсивного освоения этих понятий, раскрытия их смысла, каким он ей представляется. Такое сложное понятие, как *счастье*, словарный инвариант которого 'чувство и состояние полного удовлетворения', в системе идиолекта может быть связано с ментальным состоянием знания: *Если он знает, что это — счастье, то это — счастье* (Б. Ахмадулина. АиФ № 15 / 97); *Человек несчастлив потому, что не знает, что он счастлив... Кто узнает, тот сейчас станет счастлив* (слова Кириллова в "Бесах" Ф.М. Достоевского). То, что "знает" язык об абстрактной сущности, представлено в сочетании ее имени с предиката-

²⁴ Лейбниц. Указ. соч. С. 306.

²⁵ См.: Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

ми физического действия и дескриптивными прилагательными²⁶, что важно для моделирования фрагментов картины мира, хранящейся в надындивидуальном языковом сознании и выступающей фоном, на котором раскрывается индивидуальное видение мира.

Обретение смысла рассмотренных АИ осуществляется в диалоге личности с культурой (размышление) и с другими личностями (интеллектуальное общение), что и составляет дискурс. Осваивая АИ (а это бесконечный процесс), личность устраняет его семантическую неопределенность, что прямо ведет к умножению сущностей. Может быть, только в науке это умножение без надобности. Язык — не телеология. Все, что есть в языке, — достояние социума и может стать достоянием индивида, если этот индивид — личность, т.е. осознает свою причастность к культуре народа, осознает себя его частью. Абстрактные имена по структуре своей и по статусу своему делают (обеспечивают) эту причастность. Они мост между личностью и обществом.

²⁶ См. подробнее: *Чернейко Л.О.* Гештальтная структура абстрактного имени // Филологические науки. № 4, 1995, а также *Чернейко Л.О., Долинский В.А.* Имя СУДЬБА как объект концептуального и ассоциативного анализа // Вестник МГУ. № 6, 1996.

Темпоральность как смыслообразующий фактор в процессе текстовой коммуникации

© кандидат филологических наук С.А. Борисова, 1997

Художественный текст реально выступает средством коммуникации, основой интра-социального диалога разных поколений лингвокультурной общности, так как аккумулирует в себе знания, детерминированные эпохой и культурой. Изменения в структуре социального знания также фиксируются в текстах и проявляются в процессе текстовой коммуникации, которая, в свою очередь, способствует сохранению языковых и культурных традиций носителей языка. Проблема адекватного понимания содержания текста читателем любого поколения актуальна и важна потому, что носители языка в процессе текстовой деятельности взаимодействуют с текстами, созданными не только в недавнем настоящем, но и в далеком прошлом, отображая характерные для него особенности. Подобные тексты могут рассматриваться как элементы другой (отличной от существующей в настоящий момент) культуры, а их авторы и предшествующие современному поколению носители языка как представители иного социума. Коммуникация, происходящая при посредничестве подобного типа текстов, выступает как частный случай *межкультурного*, но, в то же время, *интра-социального* диалога.

Художественные тексты как темпорально-культурологические символы самостоятельно функционируют в панхронии, перемещаясь во времени и пространстве культуры, коррелируют с текстами, созданными в другие хроно-периоды, выступают элементами широкого культурного контекста. Как высшее коммуникативное целое текст существует и как закрытая, и как открытая система. “Тело” текста, его графическое изображение не изменяется во времени, оно существует как материальный объект в определенных параметрах *вне* сознания воспринимающего субъекта. Содержание текста актуализируется в языковом/речевом сознании реципиента/интерпретатора во время текстовой коммуникации. При этом происходит изменение объема информации, передаваемого текстом: в этом смысле текст — открытая система.

Тот факт, что сознанию субъекта присуща темпоральность [см. Гуссерль, изд. 1994], дает возможность реципиенту реально оценивать временную структуру объектов, в том числе и текста, совершать “переходы во времени” в ходе текстовой коммуникации. В результате таких

трансценденций создается “эффект присутствия” множества объектов, которые в пространственном, временном и социальном значении отсутствуют в момент “здесь-и-сейчас” (в момент коммуникации), но могут быть восстановлены с помощью средств темпоральности, выступающих как временные маркеры. Для нас темпоральность — “семантическая категория, отражающая восприятие и осмысление человеком времени обозначаемых ситуаций и их элементов по отношению к моменту речи говорящего или иной точке отсчета” [Бондарко 1990,5]. Именно потому, что язык художественного текста детерминирован эпохой, художественное время сближает людей разных временных периодов.

Каждое новое поколение носителей языка оказывается в пространстве уже существующих предметов, определенным образом названных. Еще В. Гумбольдт отмечал, что “даже отдаленное прошлое все еще присутствует в настоящем — ведь язык насыщен переживаниями прошлых поколений и хранит их живое дыхание” [1984,82]. В духе Гумбольдта М.М. Бахтин выдвинул концепцию, согласно которой язык является миропониманием, специфичным для данной культуры способом словесного осмысления мира. “Социальный кругозор” в бахтинском понимании означает определенную культурную установку, ту область “значений”, которая отведена индивидуальному сознанию субъекта данной эпохой и культурной ситуацией. Согласно М.М. Бахтину, обратиться к культуре — значит вступить в диалог социальных языков, которые конципировали предметный мир и предопределили внутреннюю жизнь сознания субъекта. Культура социума и язык как форма ее проявления непрерывны во времени: всякое речевое высказывание выступает как дискретный момент непрерывного речевого общения. В таком контексте процесс чтения рассматривается как речевая процессуальность, в ходе которой через интерпретацию воспринимаемого текста, реципиент “узнает” авторский мир, а сам текст является местом встречи бытия автора и читателя, местом пересечения их сознаний в пространстве текстовой реальности. В результате такой “встречи” у читателя появляется индивидуальная проекция текста [о ней см. Рубакин 1929].

Понимание текста как посредника во внутрикультурной и межкультурной коммуникации согласуется с бахтинской концепцией диалогизма, предусматривающего продуктивную незавершенность смыслов в истории культуры, позволяющую связать трансцендентный момент в индивидуальном познании с реальным миром и историей — будь это диалог с современником или с другой эпохой. В случае текстовой коммуникации в качестве “собеседника” (“другого”) выступает автор, ми-

роощение которого воплощено в тексте. “Встреча” читателя/интерпретатора с текстом (а через него опосредованно и с автором) всегда происходит в синхронии, в момент смысловой перцепции, когда содержание текста непосредственно раскрывается представителю того или иного поколения. Текстовая проекция/интерпретация представляет собой продукт речемыслительной деятельности носителя языка в “снятый” синхронический момент, выступает как диалогическая реакция на воспринятый текст. Уникальность мировосприятия каждого человека проявляется в уникальности его ментальной картины, формирование которой происходит под влиянием многих факторов — в том числе и темпоральных- или, иными словами, под влиянием “хронопространства” культурного контекста социума.

Для рассмотрения проблемы смыслового восприятия художественных текстов в условиях различных хроно-культурных контекстов мы считаем возможным использовать следующие понятия: “синхрония”, “диахрония”, “панхрония”, “текущее время” и “остановившееся мгновение”. С образом-понятием “текущего времени” соотносится весь период “жизни” текста, все его “переходы” из одного хроно-культурного пространства в другое. В то же время “остановившееся мгновение” есть любая из многочисленных проекций текста, созданных читателями разных поколений в результате “общения” с ним в синхронии. Иными словами, проекции текста, полученные от одного поколения читателей, и есть “жизнь” текста в синхронии во всем ее многообразии, в то время как множество проекций текста, полученных за все периоды “встреч” с читателями, та смысловая аранжировка, которая характерна для каждого отдельного хроно-культурного периода, есть “жизнь” текста в диахронии. Таким образом, диахрония речевой процессуальности может быть представлена как “диахрония синхронных состояний” [см. Г. Гийом, изд 1992], как система последовательных фиксаций восприятия текста читателями в каждом временном периоде в синхронии:

Рис. 1.1

мгновение	социо-культурный контекст
синхрония	Текст 1 - фрагмент 1 (проекции 1,2,3,...n)
синхрония	Текст 2 - фрагмент 2 (проекции 1,2,3,... n)
синхрония	Текст 3 - фрагмент 3 (проекции 1,2,3,...n)
синхрония	Текст n - фрагментn (проекции n1,n2,n3... n _n)

Каждая последующая система является продолжением и развитием предыдущей, “приобретая” новую, характерную только для нее кон-

фигурацию. В каждом новом фрагменте социо-культурного контекста сохраняется часть предыдущего, что обеспечивает сохранение культурных ценностей этноса, взаимопонимание и коммуникацию поколений. Таким образом, художественный текст реально выступает как хроно-культурный символ, как отображение дискретного состояния языкового сознания, менталитета лингвокультурной общности в целом, так и отдельных ее представителей в частности.

Но насколько близки или различны ментальные картины художественных текстов, отображающих те или иные хроно-культурные периоды социального бытия? Возможна ли адекватная интерпретация и понимание их инновременными читателями и при каких условиях? Ответы на эти и другие вопросы важно получить потому, что они объясняют, как и в какой мере наследуются культурные фрагменты, что и почему теряется, какие изменения происходят в менталитете и в языковом сознании индивидов и социума в целом.

В каждый дискретный момент в панхронии культуры существуют множество художественных текстов, являющихся темпорально-культурными символами разных хроно-пространств, и чаще всего восприятие их реципиентом происходит за пределами временного периода, репрезентируемого текстом. Знаковое пространство текста существует для каждого читателя в период прочтения, в период текстовой коммуникации, который мы назвали *коммуникативным временем*. Рассматривая проблему возникновения множественности смысла в процессе интерпретации читателем текста, понимаемого как “символический дискурс”, П. Рикер [1995,142] уделяет большое внимание времени и его роли в интерпретации, определяя ее как “место сцепления двух времен — прошлого и настоящего”. Следовательно, читательская проекция художественного текста реально выступает результатом “сцепления” коммуникативного времени реципиента и сюжетного времени текста.

Художественный текст (языковой знак) соединяет различные зоны реальности — текстовую и повседневную, частью которой является реципиент. Реальность повседневной жизни [Бергер, Лукман 1995] организуется вокруг “здесь” носителя языка и “сейчас” его настоящего времени. В процессе смыслового восприятия (коммуникативное время) реципиент идентифицирует маркеры темпоральности, синтезируя темпоральное поле своей проекции художественного текста. Отечественные специалисты по теории информации и ее использованию применительно к произведениям искусства особо отмечают влияние и роль темпораль-

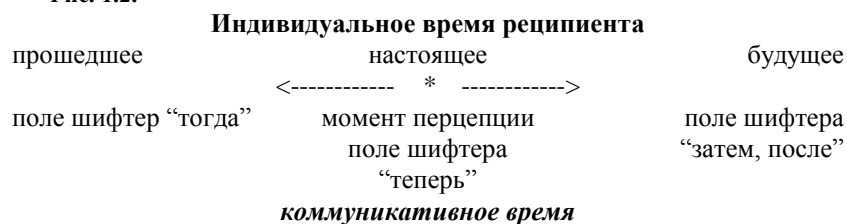
ного фактора в появлении множества интерпретаций текста или “текстуальной полисемии” [о ней см. Рикер 1995]: “поскольку значение тому или иному знаку, в том числе и тексту, придается автором индивидуально при создании художественного произведения без согласования с потенциальными реципиентами как в синхронии, так и в диахронии, то со временем под влиянием социума значение этого знака будет претерпевать изменения, и маловероятно, что одно и то же произведение будет “расшифровано” и понято двумя разными людьми одной эпохи одинаково” [Бирюков, Геллер 1973, 287].

Полагаем, что темпоральное поле любого текста — и авторского варианта, и его читательской проекции — детерминруется одним из временных шифтеров: “тогда” (для выражения прошлого), “теперь” (для выражения настоящего) [о них см. Якобсон 1972], — а также принятыми нами по аналогии в качестве таковых слов “затем, после (настоящего)” — для выражения будущего времени, и “всегда” — для обозначения ситуации всевременности. Временной шифтер — это генерализированное понятие (доминантное слово) для группы временных маркеров, характеризующих тот или иной временной диапазон (t-диапазон).

Именно шифтеры “отвечают” за формирование темпоральных отношений в системе “текст-реципиент”, выступая как *темпоральные операторы*, которые “направляют” сознание реципиента в то или иное хронопространство и способствуют возникновению *темпоральной доминанты*. “Доминанта” характеризуется А.А. Ухтомским [см. Ухтомский 1966] как господствующий очаг возбуждения, суммирующий одни импульсы в центральной нервной системе и одновременно гасящий и подавляющий активность других центров. Темпоральная доминанта рассматривается нами как компонент эмоционально-смысловой доминанты [о ней см. Белянин 1992]. Темпоральная *доминанта*, возникающая в процессе смыслового восприятия, указывает на состояние воспринимающей системы, а в нашем случае — на темпоральный диапазон языкового/речевого сознания реципиента, который детерминруется одним из временных шифтеров. Темпоральная доминанта оказывает непосредственное влияние на процесс смыслового восприятия и интерпретации реципиентом текстовой реальности, способствует “отбору” из нее лишь такого содержания (текстовые символы, опознаваемые как временные маркеры определенного t-диапазона), которое способствует ее подкреплению. Она также блокирует поступление сигналов от маркеров, если они не соответствуют t-диапазону формирующейся текстовой проекции.

В художественном тексте автор обычно отображает знакомую ему реальность и выбирает в этих целях наиболее подходящие, с его точки зрения, языковые средства, смысл которых ясен и ему, и его современникам, для которых чаще всего и создается произведение. Когда текст выходит за пределы своего “здесь-и-сейчас” и “встречается” с реципиентами, принадлежащими к иному хроно-культурному пространству, восприятие его темпорально-смыслового поля может быть затруднено в силу возможного отсутствия и в общественном, и в индивидуальном языковом/речевом сознании субъектов некоторых темпоральных характеристик текстовых символов или их смысловых особенностей. Непосредственное взаимодействие составляющих, входящих в систему “текст-реципиент”, происходит в момент текстовой коммуникации, в то коммуникативное время, которое мы соотносим с темпоральным шифтером “теперь”. Именно в коммуникативном времени реципиент осуществляет “идентифицирующий синтез” временной “рамы” своего речевого произведения. Соотношение временных диапазонов внутри индивидуального времени реципиента в момент текстовой коммуникации может быть представлено следующим образом:

Рис. 1.2.

Момент перцепции отмечен на схеме точкой условно, ибо “настоящее время” — это не время какого-то отдельного действия субъекта, а некоторый неопределенный период его индивидуального настоящего” [Бондарко 1990,21].

Временной шифтер “теперь” — это совокупность маркеров, характеризующих период настоящего времени и являющихся базовыми составляющими темпоральной доминанты в начале текстовой коммуникации. Языковое/речевое сознание соотносит ощущение реципиентом своего “теперь” с элементами выраженного символическим способом темпорального поля воспринимаемого текста. Временной шифтер “теперь” подразумевает “мир, частью которого являюсь я, говорящий это” [см. Wierzbicka A.,1980]. Следовательно, если реципиент интерпретиру-

ет время текстовой реальности как совпадающее с его индивидуальным настоящим, с его ощущением “я-здесь-и-сейчас”, то он констатирует одновременность своего бытия (своего настоящего) с темпоральным полем текстовой реальности. Следствием доминирования в языковом/речевом сознании реципиента временного шифтера “теперь” является текстовая интерпретация типа “синхрон.” Настоящее время бытия реципиента и темпоральное поле воспринимаемого текста в момент текстовой коммуникации соотносятся следующим образом:

тип текстовой проекции: **“синхрон”**
t-реципиента/интерпретатора= t-текстовой реальности
(индивидуальное настоящее)

Временной шифтер “тогда” указывает на ”некоторый мир, который имел место до мира, частью которого являюсь я, говорящий это”. В этом случае события текстовой реальности воспринимаются субъектом как имеющие место *за пределами* диапазона “теперь”; текст осознается и воспринимается как символ другого времени, прошлого, которое обьективировалось в нем. Текст “пришел” в настоящее из прошлого, “прошел сквозь время” (*dia chronos*). Проекция этого типа позволяет характеризовать исходный текст как “диахрон”: в нем время текстовой реальности *предшествует* коммуникативному времени реципиента (его настоящему):

тип текстовой проекции : **“диахрон”**
t-реципиента/интерпретатора > t-текстовой реальности
(индивидуальное настоящее)

Третий вариант формирования темпоральных отношений в системе “текст — реципиент/интерпретатор” предполагает отображение реципиентом в своем речевом произведении будущего, мыслимого как *возможный* мира, который *последует* за настоящим миром реципиента (шифтер “теперь”). В этом случае в качестве доминирующего выступает временной шифтер “затем, после (настоящего)”, в русле которого формируется проекция/интерпретация типа “футурохрон”:

тип текстовой проекции : **“футурохрон”**
t-реципиента.интерпретатора < t-текстовой реальности
(индивидуальное настоящее)

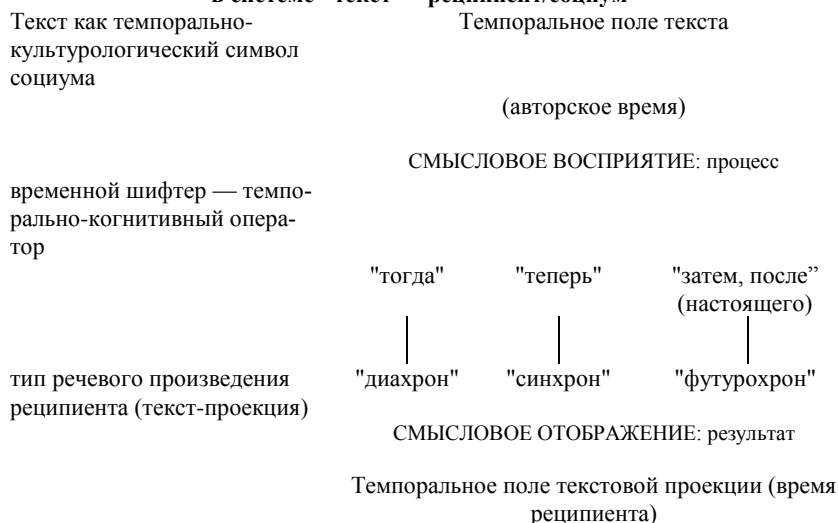
Таким образом, речевые произведения реципиентов (проекция текста) формируются в одном из трех временных диапазонов: настоящее-

го, прошедшего или будущего времени — как результат доминирования в процессе текстовой коммуникации одного из временных шифтеров и типологизируются следующим образом: “синхрон” (шифтер “теперь”), “диахрон” (шифтер “тогда”), “футурохрон” (шифтер “затем, после (настоящего)”). Возможен и четвертый вариант формирования темпоральных отношений для обозначения ситуации всевременности (шифтер “всегда”), которая может рассматриваться как частный случай реализации настоящего времени.

Рассмотрим модель “работы” временного шифтера как “регулятора” темпоральных отношений в системе “текст-реципиент/социум” в процессе смыслового восприятия темпорального поля текста:

Рис. 1.3.

Временной шифтер как "регулятор" темпоральных отношений в системе "текст — реципиент/социум"

В результате проведенного нами психолингвистического эксперимента [о нем см. Борисова 1996] было установлено, что темпоральное поле одного и того же художественного текста воспринимается и оценивается реципиентами как принадлежащее к разным временным диапазонам. Причем, феномен *темпоральной вариативности* проекций текста наблюдается как у реципиентов одного поколения (на синхроническом уровне в каждой из групп 80-х и 90-х гг.), так и при сравнении проекций

реципиентов разных поколений между собой (на диахроническом уровне). В целях выявления степени влияния времени и социокультурного контекста на процесс смыслового восприятия художественного текста нами было проведено две экспериментальные серии, в ходе которых реципиентам предлагались два текста — отрывок из романа Н. Саррот “Золотые плоды” и отрывок из “Поэмы без Героя” А.А. Ахматовой. Анализ результатов обеих серий показал, что проекции текста действительно относятся к различным темпоральным типам: “синхрон”, “футуротрон”, “панхрон” выявлены в первой серии эксперимента, а тип “диахрон” — во второй. Таким образом, подтвердилась гипотеза о вариативности восприятия темпорального поля текста реципиентами одного поколения (90—е гг.). Для сравнительного анализа и выявления темпоральной вариативности в диахронии нами использовались некоторые данные эксперимента, проведенного в 80-е годы также на материале отрывка из романа Н. Саррот “Вот оно” [см.: Наумова 1986]. Дополнительно в соответствии с целью эксперимента мы проанализировали темпоральные поля текстовых проекций реципиентов 80-х годов и установили, что они как и у реципиентов 90-х годов относятся к разным хроно-пространствам. Таким образом подтвердилась важная роль хроно-культурного контекста и его реальное влияние на формирование общественного и индивидуального сознания и процесс смыслообразования, на характер речемыслительной деятельности носителей языка, о чем свидетельствует разнообразное множество проекций одного текста, принадлежащих разным поколениям реципиентов.

С точки зрения темпоральности, текстовые проекции реципиентов 80-х годов классифицированы нами как “футурохран” и “панхрон”, проекции типа “синхрон” отсутствуют. В то же время около 20% реципиентов 90-х годов указали, что текст отображает современную им действительность, повествуя о “новых русских”, “о крутых”, “о журналистах, которые не остановятся ни перед чем в погоне за сенсацией”, “о тех, у которых есть все, и о тех, у которых ничего нет”, “о современной жизни в России”... Проекция текста этих реципиентов относится к типу “синхрон”, они свидетельствуют о реальном участии хроно-социокультурного контекста в процессе смыслообразования. Одна проекция 90-х гг. сформирована как “футурохран”, то есть автор полагает, что действие происходит в будущем — в 2059 году. Остальные текстовые интерпретации отнесены нами к темпоральному типу “панхрон” (временной шифтер “всегда”): текстовая реальность оценивается реципиентами как всевременная, она панхронична.

Кроме темпорально-смысловой вариативности в текстовых проекциях реципиентов 80-х и 90-х гг. выявлены также изменения эмоциональной оценки текста. Современные реципиенты положительно оценивают предложенный для чтения текст, считают, что он интересный, оригинальный, заставляет думать, яркий и даже ироничный, хотя представляется трудным для восприятия в силу абстрактности и несвязности, в то время как в 80-е годы [см. Наумова 1986] реципиенты оценивали его или отрицательно, или не принимали совсем, что выражалось в нежелании и отказе от работы с текстом (до 30 % испытуемых). Повидимому, современный социум способствует переструктуриации языкового/речевого сознания реципиентов, которое уже не отвергает семантически разорванный текст, пытается работать с ним, привнося в текстовую проекцию элементы социо-ментальной картины мира реципиентов.

Темпоральная вариативность является частным проявлением феномена множественности проекций текста, “текстуальной полисемии”, которая объясняется различными факторами: несовпадением “мысленного поля” реципиента и “мыслимого мира” автора [см. Сорокин 1991,52], различными типами сознания, соответствующими типу личности и типу текста [см. Беянин 1985, 1988], объемом индивидуального знания [см. А.А. Залевская 1992], состоянием личностного тезауруса [Дридзе 1976,202], а также разнообразием средств, используемых автором для отображения временного плана текста. Несомненно, что наличие в языковом/речевом сознании реципиента и автора сходных темпоральных характеристик, представленных в тех или иных текстовых символах, способствует адекватному восприятию информации.

П. Рикер отмечает, что “упорядоченная полисемия принадлежит панхронической сфере: одновременно синхронической и диахронической, в той мере, в какой история проецируется на состояния системы, которые отныне представляют собой лишь мгновения в процессе смысла, в процессе наименования” [Рикер 1995,146]. Причиной “текстуальной полисемии” в сфере диахронии является временная дистанция, отделяющая автора текста от читателя. Именно она оказывает влияние на процесс интерпретации реципиентами символов авторского дискурса, “путешествующего” во времени и пространстве. Амбивалентность семантики языка художественного текста, использование словесных знаков в их вторичном значении П. Рикер рассматривает как причину множественности интерпретаций, считая понимание многозначных выражений моментом самопонимания, в котором семантический и рефлексивный план дополняют друг друга. “Я-интерпретация” формируется как результат хронологически определенной направленной рефлексии —

дешифровки символов: без рефлексии семантика “повисает в воздухе” [Рикер 1995,15]. Рассматривая рефлексивную связь между пониманием знаков и самопониманием, П. Рикер видит цель интерпретации в преодолении временной дистанции между минувшей культурной эпохой, символом которой выступает текст, и интерпретатором (читателем). При этом адекватная интерпретация и понимание “символического дискурса” реципиентом полагается возможным лишь в силу глубины *самопонимания*, которое соотносится с процессом/результатом направленной рефлексии интерпретатора на текст — на его темпоральные и смысловые поля. Мы, в свою очередь, соотносим направленную рефлексивную связь с процессом идентифицирующего синтеза реципиентом темпорального поля собственной проекции воспринятого текста, результатом которого выступает понимание/непонимание реципиентом смысла воспринимаемых элементов “символического дискурса”. В случае положительного результата — понимания текста (и автора) — расширяется поле самопонимания интерпретатора.

Фактор временной удаленности читателя от автора текста является одной из причин непонимания письменных сообщений, он реально выступает как смыслообразующий фактор при формировании проекций текста разными поколениями реципиентов. Исследуя роль времени в процессе познания, И. Кант [изд. 1964] определил его как форму творческого процесса *конструирования предмета познания* (как форму синтеза). В процессе интерпретации текста реципиент “строит” свою “конструкцию смыслов”, что можно представить следующим образом:

Рис 1.4.

Различные интерпретации/проекции “символического дискурса” как виды рефлексии отображают не только особенности языка и менталитета каждого поколения носителей языка, но и — большей или меньшей степени — общую часть социального знания, которая выступает как сигнальная наследственность и способствует коммуникации — диалогу поколений. Автор и читатель “встречаются” во времени и пространстве: процесс чтения текста (коммуникативное время) выступает как момент, а текстовое пространство — как место этой “встречи”. Именно в коммуникативном времени происходит “общение” их сознаний, процесс познания реципиентом текстовой реальности.

В результате сравнения данных психолингвистических экспериментов, проведенных в 80-е и 90-е годы выявлено, что влияние хронокультурного контекста в большей степени обнаруживается в речевых произведениях тех реципиентов, языковое/речевое сознание которых в процессе смыслового восприятия “следует” малоэффективной синтетической стратегии (тип проекции “от себя/от социума”). В подобных проекциях отображаются смысловые привнесения, характерные именно для того временного периода, в котором проходит процесс смысловой перцепции. В том случае, если языковое/речевое сознание носителя языка использует высокоэффективную синтетическую стратегию смыслового восприятия, смысл символов, составляющих темпорально-смысловое поле авторского текста, интерпретируется в русле авторской концепции, независимо от характерных для данного времени смысловых стандартов социума (тип проекции — “от автора”). “Применяя” аналитическую стратегию смыслового восприятия, реципиент в целом следует смысловым установкам автора, допуская некоторые собственные смысловые привнесения, которые, однако, не должны искажать целостную смысловую картину текста (тип проекции — “от автора*/от себя”) [о типах проекций см.: Наумова 1986].

Количественный анализ результатов текстового обследования реципиентов 90-х годов показывает, что только 28% современных носителей языка интерпретируют воспринимаемое произведение, сохраняя полностью (3%-6%) или частично (22-25%) темпорально-смысловое поле оригинала, что обеспечивает адекватное понимание прочитанного; в то же время 72% современных читателей интерпретируют текст по типу “от себя”, по жесткому варианту следования стереотипу, сложившемуся в своем прошлом опыте. Сравнение результатов психолингвистических экспериментов, проведенных в 80-е и 90-е годы, выявило неизменную в количественном отношении группу реципиентов (3-6%),

которая воспроизводит текст по типу “от автора”, то есть независимо от смысловых установок хроно-культурного пространства социума.

Л и т е р а т у р а

1. *Бахтин М.М.* Литературно-критические статьи. М.: Худож. лит., 1986.
2. *Белянин В.П.* Психолингвистическая типология художественных текстов по эмоционально-смысловой доминанте: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. 1992.
3. *Борисова С.А.* Установление темпоральных отношений в процессе взаимодействия носителя языка с текстовой реальностью (по данным текстового обследования). // Лингводидактические аспекты повышения профессиональной иноязычной компетенции: теория и практика. Ульяновск: фМГУ, 1995. С. 124-137.
4. *Борисова С.А.* Восприятие темпоральной структуры текста (на материале психолингвистического эксперимента): Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Ульяновск: фМГУ, 1996.
5. *Гийом Г.* Принципы теоретической лингвистики. М.: Прогресс, 1992.
6. *Гуссерль Э.* Собрание сочинений: т. 1. Феноменология внутреннего сознания времени. [Пер. с нем. / Под общей ред. и со вступ. ст. *В.И. Молчанова*]. М.: РИГ “Логос”: “Гнозис”, 1994.
7. *Наумова О.Д.* Объектный мир речевой коммуникации и систематизация психолингвистических понятий: Дисс. ... докт. филол. наук. М., 1987.
8. *Залевская А.А.* Индивидуальное знание: Специфика и принципы функционирования. Тверь: Изд-во ТвГУ, 1992.
9. *Рикер П.* Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. [Перевод]. М.: Моск. филос. фонд и др., Изд. “Медиум”, 1995 .
10. *Рубакин Н.А.* Психология читателя и книги: Краткое введ. в библиолог. психологию. М.: Книга, 1977.
11. *Тураева З.Я.* Категория времени. Время грамматическое и время художественное: на материале англ. яз. М.: Высш. школа, 1979.
12. *Мостепаненко А.М.* Проблема универсальности основных свойств пространства и времени. Л.: Наука, 1969.
13. *Jakobson R.* Shifters, verbal categories, and the Russian verb. // (Cambridge, Mass.) Russian language project. Dep. of Slavic languages and literatures. Harvard Univ., 1957.
14. *Wierzbicka A.* Lingua mentalis. The Semantic of natural language. Sydney: Academic Press, 1980.

О времена! о тексты!
**(Доступны ли интертекстуальные связи русскоязычного
художественного текста иностранному читателю?)**

© кандидат педагогических наук И.И. Яценко, 1997

Книга — лучший подарок, всем лучшим во мне я обязан книгам, книга — за книгой, любите книгу, она облагораживает и воспитывает вкус, смотришь в книгу — а видишь фигу, книга — друг человека, она украшает интерьер, экстерьер, фокстерьер, загадка: сто одежек — все без застежек — что это такое? отгадка — книга.

Саша Соколов. Школа для дураков.

Когда А.К. Жолковский [5, с.205-225] интерпретирует пародию Иосифа Бродского (в шестом из "Двенадцати сонетов к Марии Стюарт") на знаменитое пушкинское "Я вас любил...", он до гениальности просто и убедительно показывает, что эта пародия не снижение, не опошление оригинала, а "перелицовка". Это "Пушкин по-бродски" [5, с.217], ибо, "принадлежа XX веку, Бродский и его сонет все же восходят к типично пушкинским установлениям ... Однако, опираясь на опыт русского ... модернизма, Бродский продолжает эти [пушкинские] тенденции далеко за классические пределы. Его сонет — это пушкинское "Я вас любил...", искренно обращенное Гумберт Гумбертовичем Маяковским к портрету Мерилин Стюарт работы Веласкеса — Пикассо — Уорхола" [5, с.224].

Мы позволили себе столь обширную цитату потому, что исследование А.Жолковского наглядно демонстрирует специфику литературы конца XX века как литературы интертекстуальной, которая, даже ориентируясь на классические образцы, не может не отражать сложно организованного, избыточно информированного, скептического, рефлексирующего, чаще пессимистичного, чем наоборот, сознания современного человека.¹

¹ Термин *интертекстуальность* "употребляется не только как средство анализа литературного текста или описания специфики существования литературы (хотя именно в этой области он впервые появился), но и для определения того миро- и самоощущения современного человека, которое получило название *постмодернистская чувствительность*" [9, с.215-216].

Хотя со страниц литературной периодики не сходят споры по поводу раздела современного литературного пространства между традиционной и так называемой новой литературой, думается, есть нечто, объединяющее и разных авторов, и разные литературные направления. Это нечто представляет собой тот вертикальный контекст, на котором строится современная литература. Опираясь на этот контекст, автор художественного произведения оказывается в достаточно противоречивой ситуации: с одной стороны, он сопротивляется традиции, прошлому опыту, с другой, — он не может существовать вне этой традиции и этого опыта (хотя бы в историко-литературном плане). Такая ситуация приводит к уравниванию позиций самых разных художников (в едином литературном процессе есть место для каждого, а уж значимость и ценность этого места определяется не принадлежностью к тому или иному направлению, а мерой индивидуального таланта). Таким образом, самооценен талант, а не реалистическая или постмодернистская ориентация автора.

Для любого талантливому художественного текста должны быть открыты занятия с иностранными учащимися, особенно филологами, однако на самом деле диапазон предлагаемых для учебной интерпретации текстов весьма узок и ограничивается, как правило, авторами, работающими в русле традиций реалистической классики. Этому есть много причин, одна же из главных — существенные затруднения при интерпретации интертекстуальных связей читаемого текста, которые являются едва ли не определяющей чертой "новых" текстов. Причем трудности испытывают не столько учащиеся, сколько преподаватели, поскольку данная проблема в методическом плане практически не разработана. Нами была предпринята попытка описания некоторых методических приемов, направленных на снятие интертекстуальных трудностей художественного текста [11] в трех случаях: "паратекстуальность" (отношение текста к своему заглавию, эпиграфу и т.д. или к другому тексту этого же автора); "соприсутствие" в одном тексте нескольких текстов в виде цитат, аллюзий и т.д.; собственно интертекстуальность как художественный прием, через который реализуется основная идея автора (в постмодернистских текстах, построенных по принципу палимпсеста)².

² Термины *паратекстуальность* и *соприсутствие* заимствованы у французского исследователя Ж.Женетт, который в своей книге "Палимпсесты: Литература во второй степени" (1982) предложил классификацию разных типов взаимодействия текстов [9, с. 219-220].

В настоящей статье хотелось бы остановиться только на одной, но достаточно многогранной проблеме — проблеме интерпретации интертекста, использованного в целях изображения и развенчания мифологизированного сознания эпохи. Проблема свободы человека есть в немалой мере вопрос лингвистический, ибо не может быть свободен человек, мыслящий и говорящий штампами, идеологическими клише, формулами, усвоенными с детства, воспринятыми на уровне аксиомы и зафиксированными в когнитивных структурах [7], формирующих когнитивную базу члена лингво-культурного сообщества [4]. Современная литература (и реалистическая, и постмодернистская) достаточно остро реагирует на эту ситуацию и всячески пытается ей противостоять. Но вот что парадоксально: литература, по существу, борется с самой собой, так как "для всей традиционной Литературы характерна добровольная готовность быть мифом; в нормативном плане эта Литература представляет собой ярко выраженную мифическую систему" [2, с. 260-261].

Говоря о выраженном мифическом содержании литературы, нельзя не остановиться на формальной характеристике литературы такого сорта. "Современный миф дискретен: он высказывается не в больших повествовательных формах, а лишь в виде "дискурсов"; это не более чем *фразеология*, набор фраз, стереотипов; миф как таковой исчезает, но остается еще более коварное *мифическое*" [2, с. 15]. Поэтому современный автор, стремящийся освободить литературу от мифологического груза, прибегает к гипертекстуальности ("осмеяние и пародирование одного текста другим"[9, с. 219]). Такого рода тексты, как правило, нельзя отнести ни к традиционному реалистическим, ни к постмодернистским. Скорее их можно было бы назвать сюрреалистическими, ибо при отсутствии или слабой выраженности событийного сюжета они отличаются строго реалистической, почти натуралистичной прорисовкой деталей. Примером такого текста может служить рассказ П.Алешковского "Над схваткой" из сборника "Старгород"[1].

Главный герой рассказа — некто Пищутин, о котором известно, что он работает плановиком в музее, но страдает графоманством и при этом считает себя великим писателем, непонятым и непризнанным. В восприятии окружающих (а действие происходит в провинциальном курортном городке, где трудно остаться незамеченным) он слышит "чайником"³, который раз в месяц приходит в летнее кафе на набережной: "выпьет, поплачет и уйдет" [1, с.5]. Собственно это "выпьет, поплачет и

³ В данном случае жаргонизм "чайник" может толковаться как 1) душевнобольной, человек с какой-либо странностью и как 2) графоман [11, с. 202].

уйдет" и составляет все содержание текста на событийном уровне. Концепт рассказа разворачивается в ходе несобственно-прямой речи героя, постепенно переходящей во внутренний монолог. Внешне рассказ П. Алешковского — типично реалистическое повествование в духе чеховских "бываний" (несобытийных текстов). Однако, как показал опрос иностранных учащихся — участников семинара "Анализ художественного текста" (то есть той категории иностранных читателей, которая подходит к чтению вполне осмысленно и мотивированно), две трети из них вообще не поняли смысла рассказа, а остальные восприняли героя как фигуру трагическую и достойную искреннего сочувствия.

Проанализировав достаточно представительный для столь небольшого текста набор художественных приемов⁴, использованных автором, мы пришли к выводу, что интерпретации общеизвестных приемов оказалось недостаточно для "адекватного" восприятия и понимания рассказа. Реципиенты не уловили главного в тексте — его сниженно-иронического тона, его модальности, без чего не могла состояться коммуникация "автор — читатель — автор". Следовательно, в тексте содержится и другой источник (или другие источники) концептуальной информации, который остался незамеченным иностранными читателями. Специфика данного текста в том, что это не обычное повествование, а почти непрерывная внутренняя речь героя, следовательно, только через анализ ее составляющих можно попытаться выявить авторскую идею.

Во внутренней речи героя не только присутствует, но и достаточно активно себя ведет то "коварное мифическое" (по Р. Барту), о котором уже упоминалось выше. "Коварство" мифического заключается прежде всего в том, что главная сила мифа — в его повторяемости [2,

⁴ Среди традиционных для классической прозы художественных приемов в данном тексте были обнаружены: 1) синекдоха ("Турист ходит толпой. Турист ходит парочками..."); 2) контекстное взаимодействие имен ("Пускай у него в шкафу один костюм, но из серьезного материала — финский бархат, настоящий финский бархат из остатков театрального занавеса."); 3) многофункциональные повторы (в пределах одного абзаца: "Он знает ... Он понимает, он жалеет их... Он ихпрощает ... Он иногда плачет ночью... Он их бичует..." — демонстрация эгоцентристской позиции героя, его маниакального ощущения собственной исключительности; повтор как средство создания семантической композиции фрагмента текста: "... он бичует их своим пером и жалеет. У него золотое перо, китайское — оно всех удобней для руки..."); 4) эффект обманутого ожидания ("Сегодня он ищет сюжет, отбирает, шлифует; завтра, после рынка (надо сходить за картошкой — такова проза жизни), он засядет за рассказ, что придумает сегодня."); 5) сравнения с ироническим подтекстом ("... жизнь прекрасна, как надежный финский бархат...", "... шампанское тает неумолимо, как время (отличное сравнение, надо запомнить!)").

с.261], а значит — в неуничтожимости. Сознание героя рассказа мифологизировано, в нем практически не осталось проявлений индивидуального, личностного. При этом мифологическое начало речи героя характеризуется дискретностью (оно существует в виде дискурсов), безличностью и повторяемостью. Фактически мифология, внедрившаяся в психику, героя реализуется в виде прецедентных высказываний [6, с.100-101].

Для "адекватной" интерпретации текста, необходимо выделить его интертекстуальные связи, оформленные в виде прецедентных высказываний⁵, и на этой основе восстановить мифы, владеющие героем как представителем своего социума.

1. "Он понимает, он жалеет их [туристов] — прожигают жизнь, не думают о вечном. Он их прощает. Старается любить. Но это не всегда выходит."

Старания героя любить людей опираются на литературно-критический миф о самоотверженной любви писателя (русского писателя — особенно!) к человеку. Это качество *истинного* писателя так многословно описано в отечественной литературной критике, начиная с В.Г. Белинского и Н.А. Добролюбова, что реалья по существу превратилась в мифологему. Многословие, а тем более высокопарное, излишне патетическое, всегда подрывает веру в утверждаемую сущность явления. То, что герой Алешковского "стареется", "но это не всегда выходит", снижает не столько характеристику персонажа, сколько тот миф, которым персонаж себя оправдывает.

2. "Ведь они плебеи. Мелкие душонки. И он иногда даже плачет ночью за столом, не в силах писать — он их бичует своим пером и жалеет."

Здесь воплощен миф о возвышении писателя над "толпой", о двойственности писательской души (бичует и жалеет). Эта линия в отечественной литературной критике, оттолкнувшись от сформулированной и выстраданной еще А.С. Пушкиным проблемы "поэт и чернь", так же, как и предыдущая, была доведена до невероятной декларативности и соответственно лишена убедительности.

3. "А что, собственно говоря, есть великая русская литература? Она есть любовь, жалость к униженным и оскорбленным, она есть гневная отповедь мещанам и плебейам. Настоящая литература вся в прошлом — она аристократична. И задача сегодняшнего дня ее возродить. На

⁵ Интертекстуальные связи не всегда совпадают с прецедентными феноменами, что в настоящее время исследуется автором статьи и будет освещено отдельно.

такое не жалко и жизни. Поэтому писатель должен быть над схваткой — выше толпы."

Это логическое развитие предыдущей мифологемы о противостоянии творца и толпы. Только русская языковая личность может ощутить интертекстуальный подтекст сочетания "великая русская литература". Это автономное⁶ прецедентное высказывание пародирует стиль русской и советской критики (например, стиль советских школьных учебников по литературе). Нисколько не желая умалить значения русской литературы, сошлемся на И. Бродского: "Прилагательные прикрывают слабость"⁷. Действительно, щедро тиражируемый эпитет "великая" порождает подозрения относительно реальной сущности явления. Перед нами выраженный шовинистический миф, который получает развитие в мифологемах, закрепленных следующими прецедентными высказываниями:

а) "жалость к униженным и оскорбленным" (Подозревал ли Ф.М. Достоевский, какой неискоренимый штамп, кочующий из учебников в школьные сочинения, он породит?);

б) "гневная отповедь мещанам и плебейам" (ряд объектов можно продолжить: космополитам, предателям, поэтам-тунеядцам и т.п.) — это прецедентное высказывание особенно емко и эвфемистично: при наличии такой формулы уже не важна суть проблемы, ибо клич брошен, а за ним уже логично следует: "Солженицына не читал, но осуждаю!";

в) "быть над схваткой" — это то, что демократической, а потом и советской критикой квалифицировалось, как антисоциальная позиция художника, который должен быть в гуще всенародной борьбы за что-то очередное (коммунизм, урожай, производительность труда и т.п.), а не заниматься чистым искусством; в настоящее время отношение общественного мнения к этому тезису резко изменилось, что свидетельствует о гибкости, приспособляемости мифа к изменившимся условиям: нынешние критики хотят видеть писателей за письменными столами, а не на парламентских или партийных трибунах.

3. "Терпение всего главнее в жизни. Настоящий писатель всегда поначалу одинок и беден. Быть может, даже всю жизнь."

Миф о тернистом пути писателя и о поздней (часто посмертной) славе мало чем отличался бы от реальности, если бы он не возобновлял-

⁶ Автономное прецедентное высказывание (термин семинара "Текст и коммуникация") не имеет и не имело конкретного источника (прецедентного текста) и является отражением некой общей прецедентной ситуации.

⁷ Бродский И. Что есть русские поэты // Лит. газета, 9.04.1997.

ся "неоднократно в дискурсе данной языковой личности" [6, с.101]. Абсолютизация ситуации (настоящий писатель всегда страдает и бедствует) — это уже миф.

Исследование интертекстуальных связей рассказа, через которые проступают некоторые стороны мифологического сознания современной русской языковой личности, позволяет сделать вывод о том, что герой — это типичный продукт своего социума. Загруженность языкового сознания героя мифологическими штампами, его примитивизм, подчеркнутый упрощенным синтаксисом, его подсознательное, постоянно им самим подавляемое тяготение к материальному миру не оставляют иллюзий относительно "ценности" писательских трудов героя. Но вместе с тем герой П. Алешковского — это, с одной стороны, герой пародийный, с другой, — фигура трагическая, не вынесшая мифологического пресса своего времени, а с третьей, — это персонаж, спасающийся мифологическими фантазиями от пугающей его реальности и представляющий в результате клинический интерес.

Совершенно естественно, что самостоятельно интерпретировать такой текст сможет только иностранец-специалист. В учебной же ситуации при подготовке текста к занятию он должен быть обеспечен как подробными комментариями по поводу социокультурных реалий, порождающих мифы, так и информацией об отражении/запечатлении этих реалий в сознании языковой личности. Причем комментарии не должны содержать готовых интерпретаций — они только материал, стимулирующий речемыслительную деятельность иностранных читателей.

Прием использования интертекстуальных связей для пародирования и развенчания мифологизированного сознания личности, использованный П. Алешковским, является довольно популярным в постмодернистской литературе. Хотелось бы продемонстрировать один из вариантов такого приема, который может представлять интерес и в учебной ситуации. Это *пастииш* "(от итал. *pasticcio* — опера, составленная из отрывков других опер, смесь, попури, стилизация) — термин постмодернизма, редуцированная форма пародии" [9, с.255]. Классические, на наш взгляд, образцы пастииша имеются в книге Саши Соколова "Школа для дураков".

С. Соколова, как и многих других авторов, волнует проблема происхождения мифологизированного сознания. Истоки его писатель находит в строго детерминированной системе воспитания и образования, что подтверждается целым набором интертекстов, которые составляют пастииш. "Учительница ... сказала маме, мы бы не рекомендовали все под-

ряд, особенно западных классиков..., Мальчик из Уржума, Детство Темы, Детство, Дом на горе, Витя Малеев, и вот это: жизнь дается человеку один раз, и прожить ее надо так, чтобы. И еще: бороться и искать, найти и не сдаваться, вперед заре навстречу, товарищи в борьбе, штыками и картечью проложим путь себе — песни русских революций и гражданских войн, вихри враждебные, во саду ли, как у наших у ворот ..."[10 с. 74]. Результаты такого массивного наступления на человеческую психику не замедлили сказаться: "Мне нравился пыльник... Я носил бы его повсюду: во саду ли, во городе, в школе и дома, за рекой в тени деревьев и в почтовом дилижансе дальнего следования, когда за окнами — дождь и плывущие мимо деревни, крытые соломой" ... и душа моя человеческими страданиями уязвлена есть..." [10, с. 100]. Человек развит на столько, на сколько ему это позволила Система.

Приведенные выше фрагменты из книги Саши Соколова представляют собой насыщенный интертекстами материал, который требует подробного комментирования и который позволит иностранным учащимся расширить свои представления о русской языковой личности.

Итак, обращаясь в учебной ситуации к художественным текстам, связанным с другими текстами, мы получаем возможность дать учащимся представление о многих социокультурных феноменах, с одной стороны, и расширяем возможности вариативных интерпретаций текста, с другой. При этом перед преподавателем открывается множество путей к тексту. Как аккомодируя зрение, можно выделять один предмет из многих или лучше разглядеть дальний предмет, проигнорировав более близкий, так и в интертекстуальном тексте можно выбирать любой из пластов, любой из интересных с той или иной точки зрения сюжет, образ и т.д. Интерпретация такого сорта текста не имеет ограничений и, следовательно, такой текст представляет собой заманчивый объект для творческого преподавателя и любознательных учащихся.

Л и т е р а т у р а

- [1] *Алешковский П.М.* Над схваткой // *Алешковский П.М.* Старгород. Голоса из хора. М., 1995.
- [2] *Барт Р.* Мифологии. М., 1996.
- [3] *Гаспаров Б.М.* Структура текста и культурный контекст // *Гаспаров Б.М.* Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. М., 1993.
- [4] *Гудков Д.Б.* Прецедентное имя. Проблемы денотации, сигнификации и коннотации // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М., 1997.
- [5] *Жолковский А.К.* Блуждающие сны и другие работы. М., 1994.

- [6] *Захаренко И.В., Красных В.В.* Лингво-когнитивные аспекты функционирования прецедентных высказываний // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М., 1997.
- [7] *Красных В.В.* О чем не говорит "человек говорящий"? (к вопросу о некоторых лингвокогнитивных аспектах коммуникации). М., 1997.
- [8] *Смирнов И.П.* Порождение интертекста (Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.Л. Пастернака). С.-П., 1995.
- [9] Современное зарубежное литературоведение / Энциклопедический справочник. М., 1996.
- [10] *Соколов С.* Школа для дураков. Ардис, 1976.
- [11] *Юганов И. Юганова Ф.* Русский жаргон 60-90-х годов / Опыт словаря // Под ред. *А.Н. Баранова.* М., 1994.
- [12] *Яценко И.И.* Интертекстуальность как методическая проблема (на материале работы с художественным текстом в иностранной аудитории). В печати.

Письменная речь в курсе русского языка для деловых людей

© кандидат педагогических наук *И.В. Михалкина*, 1997

Роль письменной коммуникации в профессиональной деятельности специалистов в области внешнеэкономических связей чрезвычайно велика. Разного рода деловые бумаги организованы по файлам в печатном виде, хранятся в базах данных компьютеров и представляют собой основу информационной системы фирмы.

Письменная речь, являясь, как и устная, продуктивным видом речевой деятельности, осложнена целым рядом обстоятельств, связанных с условиями письменной формы общения. В разных ситуациях делового общения эти условия приобретают особую значимость, поскольку пренебрежение ими может привести к негативным результатам при решении профессиональных задач. С одной стороны, при составлении текстов писем для прямой почтовой рекламы (директ мейл) пишущий, учитывая отсутствие непосредственного реципиента — потенциального партнера или клиента — и промежуточной обратной связи, должен ввести его в ситуацию, предугадав возможные вопросы, и наиболее полно, доступно и логично представить необходимую информацию. С другой стороны, жанр письма-рекламы или коммерческого предложения, отправляемого по почте или факсу, требует определенных ограничений в объеме и лаконизма изложения. Последние черты характерны практически для всех видов деловых писем.

Устная форма делового общения позволяет говорящим (в рамках протокола и этикета бизнес-коммуникации) использовать невербальные средства общения (интонацию, паузацию, жесты, мимику, контакт глаз, позы, телодвижения, дистанцию), которые помогают поддерживать, регулировать процесс общения, корректируя, предвосхищая, аннулируя, дублируя или дополняя вербальные сообщения.

Данные средства приобретают особую значимость при выражении эмоций и оценок, которые в сфере делового общения требуют существенной когнитивной обработки. Эмоциональные реакции коммуникантов и их оценочное отношение к чему-либо в рассматриваемой сфере имеют большое когнитивное содержание. Они связаны с возможными нарушениями социальных соглашений, носят конвенциональный характер и зависят от принятых в данной среде правил поведения. Непосред-

ственному вербальному выражению радости, сожаления, удовлетворения, удивления, опасения и других эмоций и оценок предшествует ментальная деятельность, связанная с когнитивной интерпретацией определенных блоков информации, а также с коррекцией речевого поведения относительно экстралингвистических условий общения (характер отношений между фирмами, статус и взаимопонимание коммуникантов, значимость предметного плана общения для обеих сторон и т.д.). С этих позиций письменная форма общения более выигрышна для коммуникантов, чем устная, потому что даже при самых ограниченных сроках написания какого-либо рода деловой бумаги они имеют возможность более детальной когнитивной обработки поступившей и передаваемой информации. К тому же в процессе написания текста коммуниканты-иностранцы могут обращаться к сформированной на занятиях по русскому языку или в результате личного речевого опыта программе выбора языковых средств в соответствии с ситуацией общения. Письменная форма общения предоставляет пишущему определенный набор невербальных средств, роль которых не столь разнообразна как в процессе устной коммуникации. К этим средствам относятся: расположение текста и его отдельных частей, пиктограммы, абзацы, интервалы, шрифты, включение рукописного текста и его расположение, различные способы выделения фрагментов текста.

Отправной точкой обучения любому виду речевой деятельности является установление итоговой и промежуточных целей обучения, которые представляют собой методическую интерпретацию конкретных коммуникативных потребностей учащихся. Опыт работы в рамках Международной научно-практической программы филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова "Русский язык в деловом общении" показывает, что единых промежуточных целей в данном случае нет.

Сравним это обстоятельство с привычным для обучения в условиях вуза программным перечнем умений, необходимых для написания конспекта, реферата, аннотации, резюме. Отсутствие подобной универсальности в рассматриваемом случае объясняется большой гетерогенностью коммуникативных потребностей деловых людей, обусловленной различной профессиональной специализацией фирм и разным субординационным положением их представителей. Это влияет на предметно-содержательный план письменной речи, на превалирование тех или иных ее жанров. Социолингвистические наблюдения, связанные с этими фактами, показали, что максимально конфликтная в методическом отношении ситуация возникает в том случае, когда в одной группе обуча-

ются представители разных по специализации фирм, имеющие разнообразные функциональные обязанности. В этом случае очень сложно поддерживать мотивационную базу обучения. Наиболее благоприятной ситуацией для организации учебного процесса является совместное обучение лиц, выполняющих одинаковые профессиональные задачи. Так, для менеджера по рекламе фирмы "Кока-Кола" и для менеджера по рекламе фирмы "Боинг" или фирмы "Полиграм" актуальны одни и те же жанровые разновидности письменных речевых произведений: пресс-релизы, проспекты, преамбулы каталогов, рекламные объявления, письма сопроводительного характера и т.д. Для данных жанровых разновидностей (сортов текстов) характерен определенный набор логико-смысловых блоков (тем, микротем):

- 1) название организации-рекламодателя, ее экономико-юридический статус, история создания, направление деятельности, положение на современном рынке;
- 2) предложение товаров, услуг, их качественные и количественные характеристики;
- 3) приглашение к сотрудничеству, поиск партнеров;
- 4) условия осуществления сделки:
 - а) условия оплаты: цена, валюта, форма оплаты, льготы;
 - б) условия поставки: сроки, количество, способ доставки;
 - в) гарантии;
- 5) каналы связи, реквизиты.

Полнота и последовательность развертывания этих блоков в тексте находятся в прямой зависимости от экстралингвистических обстоятельств: производственных и коммерческих интересов отправителя и адресата, характера их взаимоотношений, специфики рекламируемого товара, имиджа фирмы-рекламодателя, этапа продвижения на рынок товаров и услуг и т.д.

Поскольку перед всеми менеджерами по рекламе стоит общая профессиональная задача — привлечь внимание потребителя к "товару" (в качестве которого может выступать практически любой продукт материальной или интеллектуальной деятельности человека), а также убедить его в необходимости заключения предлагаемой сделки, — общим для всех них будет и коммуникативное содержание письменной речи. Это содержание в результате методического препарирования предстает в виде тем, типичных коммуникативных ситуаций и задач общения, реализуемых при помощи речевых действий, имеющих интенциональный или/и пропозициональный план и вербальные средства его вопло-

щения. В рассматриваемом случае используемые интенции довольно универсальны: выражение радости, гордости при предложении товаров/услуг; аргументация необходимости и выгоды их приобретения, преимуществ перед аналогичными товарами/услугами других производителей; выражение желания, готовности, надежды на сотрудничество и др. Пропозициональное ядро универсально не только в плане номенклатуры пропозиций (функция, обмен, продуцирование, реализация и др.), но и в плане их использования, как в устной, так и письменной речи. Главное же различие в рассматриваемом случае заключается в лексическом наполнении синтаксических структур, реализующих эти пропозиции. СР.: *Фирма "Кока-Кола" предлагает прохладительные напитки. Фирма "Боинг" предлагает авиационную технику.*

Изучение потребностей письменной коммуникации отдельных групп специалистов, выполняющих одинаковые служебные функции в фирмах разной специализации (менеджера по рекламе, по маркетингу, по торговле, по продаже, по поставкам, аудитора, бухгалтера и т.д.), показало, что для каждой группы существует исчислимый набор общих тем, ситуаций, задач общения, речевых действий, которые отражены в совокупности определенных сортов текстов.

Таким образом, можно поставить вопрос о необходимости структурирования соответствующих специализированных моделей обучения письменной речи с обязательной ориентацией в процессе обучения на ее взаимосвязь с другими видами речевой деятельности. То есть речь идет о разработке разных микрометодик, требующих больших лингвометодических исследований. Очевидно, это задача будущего.

В настоящее время методика обучения деловому общению на русском языке является малоразработанным научно-исследовательским направлением, а имеющиеся современные пособия для деловых людей не в полной мере обеспечивают учебный процесс и удовлетворяют потребности учащихся. В то же время преподаватели-практики нуждаются в учебных материалах, которые "работали" бы в любой аудитории, проявляющей интерес к деловому общению на русском языке. Именно поэтому прежде всего необходимо структурировать базовую модель обучения, включающую коммуникативные и языковые компоненты, отличающиеся универсальностью по отношению к потребностям специалистов, занимающих различные социально-коммуникативные позиции. Подобная "ядерная" модель сможет организовать вокруг себя "атомарные" (специализированные) модели, которые выборочно (в соответ-

ствии с потребностями учащихся) составят вместе с первой логически завершенные системы обучения.

Рассмотрим некоторые лингвометодические универсалии обучения письменной речи в рамках названной базовой модели.

Для большинства деловых людей актуальны три вида письменной формы речи. Во-первых, записи репродуктивного характера, например: выписки из различного рода правовых и организационных документов (устава, протокола собрания учредителей и др.), требующие владения техникой письма и связанные с навыками выборочного чтения; записи, вносимые в бланки готовых документов (доверенности, заявления, банковские форматы, платежные поручения, счета-фактуры и т.д.). Во-вторых, записи репродуктивно-продуктивного характера: телефонограммы, заметки, делаемые во время встреч, переговоров, рабочих совещаний, на основании чужой речи. В-третьих, письменная речь продуктивного характера (письма/факсы, коммерческие предложения, бизнес-планы, справки, акты, отчеты, докладные и объяснительные записки, памятки/меморандумы, планы работы совещаний, программы семинаров и др.).

Среди перечисленных жанров письменной речи особое место принадлежит деловому письму/факсу как наиболее частотной реалии профессиональной коммуникации деловых людей. Данный жанр имеет внутрижанровые разновидности, выделяемые на основе коммуникативных задач, от которых зависит их логико-смысловая структура. В рамках базовой модели обучения деловому общению актуальны следующие виды деловых писем: письмо-приглашение, письмо-представление, сопроводительные письма, письма-подтверждения, рекомендательные письма, письма-запросы о фирмах-потенциальных клиентах/партнерах, письмо-просьба, письмо-напоминание, письмо-отказ, рекламные письма.

В методических целях следует рассматривать пропозициональный и интенциональный план текстов деловых писем. Первый свидетельствует об уровне предметной компетенции, сформированной на русском языке, второй — о владении нормами этикета русской деловой речи, имеющей определенные лингвистические особенности.

Наиболее частотны и универсальны интенции, выражающие обращение, благодарность, извинение, просьбу, приглашение, одобрение/положительную оценку чего-либо, прощание.

Особая роль в деловых письмах принадлежит речевым интенциям, выражающим эмоциональное состояние, отношение пишущего к чему-

либо. При их вербальной реализации согласно этикету делового общения необходимо соблюдать предельную корректность. Приведем наиболее актуальные интенции данного характера и варианты их реализации:

1. Удовлетворение, удовольствие, радость.

Мы удовлетворены результатами нашего сотрудничества.

Мы с (большим) удовлетворением ознакомились с отзывами заказчиков о нашей продукции.

Мы хотим выразить глубокое удовлетворение сотрудничеством с Вашей фирмой.

С удовольствием сообщаем о реализации всей партии Ваших товаров.

Мы рады сообщить Вам о нашем новом проекте.

Мы (очень) рады, что Вы приступили к выпуску этого оборудования.

Нам было (очень) приятно узнать, что Вы решили закупить партию наших станков.

2. Надежда.

Мы (искренне) надеемся

на наше плодотворное сотрудничество.

Мы выражаем надежду

, что наши новые товары заинтересуют Вас.

Мы рассчитываем открыть свое представительство в Москве в конце этого года.

Мы полагаем, что Вас устроят наши условия.

3. Сожаление, огорчение.

К сожалению, Ваше предложение не соответствует направлению деятельности нашей фирмы.

С сожалением должны Вам сообщить, что наша фирма ликвидируется.

Мы очень сожалеем, что Вы не сможете присутствовать на переговорах.

Мы очень огорчены тем, что нарушаются сроки поставок товаров.

4. Беспокойство, волнение, опасение.

Мы (очень) опасаемся, что параметры наших агрегатов не будут соответствовать Вашим условиям эксплуатации.

Мы обеспокоены большим количеством рекламаций из-за ненадежности блока питания.

Нас волнуют вопросы лицензирования.

У нас вызывает большую тревогу наметившийся рост кредитных ставок.

5. Удивление.

К нашему (большому) удивлению, эти товары не пользуются спросом в России.

Мы (были) (очень, приятно, крайне) удивлены большим интересом посетителей выставки к нашему стенду и количеством подписанных контрактов.

Мы изумлены (поражены) необязательностью партнеров.

6. Уверенность, вера.

Мы верим в успех нашего сотрудничества.

Мы уверены в успешной реализации этого проекта.

Мы с уверенностью в успехе выходим на российский рынок медицинского оборудования.

Мы (глубоко) убеждены, что		финансирование этого проекта будет прибыльным.
По нашему глубокому убеждению		

7. Желание, намерение, стремление.

Мы хотим		обсудить с Вами условия поставки товара.
Нам хотелось бы		

Мы намерены открыть филиал фирмы в Санкт-Петербурге.

Мы стремимся к долгосрочному сотрудничеству с нашими партнерами.

Следует отметить, что в деловых письмах существует ряд обязательных языковых оформителей, отражающих нормы соблюдения речевого этикета письменной формы общения. Так, в письмах сопроводительного характера, при обязательном сообщении о направлении тех или иных материалов в адрес получателя, используются синтаксические конструкции с незамещенной позицией агенса, характерной чертой лексического значения предиката которых является довольно богатая синонимия перформативных глаголов:

Направляем Вам текст контракта.

Отправляем Вам технические материалы.

Посылаем Вам новый прейскурант.

Высылаем Вам каталог новых товаров.

Пересылаем Вам альбом новых образцов.

Прилагаем перечень нашей новой продукции.

К такого рода обязательным оформителям относятся способы подтверждения получения делового письма (особенно письма-запроса):

Отвечаем на Ваше письмо от 3 мая.

Подтверждаем получение Вашего письма от 28 июня.

В ответ на Ваше письмо от 20 марта сообщаем, что ...

В ответ на Ваш запрос от 31 июля о положении фирмы "Х" извещаем Вас, что ...

Несмотря на наличие определенных специфических черт, деловая письменная речь является прочной основой для обучения устной речи. В процессе обучения письменной форме коммуникации у учащихся формируется способность логично и лаконично выражать свои мысли и эмоции, контролировать грамматическую и стилистическую нормированность речи. И в этом случае обучение письменной речи является не только целью, но и средством обучения.

Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов

© И.В. Захаренко,
кандидат филологических наук В.В. Красных,
кандидат филологических наук Д.Б. Гудков,
Д.В. Багаева, 1997

Настоящая статья посвящена символам прецедентных феноменов и является третьей и завершающей в цикле статей о прецедентных феноменах, их структуре и некоторых особенностях функционирования¹.

До настоящего времени в лингвистической литературе так или иначе рассматривались такие феномены, как прецедентный текст, прецедентное высказывание и символ прецедентного текста [11; 12; 22]. В наших предыдущих работах (см., напр., [7; 8; 15]) мы также предприняли попытку рассмотреть и систематизировать некоторым образом феномены, которые, используя термин Ю.Н. Караулова, мы назвали прецедентными, относя к ним также, кроме вышеназванных единиц, прецедентное имя и прецедентную ситуацию. В настоящей статье позволим себе повторить некоторые из высказанных ранее положений.

Прецедентные феномены являются основными (ядерными) элементами *когнитивной базы (КБ)*, представляющей собой совокупность знаний и представлений всех говорящих на данном языке [15].

Для определения понятия — *прецедентный феномен (ПФ)* — прекрасно подходит дефиниция Ю.Н. Караулова, которую он дал прецедентному тексту (на наш взгляд, Ю.Н. Караулов трактует термин “текст” слишком широко): под ПФ мы понимаем феномены, “(1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие (3), обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности” [11; с.216]. Это то общее, что объединяет все прецедентные феномены, которые могут быть как вербальными (тексты в самом широком смысле этого

¹ Цикл статей о прецедентных феноменах написан в рамках работы научного семинара “Текст и коммуникация”, существующего на филологическом факультете МГУ. См. [7;15].

слова), так и невербальными (произведения живописи, скульптуры, архитектуры, музыкальные творения и т.д.) [15].

Прецедентный текст (ПТ) — законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; (поли)предикативная единица; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу; ПТ хорошо знаком любому среднему члену национально-культурного сообщества; обращение к ПТ может многократно возобновляться в процессе коммуникации через связанные с этим текстом прецедентные высказывания или прецедентные имена. К числу прецедентных текстов принадлежат произведения художественной литературы (например, "Евгений Онегин", "Бородино"), тексты песен, рекламы, политические публицистические тексты и т.д. [15].

Прецедентная ситуация (ПС) — некая "эталонная", "идеальная" ситуация, связанная с набором определенных коннотаций, дифференциальные признаки которой входят в когнитивную базу; означающим ПС могут быть прецедентное высказывание или прецедентное имя [15].

*Прецедентное высказывание (ПВ)*² — воспроизводимый продукт речемыслительной деятельности; законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу; в когнитивную базу входит само ПВ, как таковое; ПВ неоднократно воспроизводится в речи носителей русского языка. К числу ПВ принадлежат цитаты из текстов различного характера (например, "Не спится, няня!", "Кто виноват?" и "Что делать?", "Вот он какой!"), а также пословицы (например, "Тише едешь — дальше будешь") [15].

Прецедентным именем (ПИ) мы называем индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным (например, Печорин, Теркин), или с прецедентной ситуацией (например, Иван Сусанин); это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не собственно к денотату, а к набору дифференциальных признаков данного ПИ; может состоять из одного (Ломоносов) или более элементов

² Традиционное понимание термина "высказывание" предполагает предикативность единицы. Следовательно, может вызвать протест тезис о непредикативности ПВ. Однако мы сочли возможным сохранить слово "высказывание" как составляющую термина, т.к. наше исследование показало, что при предлагаемом нами подходе нет существенной разницы в функционировании "предикативных" и "непредикативных" прецедентных высказываний.

(Куликово поле, “Летучий голландец”), обозначая при этом одно понятие.

Следует заметить, что в когнитивной базе хранятся не столько представления о прецедентных феноменах как таковых во всей своей полноте и диалектичности, сколько инварианты существующих и возможных представлений о тех или иных феноменах [8; 15]. Иначе говоря, при наличии индивидуальных вариантов восприятия “культурного предмета” [25], часто отличающихся друг от друга у двух и более произвольно взятых индивидов, существует инвариант восприятия прецедентного феномена, общий для всех членов данного культурного сообщества, включающий национально детерминированный набор признаков в минимизированном, редуцированном виде. Так, скажем, некто может считать Ивана Грозного великим царем, объединителем русских земель, внесшим огромный вклад в создание и развитие русского государства, однако в речевом общении этот некто не может игнорировать общенациональный инвариант представления об Иване IV как о тиране, коварном, жестоком, деспотичном царе³ именно потому, что этот инвариант восприятия данного прецедентного имени (ИВПИ) существует, хранится в когнитивной базе и актуализируется в коммуникации.

За определенным прецедентным текстом также стоит инвариант его восприятия (ИВПТ). Он эксплицитно практически не выражается, но имплицитно присутствует, что проявляется, например, в принятии/непринятии сообществом экранизации или инсценировки литературного текста (особенно зарубежными режиссерами, т.к. в разных национально-лингво-культурных сообществах существует свой инвариант восприятия одного и того же текста: можно вспомнить, например, американский фильм по роману Б. Пастернака “Доктор Живаго” или польский фильм по роману М. Булгакова “Мастер и Маргарита”, не принятые представителями русского сообщества как классические экранизации этих романов). Экранизация литературного произведения реально является “переводом” текста в другой код, и сообщество обсуждает удачность “перевода”, принимает, отвергает его, признает классиче-

³ В качестве иллюстрации сказанного достаточно вспомнить об открытии в прошлом веке в Новгороде памятника, посвященного тысячелетию России, где представлены барельефы всех русских царей за исключением Ивана Грозного. На принятие такого решения — не помещать изображение данного царя на барельефе, — возможно, как раз повлияло наличие в когнитивной базе русских инварианта представления о нем как о царе-деспоте.

ским, базируясь фактически на инварианте восприятия художественного текста, существующего в данном культурном сообществе [8].

Прецедентная ситуация также имеет инвариант восприятия (ИВПС). Ярким примером ПС может служить ситуация предательства Иудой Христа, которая понимается как “эталон” предательства вообще. Соответственно, любое предательство начинает восприниматься как “модель”, вариант изначальной и “идеальной” ситуации предательства. В инвариант восприятия указанной ПС входят ее дифференциальные признаки (например, подлость человека, которому доверяют, донос, награда за предательство), которые становятся универсальными для данного сообщества, а также атрибуты ПС (например, поцелуй Иуды, 30 сребреников), актуализирующие прецедентную ситуацию в коммуникации [15].

Прецедентное высказывание, в отличие от других прецедентных феноменов (ПТ, ПС, ПИ), имеет свою особую структуру (поверхностное значение, глубинное значение и системный смысл [см. об этом 7; 9; 10; 15 и далее в настоящей статье]), однако это не противоречит общей концепции прецедентных феноменов, т.к. при функционировании ПВ важным оказывается не только понимание его значения, но и знание экстралингвистических, когнитивных факторов, стоящих за данной единицей.

*Таким образом, говоря о наличии в когнитивной базе инварианта восприятия того или иного “культурного предмета”, мы рассматриваем когнитивный аспект прецедентных феноменов. Однако при этом следует иметь в виду, что прецедентное имя и прецедентное высказывание являются лингво-когнитивными, вербальными феноменами, имеющими четко фиксированную форму, в то время как прецедентный текст и прецедентная ситуация относятся, на наш взгляд, к феноменам, скорее, собственно-когнитивного, нежели лингвистического (лингво-когнитивного) плана, поскольку хранятся в сознании говорящих в виде инвариантов восприятия — не вербальных, но вербализуемых, т.е. подающихся вербализации⁴[15]. Именно по этой причине в коммуникации из выделенных и рассмотренных нами феноменов реально “участвуют”

⁴ Говоря о прецедентном тексте, мы прекрасно осознаем его лингвистическую природу, понимая, что весь текст от первой до последней строки представляет собой вербальный феномен, но поскольку в КБ хранится не собственно текст, а инвариант его восприятия и в коммуникации носители языка обращаются именно к инварианту, мы считаем, что ПТ (ИВПТ), равно как и прецедентная ситуация (ИВПС), в речи выступают как невербальные, но вербализуемые феномены, т.е. способные к вербализации (например, в виде пересказа).

только *вербальные* — прецедентное имя и прецедентное высказывание, через которые актуализируются *вербализуемые* прецедентные феномены — прецедентный текст и прецедентная ситуация, что, собственно и позволяет нам ставить вопрос о функционировании ПИ и ПВ как символов в определенных “коммуникативных условиях”.

Ю.Н. Караулов, выделяя четыре способа апелляции к прецедентным текстам — имя автора, название произведения, имя персонажа и цитату, — относит их к символам прецедентного текста, понимая под символом ПТ определенным образом оформленное указание на ПТ, актуализирующее у адресата соответствующий текст и связанные с ним коннотации [11: с.55]. В.Г. Костомаров и Н.Д. Бурвикова, говоря о прецедентных высказываниях, относят их, очевидно, именно к символам прецедентного текста [12]. Однако, как показывают наши последние исследования, некоторые результаты которых мы представим ниже, далеко не все прецедентные высказывания имеют жесткую связь с текстом, во многих случаях эта связь отсутствует, не все прецедентные имена могут быть символами прецедентного текста. В связи с этим, а также учитывая многообразие точек зрения на природу символа и семантическое “наполнение” этого термина и актуальность последнего для нас (в наших работах мы используем понятие “символ прецедентного феномена”), мы пришли к необходимости более точно определить, что же стоит за названным термином. В целом проблема определения символа крайне сложна и остается актуальной и в наше время, хотя поставлена она была давно и в лингвистической науке изначально связана с понятием языкового знака как такового. Общие принципы знаковых концепций были сформированы одновременно разными науками — философией, логикой, математикой, психологией, лингвистикой, большое влияние на формирование знаковой теории языка оказала семиотика. Не имея возможности сколь-нибудь подробно останавливаться на этом вопросе и разбирать различные точки зрения, мы позволим себе лишь упомянуть имена некоторых исследователей, которые так или иначе затрагивали данную проблему: В. Гумбольдт, Ф. де Соссюр, Э. Кассирер, Ч.С. Пирс, К.Г. Юнг, А.Ф. Лосев, А.Н. Леонтьев, Р. Барт, П. Рикер, Ж. Пиаже, Р. Титоне, А. Соломоник, Е. Бейтс, Э.Г. Аветян и др., - и очень кратко изложить те идеи, которые в той или иной степени повлияли на выработку нашей концепции [1; 3; 4; 16; 17; 18; 20; 21; 23; 24; 26].

Ч.С. Пирс, разграничивая — по характеру соотношения двух сторон знака — знаки трех типов и выделяя среди них знаки-символы,

определял последние как порождаемые установлением связи означающего и означаемого по условному соглашению: связь двух сторон знака-символа не зависит от их сходства; такой знак обретает статус условного установления и всеобщего правила. Полемика Рикера о символе определяется через способность к двойному смыслу: “символ с семантической точки зрения устроен так, что он передает смысл посредством смысла, в нем первичный, буквальный, земной, часто физический смысл отсылает к фигуральному, духовному, часто к экзистенциальному, онтологическому смыслу, который никак не может быть дан вне этого косвенного обозначения” [20; с.39]. Все вышесказанное соотносимо с концепцией А. Соломоника, считающего, что “символ кодирует предметы и явления, подвергающиеся обработке по правилам соответствующего кода. В то время как естественный знак представляет собой определенный предмет, образ отражает референт, а слово описывает, символ может быть приложен к любому предмету или группе предметов, чтобы закодировать их по правилам своей системы. Из всех названных знаков он наименьшим образом связан с изображаемым и обычно *ad hoc* используется для кодирования и получения соответствующего вывода...” [21: с.104-105]. Итак, в нашем понимании символ есть то, что всегда “*больше*” знака, он отличается неисчерпаемой многозначностью своего содержания [18: с.328], “это термин, имя или изображение, которые могут быть известны в повседневной жизни, но обладают специфическим добавочным значением к своему обычному смыслу. [...] ... слово или изображение символичны, если они подразумевают нечто *большее*, чем их очевидное и непосредственное значение” [26: с.25-26] (выделено нами — *И.З. et al.*). В символе устойчив образ, выполняющий семиотическую функцию означающего некоторого смысла, символ не имеет четких контуров, “могучее, находящееся в постоянном движении содержание все время как бы выплескивается за рамки формы” [3].

Кроме того, для нашего рассмотрения принципиально важным является то понимание символа, которое соотносит его с содержанием передаваемой культурной информации, поскольку прецедентные феномены — это единицы, отражающие категории культуры. В связи с этим нельзя не вспомнить точку зрения А.Ф. Лосева, отмечавшего, что “символ заключает в себе обобщенный принцип дальнейшего развертывания свернутого в нем смыслового содержания”, т.е. он может рассматриваться как специфический фактор социокультурного кодирования информации и, одновременно, служить механизмом передачи этой информации (цит. по [19; с.25]). Это отмечал и М.Ю. Лотман: “культура все-

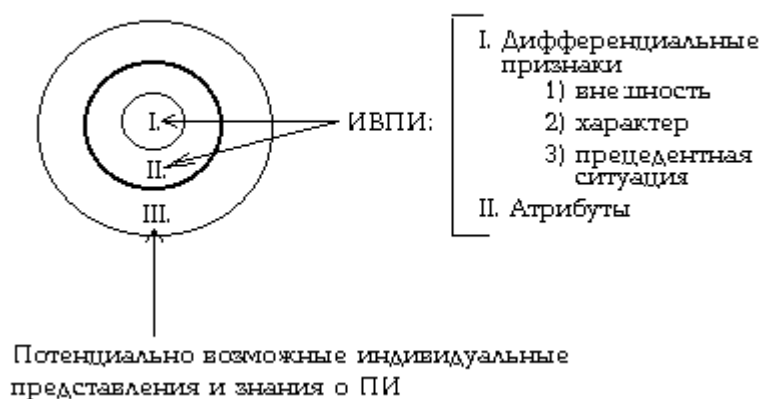
гда, с одной стороны, — определенное количество унаследованных текстов, а с другой — унаследованных символов” (цит по [19; с.25]).

Обратимся непосредственно к анализу вербальных прецедентных феноменов — прецедентного имени и прецедентного высказывания, — могущих функционировать как символы других (невербальных) прецедентных феноменов.

Повторим, что, говоря о ПИ, мы имеем в виду имя, связанное или с широко известным текстом, относящимся, как правило, к прецедентным, или с ситуацией, хорошо известной всем носителям данного языка и выступающей как прецедентная. Другими словами ПИ и хранящийся в когнитивной базе инвариант восприятия данного имени (ИВПИ) "порождается" прецедентным текстом (*Обломов, Дон Кихот*) или прецедентной ситуацией (*Сусанин, Колумб*). Именно наличие ИВПИ позволяет отличить прецедентное имя от непрецедентного. В качестве иллюстрации приведем пример из статьи "*Пушкин, который стихов не писал*" ("Аргументы и факты", 1996). В ней идет речь о том, как прибывший в областную больницу новый врач, которого звали Александр Пушкин, знакомился с коллегами, и в ответ на его приветствие один из врачей представился как Генрих Гейне, вызвав этим у новичка, решившего, что над ним подтрунивают, весьма неадекватную реакцию. В данном случае имена Пушкин и Гейне не являются прецедентными и служат для именованья конкретных людей, не имеющих отношения к поэтам Пушкину и Гейне. Показательно, что неадекватная реакция в представленной в статье ситуации была результатом восприятия имени Гейне как прецедентного.

Прецедентное имя обладает определенной структурой, ядро которой составляют дифференциальные признаки, а периферию — атрибуты [6] (см. сх. 1).

Схема 1. Структура ПИ.

Говоря о дифференциальных признаках как о неких характеристиках, отличающих данный предмет от ему подобных, мы прекрасно понимаем, что они представляют собой не просто набор или "пучок" характеристик, но сложную систему. (Ср. с мыслью Ю.Д. Апресяна: "Лексическое или грамматическое значение — это не простая совокупность признаков, а сложно организованная структура смыслов, у которой есть свой внутренний синтаксис" [2].) В связи с этим нам не представляется возможным на сегодняшний день определить и привести точный и полный "набор" элементов, составляющих дифференциальные признаки того или иного ПИ, однако мы можем выделить, по крайней мере, несколько групп характеристик, определяющих денотат прецедентного имени. Дифференциальные признаки ПИ могут включать характеристику предмета: (а) по чертам характера или (б) по внешности. Так, называя кого-либо *Наполеоном*, автор характеризует этого "некто" как человека с большими амбициями, а сравнивая кого-либо с *Колобком*, прежде всего имеет в виду внешнее сходство человека со сказочным персонажем: маленький и круглый. Кроме того, дифференциальные признаки могут актуализироваться (в) через прецедентную ситуацию. В качестве иллюстрации приведем примеры из российской прессы:

(1) "*Эдакие Тарасы Бульбы в юбках*" — название статьи о матерях-убийцах. Обращение к ПИ в данном случае связано с указанием на

определенную ПС, а именно на ситуацию убийства отцом своего сына из повести Н.В. Гоголя "Тарас Бульба".

(2) "*Шеллинг — Христофор Колумб XIX века: он открыл человеку неизвестную часть его мира*" — цитата из статьи о Шеллинге, в которой употребление ПИ "*Христофор Колумб*" в значении первооткрывателя в какой-либо области вызвано прецедентной ситуацией открытия Колумбом Америки.

(3) "*Шамиль Басаев угрожает Москве маленьким Чернобылем*" — статья с таким названием была напечатана в "Независимой газете" в связи с очередным захватом заложников чеченскими боевиками. Прецедентное имя "*Чернобыль*" функционирует как обозначающее прецедентной ситуации страшного опустошения и смертельной опасности, катастрофы с ужасными последствиями.

Атрибутами мы называем то, что тесно связано с означаемым ПИ, но не является необходимым для его сигнификации (кепка Ленина, медный таз Дон Кихота, маленький рост Наполеона). В качестве атрибутов могут выступать детали одежды или внешности, которые принадлежат денотату и по которым можно "идентифицировать", "узнать" денотат. Подобную "идентификацию" мы называем номинацией по атрибуту ("именованием" предмета через его атрибут), посредством которой в коммуникации осуществляется апелляция к прецедентному имени. На этом приеме основаны многие анекдоты, карикатуры, он широко используется в кинематографии. Например, в "Московском комсомольце" от 29.11.1995г. была представлена карикатура на президента Белоруссии А. Лукашенко (позволившего себе высказаться в прессе о позитивной деятельности Гитлера) с подписью: "*Сначала с усами и челкой разберусь, потом — со страной*", на которой угадывались черты внешности белорусского президента и челка и усы Гитлера, собственно и позволяющие "опознать" денотат — ПИ "*Гитлер*", на чем, вероятно, и строился комический эффект данной карикатуры. В качестве иллюстрации сказанного можно также вспомнить фильм Т. Абуладзе "Покаяние", главный герой которого "составлен" из атрибутов различных прецедентных имен: усы Гитлера, очки Берии, френч Сталина, — а также литературные и современные фольклорные произведения с использованием атрибутов того или иного ПИ:

(4) *То он в бронзе, а то он в мраморе,
То он с трубкой, а то без трубки...
Вот сапог громыхает маршево,
Вот обломанный ус топорицится!*

(из стихотворения А. Галича “Ночной дозор”, посвященного памятнику Сталину);

(5) *А из нашего окна площадь Красная видна,
Я в оптический прицел даже брови разглядел.*

(пример взят из городского фольклора; посредством атрибута “брови” осуществляется апелляция к прецедентному⁵ имени — Л.И. Брежнев).

Рассмотрев в общем виде структуру прецедентного имени, хотим обратиться к его функциональному аспекту. Анализ употребления ПИ в речевом общении показал, что именно структурное устройство прецедентного имени определяет особенности его функционирования в речи. Что имеется в виду? Исследуя ПИ, нам удалось выделить некоторые аспекты его использования в коммуникации. Прежде всего, прецедентное имя, как любое другое индивидуальное имя, способно именовать предмет, указывая на денотат. В этом случае для коммуникации не релевантна актуализация дифференциальных признаков прецедентного имени, они просто игнорируются, но связь ПИ с прецедентным текстом может сохраняться, указывая только на принадлежность данного имени определенному ПТ:

(6) *Илья Муромец — герой русских былин, русский богатырь.*

(7) *Софья Ковалевская — это женщина-математик.*

(8) *Шекспир — автор “Гамлета”.*

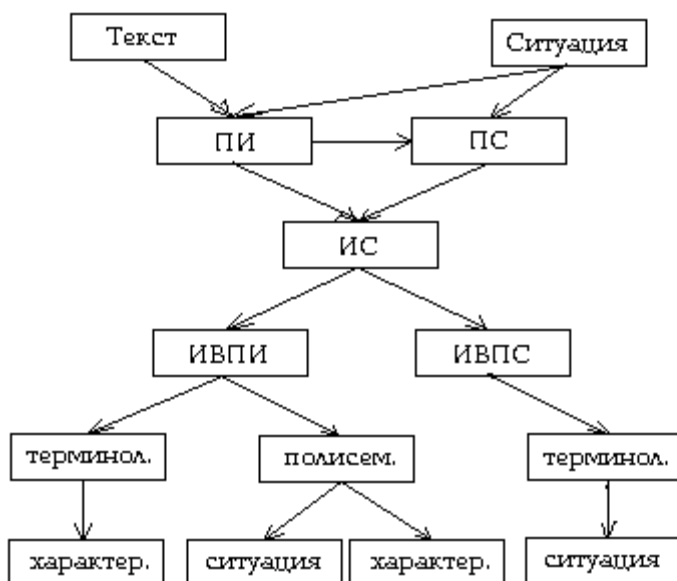
Однако отличительной особенностью функционирования ПИ является его способность употребляться в качестве символа. В этом случае при использовании ПИ происходит обращение к дифференциальным признакам этого имени, составляющим ядро инварианта восприятия ПИ, при таком функционировании ПИ не требуются какие-либо комментарии или расшифровка как самого имени, так и ситуации, в которой оно употребляется, “знак отделяется от своего референта” [4], сам символ (ПИ) оказывается “самодостаточным”, чтобы выразить нечто большее, чем очевидное и непосредственное значение знака. (Ср.: “Целостная ситуация употребления символа содержит не две, а четыре части: объективное, наблюдаемое средство и его референт в реальной действительности, а также субъективное, психологическое средство и его ментальный референт” [4: с.93] (выделено нами — И.З. et al.).)

Как уже было замечено выше, дифференциальные признаки ПИ могут включать характеристику предмета по чертам характера, внешности, а также актуализироваться через прецедентную ситуацию. остано-

⁵ По крайней мере в момент создания данного текста.

вмися подробнее на возникновении имени-символа (ИС) и его функционировании в речи (см. сх. 2⁶) (подробнее см. [15]).

Схема 2. Возникновение и функционирование ИС.

Комментарий к схеме.

I. То или иное прецедентное имя, онтологически “восходящее” к какому-либо прецедентному тексту, может становиться именем-символом следующими путями:

- (1) Текст → ПИ → ИС → ИВПИ → (а) терминологическое имя;
- (б) полисемичное имя.

При употреблении в речи такое прецедентное имя выступает для обозначения определенной характеристики или внешности, т.е. имеет “терминологическое” значение и является символом некоей характери-

⁶ Используемые в схеме аббревиатуры и сокращения: ПИ — прецедентное имя; ПС — прецедентная ситуация; ИС — имя-символ; ИВПИ — инвариант восприятия прецедентного имени; ИВПС — инвариант восприятия прецедентной ситуации; терминол. — “терминологическое” имя; полисем. — “полисемичное” имя; характер. — характеристика.

стики, некоего характера. Скажем, когда говорящий по-русски называет кого-либо *Обломовым*, и он сам и реципиент понимают, что этот некто был охарактеризован как лентяй (происходит актуализация ограниченного набора дифференциальных признаков, а возможно, и только одного дифференциального признака — лень). Кроме того, прецедентное имя, “пришедшее” из прецедентного текста, может быть “полисемичным”, т. е. обладать не одним дифференциальным признаком (как в предыдущем примере), а комплексом дифференциальных признаков, включающим как характеристику, так и ситуацию. В данном случае ПИ может быть не только символом характера, но и определенной ситуации. Так, в определенных контекстах ПИ *Тарас Бульба* актуализирует прецедентную ситуацию убийства собственного сына (см. пример (1)), но может и использоваться для обозначения патриота, вольного казака, защищавшего свою родину. Приведем еще примеры выше описанного употребления ПИ из прессы:

(9) *Остатки молодеют* (заголовок статьи в “Аргументах и фактах” о мошенничестве подростков).

(10) *Поколение Митрофанушек* (заголовок статьи о результатах социологического опроса среди молодежи, свидетельствующих о нежелании подростков получать образование. В данном случае ПИ *Митрофанушка* служит символом для обозначения малограмотных, необразованных, не желающих учиться и узнавать новое людей).

(11) В статье об известной актрисе Джулии Робертс, о ее непостоянстве по отношению к мужчинам встречается фраза: “*Возможно, Джулия — яркий пример женщины-Дон-Жуана?*”, которая понятна читателю без дополнительных разъяснений, поскольку ПИ *Дон-Жуан* — символ искусного соблазнителя, с легкостью оставляющего свои прежние привязанности.

(2) Текст → ПИ → ПС → ИС → ИВПС → терминологичное имя.

Несколько иной путь возможен в том случае, если при обращении к ПИ, связанному с неким прецедентным текстом (ПТ), автор апеллирует не к определенному характеру, а к прецедентной ситуации (ПС), соответственно, и само имя-символ связано с хранящимся в когнитивной базе инвариантом восприятия ПС. Примером таких имен являются *Ромео* и *Джюльетта*, *Отелло* и *Дездемона*, *Иуда* и др. Прецедентное имя *Иуда*, вероятно, относится к числу универсально-прецедентных феноменов, т.е. известно любому среднему современному *homo sapiens* [15] вне зависимости от принадлежности к тому или иному лингво-культурному сообществу и является символом прецедентной ситуации предательства.

Продемонстрируем это примером из американского фильма “Храброе сердце”, в котором речь идет о предлагаемой главному герою фильма сделке с королем Шотландии, на что он отвечает: “Король предлагает мне титул, богатство и землю... Чтоб я стал *Иудой*?”

II. Однако можно заметить, что прецедентное имя может быть связано не с прецедентным текстом, а с ситуацией, широко известной всем носителям языка и выступающей как прецедентная.

(3) Ситуация → (ПИ) → ПС → ИС → ИВПС.

Примером такого прецедентного имени *служит Иван Сусанин*. ПИ в этом случае превращается в имя-символ (ИС), обращение к которому (в зависимости от контекста) может быть связано как с характеристикой некоторой личности, обладающей минимальным набором дифференциальных признаков, специфичных для инварианта восприятия прецедентного имени, так и с указанием на определенную ситуацию: если продолжить анализ примера с *Иваном Сусаниным* — речь идет о ситуации, когда проводник, вольно или невольно, ведет кого-либо неверным путем (см. также примеры (2) и (3) в настоящей статье).

(4) Ситуация → ПИ → (ПС) → ИС → ИВПИ → полисемичное имя.

При функционировании имени-символа (ИС), не связанного с каким-либо конкретным прецедентным текстом, может иметь место обращение не к инварианту восприятия прецедентной ситуации (ИВПС), т.к. какой-либо одной прецедентной ситуации, связанной с этим именем не существует, а к инварианту восприятия прецедентного имени (ИВПИ), обладающему некоторым минимальным набором дифференциальных признаков. Примерами таких имен являются *Петр I, Наполеон, Суворов*. Так, скажем, в инвариант восприятия прецедентного имени *Суворов* входит то, что он великий полководец, человек, ведущий себя свободно по отношению к властям (последнее, кстати, было отражено в небезызвестной рекламе банка “Империал” — ерничество по отношению к Екатерине II). В другом употреблении данное имя может выступать как символ талантливого военного.

Рассмотрим второй вербальный прецедентный феномен — прецедентное высказывание.

Повторим, что прецедентное высказывание является феноменом собственно-лингвистической природы; неоднократно воспроизводится в речи носителей русского языка и, не будучи отдельной единицей языка (поскольку строится по законам собственно языковых единиц: текста и высказывания), функционирует как единица дискурса. За прецедентным высказыванием всегда стоит прецедентный феномен — прецедентный

текст и/или прецедентная ситуация, играющие важную роль в формировании смысла высказывания. (Ср. с мыслью А.Е. Супруна: "То или иное использование готового текста [в рамках нашей концепции - прецедентного высказывания — *И.З. et al.*] не только воспроизводит точную и привычную формулировку, напоминает уже имеющийся образ, но и устанавливает определенное соотношение производимого текста с предшествующими, т.е. включает его в вертикальный контекст текстового универсума..." [22]. Как любой вербальный феномен, ПВ может рассматриваться в системном и функциональном аспектах. Говоря о системном аспекте, мы имеем в виду структуру высказывания и выделяем в плане содержания:

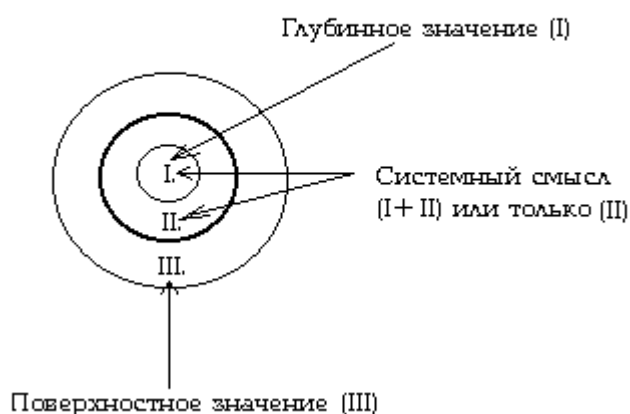
1) поверхностное значение, которое равно сумме значений компонентов высказывания;

2) глубинное значение, которое не равно простой сумме значений компонентов высказывания, но представляет собой семантический результат сочетания компонентов ПВ, формирующих его лексико-грамматическую структуру⁷;

3) системный смысл, представляющий собой "сумму" глубинного значения (при наличии такового) высказывания и знания прецедентного феномена (прецедентного текста, прецедентной ситуации) и связанных с ним коннотаций. При этом смысл может присутствовать в системе: (а) имплицитно и проявляться лишь в функционировании в виде коннотаций и (б) эксплицитно, т.е. оказывать важнейшее и первоочередное значение в формировании функционального смысла высказывания [9; 10] (см. сх. 3).

⁷ Об уровнях значений ПВ см. также [14; 15].

Схема 3. "Структура" ПВ.

Разграничение поверхностного и глубинного значений в рамках нашей концепции имеет некоторые аналогии в лингвистической литературе; так, глубинное значение соотносимо с понятием “коллокация (collocation)”: когда значение более сложной единицы (в нашем случае — высказывания) не равно простой сумме значений компонентов, но является семантическим результатом сложения значений. Иначе говоря, соединение “атомов” (конкретных компонентов) приводит к образованию некой “молекулы” (нового значения всей единицы).

“Структурное” устройство precedentного высказывания проявляется себя в функционировании данных единиц. Говоря о функциональном аспекте, мы оперируем понятием *“функциональный смысл precedentного высказывания”*, имея в виду *что, зачем и почему* хочет сказать автор высказывания. Именно функциональный смысл, который необходимо “складывается” из системных значений, имеет первоочередное значение для удачного протекания акта коммуникации (об этом говорили и писали многие ученые, сошлемся в данном случае на Л.С. Выготского, который говорил, что мы “восходим” от понимания слов и их значения к смыслу и мотиву высказывания [5]).

Поскольку precedentные высказывания отличаются много- и разнообразием семантики и формы, данные уровни значений имеются не у всех ПВ. На основании того, все ли уровни можно выявить у конкретного precedentного высказывания и если нет, то какие имеют-

ся/отсутствуют, выделяются несколько групп прецедентных высказываний.

1. Группа прецедентных высказываний, имеющих только поверхностное значение. В высказываниях такого типа системный смысл присутствует имплицитно, т.е. функциональный смысл высказывания можно понять и без знания прецедентного феномена, стоящего за прецедентным высказыванием и максимум что “грозит” в общении при незнании прецедентного текста и/или прецедентной ситуации, означающим которых выступает ПВ, — не будет оценена красота речи автора, коннотации, “прочитываемые” путем соположения/противопоставления реальной и прецедентной ситуаций).

(12) *Нет повести печальнее на свете* (заголовок статьи о столичном бюджете и о попытках хоть как-то уменьшить бюджетный дефицит).

(13) *Здесь птицы не поют* (статья о проблемах заповедника “Аскания-Нова”).

(14) *Кондуктор, нажми на тормоза* (статья о случившейся на железнодорожном переезде аварии, в результате которой были пострадавшие).

(15) *“Я прихожу в Думу, к Зюганову, вот, к Жириновскому, к Лебедю и говорю: “Ребята! Давайте жить дружно!” Это моя программа”* (цитата из предвыборного выступления Брынцалова).

2. Группа прецедентных высказываний, обладающая двумя уровнями — поверхностным и глубинным значениями.

2.1. Среди такого типа высказываний выделяется подгруппа, которую в основном составляют автономные прецедентные высказывания⁸. При употреблении ПВ этой подгруппы соположение реальной ситуации общения или сообщения (т.е. реальной ситуации, в которой происходит общение или о которой сообщается) с прецедентной ситуацией оказывается не обязательным в том смысле, что функциональный смысл ПВ при понимании глубинного значения высказывания понятен реципиенту и без описанной выше операции. Иначе говоря, в высказываниях такого типа системный смысл также присутствует имплицитно и при использо-

⁸ В предыдущих статьях [7; 9] мы писали о том, что ПВ можно классифицировать по принципу связанности/несвязанности с породившем их текстом. К первой группе относятся ПВ, тесно связанные с прецедентным текстом (*Белеет парус одинокий*), ко второй — прецедентные высказывания: а) потерявшие связь с текстом-источником и перешедшие/переходящие в разряд автономных ПВ (*Счастливые часов не наблюдают*); б) никогда не имевшие и не имеющие сейчас связи с породившим их текстом (*Нельзя объять необъятное*).

вании подобных прецедентных высказываний в коммуникации также, как и при употреблении ПВ первой группы, существует опасность непонимания реципиентом коннотаций, связанных с прецедентным феноменом, который стоит за ПВ, при незнании этого прецедентного феномена.

(16) *А был ли мальчик?* — высказывание, употребляемое для выражения сомнения в существовании чего-/кого-либо вообще (глубинное значение), а не только некоего мальчика (поверхностное значение).

(17) *Народ безмолвствует* — указание на ситуацию, когда все молчат. Но это поверхностное значение оказывается “прозрачным”, за ним стоит другое (глубинное) значение (выражение покорности кого-/чего-либо кому-/чему-либо), которое играет главную роль в формировании функционального смысла высказывания.

Следует заметить, что прецедентные высказывания первой группы и подгруппы 2.1., как правило, функционируют не как символы какого-либо прецедентного феномена (ПТ, ПС), т.к. смысл данного ПВ оказывается не “больше” его значения (напомним, что, исходя из нашего понимания, символ как означающее некоторого смысла должен быть “больше” знака как означающего некоторого значения). Однако прецедентные высказывания подгруппы 2.1. могут приобретать дополнительный “символический” смысл: так, возвращаясь к примеру (17), можно сказать, что “символический” смысл заключается в выражении взаимоотношения власти и народа при включении данного ПВ в контекст литературы XIX века, т.е. обращаясь к прецедентной ситуации в тексте А.С. Пушкина “Борис Годунов”. Актуализация этого смысла в речевом общении, видимо, зависит от степени восприятия прецедентного высказывания реципиентом.

2.2. Вторая подгруппа включает прецедентные высказывания, полное понимание функционального смысла которых возможно именно при соположении реальной ситуации, в которой используется ПВ, с прецедентной ситуацией или прецедентным текстом, содержащим такую, т.е. при актуализации системного смысла высказывания. Само прецедентное высказывание при таком функционировании является символом прецедентного феномена.

(18) *“Куда бедному крестьянину податься, если хочется послушать что-то очень душевное, негромкое, успокаивающее...”* (отрывок из статьи о творчестве бардов). Реальная ситуация соотносится с прецедентной ситуацией (из фильма “Чапаев”), означающим которой и является приведенное ПВ; все это позволяет понять уместность данного

высказывания в ситуации общения и в то же время оценить его “экспрессивность”.

(19) *Администрация президента закрыта. Все ушли на...* (заголовок статьи о реорганизации администрации президента, проводимой ее новым руководителем, в результате чего работа в учреждении почти парализована). В данном случае мы сталкиваемся с тем, что можно назвать “языковым хулиганством”, и важно не приведенное выше высказывание само по себе, как таковое, а в сопоставлении с “каноническим” ПВ, и именно в этом сопоставлении подчеркивается перевертывание “верха” и “низа”; используемый же здесь один из типов “обманутого ожидания”: прием усечения высказывания [7] позволяет создать принципиальную двусмысленность, предлагая два варианта интерпретации — “высокий” (который предполагается при соотнесении реальной ситуации с прецедентной через “каноническое” ПВ) и “низкий” (на который указывает контекст).

(20) *Почем рейтинги для народа?* (статья о рейтингах политических партий и о подтасовках при их проведении). Думается, что содержание статьи в данном случае может быть понятно и без ее прочтения, поскольку “каноническое” ПВ “Почем опиум для народа?” выступает как маркер прецедентной ситуации какого-либо обмана и замена слова “опиум” на “рейтинг” предполагает “прочтение” смысла данного высказывания как “рейтинг есть опиум”, т.е. обман.

Исследуя проблему функционирования прецедентных высказываний как символов прецедентных феноменов, невозможно не учитывать рассмотрения данных единиц с точки зрения психолингвистики с тем, чтобы выявить механизм порождения и восприятия ПВ. Таким образом, говоря о прецедентных высказываниях, мы должны рассматривать не только системный и функциональный аспекты данного феномена, но и *когнитивный* аспект. За прецедентными высказываниями (как и за другими ПФ) всегда стоит комплекс когнитивных структур, лингвистических и феноменологических⁹. При функционировании прецедентных

⁹ Под *когнитивной структурой (КС)* мы понимаем некую “содержательную” (т.е. имеющую определенное содержание-значение) форму кодирования и хранения информации [13; 14; 15].

К *лингвистическим когнитивным структурам (ЛКС)* мы относим те КС, которые лежат в основе языковой и речевой компетенции и формируют совокупность знаний и представлений о законах языка, о его синтаксическом строении, лексическом запасе, фонетико-фонологическом строе, о законах функционирования его единиц и построения речи на данном языке. *Феноменологические когнитивные структуры (ФКС)* — формируют совокупность знаний и представлений о феноменах экстралингвистической и соб-

высказываний в речи актуальными могут оказаться как лингвистические, так и феноменологические когнитивные структуры, либо активируются только лингвистические КС. Применительно к прецедентным высказываниям можно предположить, что на уровне поверхностного и глубинного значений “работают” лингвистические когнитивные структуры, лежащие в основе нашей языковой и речевой компетенции (см. примеры (12)-(16) и — с некоторыми оговорками — (17)), для системного смысла высказывания оказываются релевантными феноменологические когнитивные структуры, формирующие нашу, в том числе, культурную компетенцию (см. примеры (18)-(20)).

Если вернуться к рассмотрению примеров (18)-(20) с точки зрения порождения ПВ в речи, то можно отметить, что в данном случае действует модель порождения ПВ по законам семантико-когнитивной ассоциации [13; 15; 7], т.е. задействуются феноменологические когнитивные структуры, представляющие собой форму кодирования и хранения информации о феноменах экстралингвистической и собственно-лингвистической природы. Именно по этой причине при функционировании ПВ релевантным оказывается системный смысл данного феномена, поскольку для семантико-когнитивной ассоциации необходимо соотнесение реальной ситуации общения или сообщения (т.е. реальной ситуации, в которой происходит общение или о которой сообщается) с прецедентным феноменом: прецедентной ситуацией, прецедентным текстом, содержащим прецедентную ситуацию, или с самим прецедентным высказыванием, за которым стоит прецедентная ситуация, в структурированном виде представленная в когнитивной структуре (КС). ПВ в данном случае выступает как означающее КС и является символом прецедентной ситуации.

Таким образом, при исследовании проблемы символа по отношению к прецедентным феноменам, на наш взгляд, символ ПФ следует рассматривать с точки зрения разных аспектов, соединяя в нем, по крайней мере три стороны:

(а) семантический аспект: символ есть означающее некоторого смысла, он всегда “больше” знака, отличается неисчерпаемой многозначностью своего содержания;

(б) когнитивный аспект, что диктуется самой природой прецедентных феноменов, а именно, “хранением” в когнитивной базе в виде

ственно лингвистической природы, т.е. об исторических событиях, реальных личностях, законах природы, произведениях искусства, в том числе и литературных и т.д. [13; 14; 15].

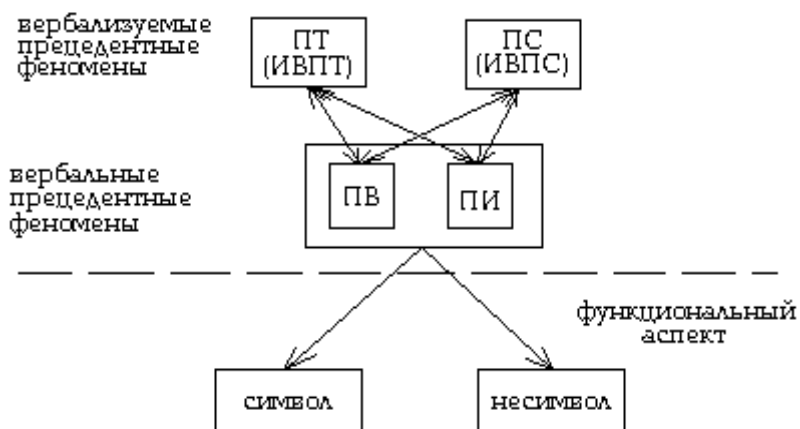
когнитивных структур инварианта восприятия прецедентного имени и системного смысла прецедентного высказывания, которые не эксплицируются в коммуникации. Символ соотносится с определенными феноменологическими когнитивными структурами, являясь их вербальным отражением, “потенциальное значение, заключенное в символах... конвертируется в дифференциальное когнитивное содержание” [23; с.341];

(в) функциональный аспект, имея в виду, что прецедентное высказывание и прецедентное имя становятся символами именно при использовании их в коммуникации. Смысл символа как означающего некоего смысла, порожденного экстралингвистическими факторами, актуализируется именно в коммуникации (что позволяет нам причислить символ прецедентного феномена к единицам дискурса) и именно актуализация некоторого смысла в коммуникации позволяет считать данную единицу символом.

В заключение представим схему, отражающую лингвокогнитивную природу прецедентных феноменов (см. сх. 4).

Итак, наше исследование привело нас к выводу, что не всякое прецедентное имя и не любое прецедентное высказывание может быть символом другого прецедентного феномена. В заключение лишь добавим, что если вербальный ПФ функционирует как символ, происходит усиление семантико-когнитивного фона и употребление данного ПФ является “сокращенным” приемом, “простейшим” способом указать на аналогию ситуаций (реальной и прецедентной) и эксплицировать оценку первой. Если прецедентное имя или прецедентное высказывание функционируют не как символы ПФ, их употребление похоже на орнаментальное украшение речи и является эмоциональной, дополнительной аргументацией в пользу занимаемой позиции автора.

Схема 4. Соотношение прецедентных феноменов с точки зрения их функционирования.

Л и т е р а т у р а

- [1] Аветян Э.Г. Смысл и значение. Ереван, 1979.
- [2] Апресян Ю.Д. О языке толкований и семантических примитивах // Избр. труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М. 1995.
- [3] Барт Р. Избр. работы. Семиотика. Поэтика. М. 1994.
- [4] Бейтс Е. Интенции, конвенции и символы // Психолингвистика. М., 1984. С. 50-102.
- [5] Выготский Л.С. Мышление и речь. Собр. соч. в 6-ти тт. М., 1982. Т. 2.
- [6] Гудков Д.Б. Структура и функционирование двусторонних имен (к вопросу о взаимодействии языка и культуры) // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1994. № 6.
- [7] Гудков Д.Б., Красных В.В., Захаренко И.В., Багаева Д.В. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний. В печати.
- [8] Гудков Д.Б., Красных В.В., Багаева Д.В., Захаренко И.В. Прецедентные тексты и проблема восприятия русского текста в иноязычной аудитории. В печати.
- [9] Захаренко И.В. Прецедентные высказывания и их функционирование в тексте // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М., 1997. С. 92-99.
- [10] Захаренко И.В., Красных В.В. Лингво-когнитивные аспекты функционирования прецедентных высказываний // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М., 1997. С. 100-115.
- [11] Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
- [12] Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Как тексты становятся прецедентными // Русский язык за рубежом. 1994, №1.

- [13] *Красных В.В.* Коммуникация в свете лингво-когнитивного подхода // Функциональные исследования. Сборник статей по лингвистике. М., 1997. Вып. 3. С. 67-83.
- [14] *Красных В.В.* Некоторые аспекты психолингвистики текста // Лингвостилистические и лингводидактические проблемы коммуникации. М., 1996. С. 25-44.
- [15] *Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Багаева Д.В.* Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации. В печати.
- [16] *Леонтьев А.А.* Смысл как психологическое понятие // Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком. М., 1969. С. 56-66.
- [17] *Лосев А.Ф.* Знак. Символ. Миф. М. 1982.
- [18] *Пиаже Ж.* Генетический аспект языка и мышления. // Психолингвистика. М., 1984. С. 325-335.
- [19] *Прохоров Ю.Е.* Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 1996.
- [20] *Рикер П.* Конфликт интерпретаций (Очерки о герменевтике). М. 1995.
- [21] *Соломоник А.* Семиотика и лингвистика. М. 1995.
- [22] *Сутрун А.Е.* Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. 1995, № 6. С. 17-29.
- [23] *Титоне Р.* Некоторые эпистемологические проблемы психолингвистики // Психолингвистика. М., 1984. С. 336-352.
- [24] *Уфимцева А.А.* Типы словесных знаков. М. 1974.
- [25] *Уфимцева Н.В.* Русские глазами русских // Язык — система. Язык — текст. Язык — способность. М., 1995.
- [26] *Юнг К.Г.* Архетип и символ. М. 1991.

К вопросу о каноне и эталоне в сфере прецедентных феноменов

© *И.В. Захаренко, 1997*

I

Проблема взаимодействия языка и культуры многоаспектна, сложна и наиболее активно обсуждается в последнее время в современной филологической науке, что связывается, в частности, с возрастанием интереса к “языковой личности” [9]. В основе теории “лингвистической относительности” Сепира-Уорфа лежит убеждение в том, что люди видят мир по-разному — сквозь призму своего родного языка, т.е. восприятие окружающего мира детерминируется прежде всего языковыми нормами национального сообщества, к которому данный человек принадлежит. Особенно ярко данная проблема проявляется при изучении иностранных языков, поскольку частью процесса обучения языку является не только овладение языковой и речевой компетенцией, но и культурной компетенцией как составляющей коммуникативной компетенции. Повышение интереса к языкам и культуре других народов ставит проблему изучения и описания коммуникативного поведения, отражающего те факторы в употреблении языковых единиц, которые включают в себя коннотации, ассоциации и представления, связанные с национальным культурным сознанием. Результатом такого подхода является расширение рамок собственно лингвистических исследований, т.к. в данном случае невозможно обойтись без использования знаний таких научных дисциплин, как психология, когнитология, социология, этнография. Как справедливо отмечал Э. Сепир, “язык не существует [...] вне культуры, т.е. вне социально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни” [14; с.185]; “язык и шаблоны нашей мысли неразрывно между собой переплетены [...]. Внутреннее содержание всех языков одно и то же — интуитивное знание опыта. Только внешняя их форма разнообразна до бесконечности” [14; с.193]. И именно эта внешняя форма, с одной стороны — бесконечно разнообразна в различных культурах, а с другой — достаточно стереотипна для каждой конкретной культуры, что создает существенную проблему при овладении новым языком [13; с.4]. Другими словами, для успешного протекания акта коммуникации оказывается необходимым знакомство с общим

фондом знаний и представлений всех носителей данного языка, национально-культурных стереотипов мышления и поведения, реализуемых в дискурсе как составляющей коммуникативного акта. Эта мысль признается сегодня многими исследователями. Так, в последнее время все больше ученых обращает внимание на стереотипы, пытается выделить их национальные особенности (см., напр., работы Ю.А. Сорокина [15]; Ю.Е. Прохорова [13]; Н.В. Уфимцевой [19]; В.Н. Телия [17] и др.), кроме того, при исследовании стереотипного ядра знаний говорящих на данном языке используются термины “эталон”, “символ”, “инвариант” [17; 13]. В рамках настоящей статьи у нас нет возможности останавливаться на всех аспектах указанного комплекса проблем, мы сосредоточим внимание лишь на некоторых теоретических вопросах, которые связаны с соотношением таких понятий, как стереотип, канон, эталон (в сфере прецедентных феноменов, обуславливающих, на наш взгляд, национальную специфику протекания коммуникации на данном языке), и при игнорировании которых может, как нам кажется, возникнуть некоторая путаница.

II

1. В каждой культуре поведение людей регулируется сложившимися представлениями о том, что человеку полагается делать в типичных ситуациях: как ведет себя пешеход, пассажир, врач, пациент, гость, хозяин, продавец, покупатель, официант, клиент и т.д. Следовательно, разница между представителями разных лингво-культурных сообществ проявляется в поведении, т.е. тех стереотипах, которые отличают одно сообщество от другого и находят отражение в речевом общении, поэтому, принимая термин Ю.Е. Прохорова [13], в настоящей статье мы говорим о стереотипах речевого общения, не останавливаясь на рассмотрении “стереотипа” в разных научных направлениях (напр., в работах социологов, этнографов, психологов). Мы полностью согласны с названным исследователем, определяющим стереотип речевого общения как “социокультурно маркированную единицу ментально-лингвального комплекса представителя определенной этнокультуры, реализуемую в речевом общении в виде нормативной локальной ассоциации к стандартной для данной культуры ситуации общения” [13; с. 101]. Это определение, на наш взгляд, отражает следующие специфические особенности стереотипа:

(1) стереотип речевого общения всегда национален, или национально маркирован, он “принадлежит” данному этносу, поскольку приобретается в процессе социализации личности или в процессе жизнеде-

тельности [13]; он есть “некоторый процесс и результат общения и конструирования поведения согласно определенным семиотическим моделям, список которых является закрытым в силу тех или иных семиотико-технологических принципов, принятых в некотором социуме” [15; с. 134];

(2) стереотип является устойчивым для данной культуры (или для определенного периода данной культуры¹) способом отражения действительности с точки зрения обыденного или “наивного сознания”, причем он не эксплицируется в коммуникации, “остается на уровне скрытых субъективных умонастроений, которые индивид и общество чаще всего от “чужих” намеренно скрывают” [13; с. 82] (что, собственно, и вызывает трудности при межкультурной коммуникации) и по сути своей реализации представляет собой “лингвистический фрейм” (цит. по [13; с.103]);

(3) наконец, стереотип связывается с такими понятиями, как стандарт и норма, причем стандарт является реализацией некоторой модели на социальном и социально-психологическом уровне, а норма является реализацией такой модели на языковом и психологическом уровнях, из чего следует, что реализация стереотипа прогнозируема участниками общения и является пресуппозицией этого общения.

Таким образом, обобщая все вышесказанное, следует заметить, что национальные социокультурные стереотипы проявляются (а) в стереотипе организации самого речевого общения в определенном лингвокультурном сообществе [13], т.е. на уровне “что принято/ не принято” в данном сообществе (включая, напр., этикетные характеристики универсальных актов общения, социально-ролевые особенности данного этноса); (б) в использовании стереотипных языковых единиц (конструкций, моделей) для стандартных ситуаций реализации речевого общения (напр., фразеологизмов, стереотипных сравнений с животными, этнических стереотипов) и соотносимы, на наш взгляд, с понятием “канона” в широком смысле как некоего твердо установленного, традиционного, общепринятого правила или предписания². Иначе говоря, стереотипы

¹ Имеется в виду, что при изменении культурных ориентиров, обычно связанном со сменой эпох, могли варьироваться обычные стереотипы и на основании этого возникать новые культурные нормы, поскольку “видоизменение категориального пространства культурных дискурсов неизбежно ведет к мутации менталитета” [17; с. 252] (ср. в связи с этим ставшую классической работу Д.С. Лихачева “Человек в литературе Древней Руси”, а также сегодняшние изменения, происходящие в России и влекущие за собой изменения в мировоззрении и мироощущении человека).

² См. “Современный словарь иностранных слов”. М., 1993. С. 258.

есть ни что иное как национально маркированные ментально-лингвальные единицы, которые предписывают нормы, правила, установления, “складывающиеся” в процессе социального, психологического и — как отражение этого — языкового опыта лингво-культурного сообщества и являющиеся *каноническими* для данного сообщества. Позволим себе предположить, что стереотипы речевого общения в своей совокупности, вероятно, представляют систему запретов и предписаний, на основании которой *оценивается* речевое поведение представителя определенной культуры.

2. Нам представляется, что особое место при рассмотрении проблемы стереотипа (канона) и эталона занимают прецедентные феномены. Напомним, что для определения понятия — *прецедентный феномен (ПФ)* — прекрасно подходит дефиниция Ю.Н. Караулова, которую он дал прецедентному тексту (на наш взгляд, Ю.Н. Караулов трактует термин “текст” слишком широко): под ПФ мы понимаем феномены, “(1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие (3), обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности” [9; с.216]. Это то общее, что объединяет все прецедентные феномены, которые могут быть как вербальными (тексты в самом широком смысле этого слова), так и невербальными (произведения живописи, скульптуры, архитектуры, музыкальные творения и т.д.) [12]. Видимо, такое широкое понимание прецедентности позволяет включать в разряд прецедентных феноменов все существующие в данном лингво-культурном сообществе стереотипы речевого общения, что в нашем представлении не совсем верно. В связи с этим мы разграничиваем прецедентные феномены в широком понимании и собственно прецедентные феномены (в узком понимании термина), относя к последним прецедентный текст, прецедентную ситуацию, прецедентное имя и прецедентное высказывание [12], а к первым — стереотипы. Такое разделение обусловлено, по крайней мере, двумя взаимосвязанными причинами. Во-первых, за собственно прецедентным феноменом (в дальнейшем — ПФ) “стоит” некоторый конкретный (единичный) феномен, на основе которого “складывается” представление/представления об этом феномене, а именно, *инвариант восприятия того или иного ПФ* [5; 12], общий для всех членов данного культурного сообщества, включающий национально детерминированный набор признаков в минимизирован-

ном, редуцированном виде [2]. Так, прецедентное имя может включать знания об историческом деятеле (Кутузов), конкретном, реальном лице (Сусанин), герое литературного произведения (Плюшкин); прецедентная ситуация — о конкретной реальной ситуации или о ситуации в литературном произведении; прецедентный текст — знания о конкретном тексте. Что касается стереотипов, то за ними “стоит” некий собирательный, обобщенный, абстрактный образ, что не позволяет соотносить их с каким-либо конкретным, единичным феноменом. Во-вторых, из вышесказанного следует, что прецедентные феномены принадлежат сразу двум структурированным “системам”: когнитивной базе³, хранящей инварианты представлений о данных прецедентных феноменах, и культурному пространству⁴, включающему в себя “все существующие и возможные знания и представления о феноменах культуры у членов национально-культурного сообщества” [3], в то время как стереотипы являются элементами только культурного пространства. В связи с этим выскажем предположение о том, что наличие у прецедентных феноменов инвариантов восприятия (в форме “свернутого” имплицитного представления, хранящегося в когнитивной структуре и передающегося из поколения в поколение) позволяет воспринимать их как *эталоны* в широком понимании этого термина — как образцы, с которыми *сравниваются* реальные явления, предметы и т.п.⁵ — и отличать от собственно стереотипов речевого общения, соотносимых с канонами, о чем мы говорили выше⁶. При этом “эталоны” сами задают модели обработки, оценки поступающей в лингво-культурное сообщество информации и ее сопоставления с уже имеющейся, что делает возможным “межпоколенную трансляцию” представлений, сохраняющих, в свою очередь, единство национальной культуры [1]. В силу ограниченности объема статьи рассмотрим при-

³ Когнитивная база представляет собой структурированную совокупность знаний и представлений всех говорящих на данном языке [12].

⁴ Культурное пространство выступает как форма существования культуры в сознании человека [3].

⁵ См. “Современный словарь иностранных слов”. М. 1993. С. 726.

⁶ Если следовать вышеизложенной точке зрения, то из четырех форм выражения стереотипов, выделенных Ю.Е. Прохоровым исходя из широкого, на наш взгляд, понимания прецедентности (а) отдельная лексическая единица как репрезентант ментальных стереотипов и как результат “стяжения” социокультурных сценариев специфической для данной культуры деятельности; (б) единицы фразеологической системы; (в) прецедентные текстовые реминисценции; (г) прецедентные национально-культурные прагмарефлексы [13; с.188] для нас автоматически исключаются (в) прецедентные текстовые реминисценции — в нашей интерпретации-прецедентные высказывания, относимые нами к собственно прецедентным феноменам.

мер только с прецедентным именем и не откажем себе в удовольствии привести достаточно длинную, но показательную цитату в рамках рассматриваемой проблемы из научной статьи Д.Б. Гудкова: “Для тех, у кого русский язык является родным, А.С. Пушкин — это эталон поэта (об этом свидетельствуют результаты ассоциативного эксперимента). Подобным представлением обладает любой член русского лингвокультурного сообщества, оно не зависит от личного отношения к Пушкину того или иного человека. [...] С этим связано еще одно явление. Пушкин символизирует и задает целую литературную систему, определенную художественную парадигму. Не случайно, что при попытке разрушить эту систему, изменить данную парадигму, Пушкин открывает ряд тех, кого предлагается “бросить с Парохода современности”. (Обратим внимание на то, что в данном случае, как и в текстах членов ОБЭРИУ [...] речь идет не о реальном Пушкине и его творчестве, а о представлении о прецедентном феномене, отражающемся в национально-культурном сознании и закрепленном в когнитивной базе русского лингвокультурного сообщества”[1; с.20].

3. Кратко остановимся на вопросе о каноне и эталоне в узком понимании, рассматривая в совокупности формальный, “содержательный” и когнитивный аспекты прецедентных феноменов. При такой постановке вопроса канон, как нам кажется, соотносится с формальной стороной ПФ, а эталон — с содержательной, обязательно учитывающей экстралингвистические факторы функционирования единицы⁷. В связи с этим нас интересуют *вербальные* прецедентные феномены, имеющие четко фиксированную форму, т.е. прецедентное имя и прецедентное высказы-

⁷ В.Н. Телия, исследуя национально-культурную специфику идиом, относит фразеологизмы к культурным стереотипам, утверждая, однако, что как знаки вторичной номинации они ассоциируются с культурно-национальными эталонами. Под эталоном при этом понимается “характерологически образная подмена свойства человека или предмета какой-либо реалией-персоной, натуральным объектом, вещью, которые становятся знаком доминирующего в них, с точки зрения обиходно-культурного опыта, свойства. Реалия, выступающая в функции эталона, становится таксоном культуры, поскольку она говорит не о мире, но об “окультуренном” мировидении“ [17; с.242]. На наш взгляд, эталон в приведенной концепции рассматривается как раз в узком понимании термина, а способность фразеологизмов функционировать в качестве “эталона”, как прецедентные феномены, видимо, можно попытаться объяснить, сославшись на точку зрения некоторых исследователей (в частности, А.Е. Супруна), считающего, что фразеологические выражения возникли из текстовых реминисценций, но затем соответствующие тексты были забыты, остались одни реминисценции, нередко — в усеченном виде [16; с.26]. Другими словами, можно предположить, что фразеологизмы на диахронном уровне имели прецедентную ситуацию. Эта проблема ждет своего исследования.

вание (см. подробнее [8; 11; 12]). Однако заметим, что специфика прецедентного имени (ПИ) как прецедентного именно и состоит в том, что при употреблении его в коммуникации осуществляется апелляция не собственно к денотату, а к набору дифференциальных признаков, входящих в инвариант восприятия данного прецедентного имени [2; 8; 12], в результате чего ПИ, как правило, функционирует как эталон некоего свойства или характеристики, что с некоторыми оговорками соотносимо с функционированием прецедентного имени как символа [8; 12] (на данной проблеме мы в настоящей статье не останавливаемся), следовательно, ограничимся рассмотрением только прецедентного высказывания.

3.1. Прецедентные высказывания (ПВ) подразделяются на две группы: (а) “канонические”(с точки зрения формы), т.е. высказывание выступает как строгая цитата, не подвергающаяся изменениям, и (б) трансформированные, т.е. ПВ узнается, но происходит изменение его формы [4; 6]. В качестве иллюстрации сказанного приведем пример из телевизионной программы “Клуб “Белый попугай”, где слушателям предлагалась трансформация извечного вопроса русской интеллигенции “Что делать?” от момента его возникновения до наших дней (цитируем по памяти): XIX в. — Что делать?; начало XX в. — Надо что-то делать! ; 30-е — 50-е годы XX в. — Что делается?! ; 70-е — 80-е годы — Ну что поделаешь... ; 90-е годы — Шо за дела!!!

3.2. Прецедентное высказывание может иметь поверхностное, глубинное значения и системный смысл⁸.

3.3. За прецедентными высказываниями (как и за другими ПФ) всегда стоит комплекс когнитивных структур, лингвистических и феноменологических⁹ Кроме этого, ПВ как психологические феномены соотносятся с клише сознания и штампом сознания¹⁰.

⁸ 1) поверхностное значение равно сумме значений компонентов высказывания;

2) глубинное значение не равно простой сумме значений компонентов высказывания, но представляет собой семантический результат сочетания компонентов ПВ, формирующих его лексико-грамматическую структуру;

3) системный смысл представляет собой “сумму” глубинного значения (при наличии такового) высказывания и знания прецедентного феномена (прецедентного текста, прецедентной ситуации) и связанных с ним коннотаций. При этом смысл может присутствовать в системе: (а) имплицитно и проявляться лишь в функционировании в виде коннотаций и (б) эксплицитно, т.е. оказывать важнейшее и первоочередное значение в формировании функционального смысла высказывания [6; 7].

⁹ Под *когнитивной структурой (КС)* мы понимаем некую “содержательную” (т.е. имеющую определенное содержание-значение) форму кодирования и хранения информации [10; 11; 12].

3.4. Таким образом, мы можем представить таблицу, отражающую соотношение “канонического” и “эталонного” употребления прецедентного высказывания (см. табл. 1).

Таблица 1. Предлагаемое соотношение “канонического” и “эталонного” употребления ПВ

	“Каноническое” употребление	“Эталонное” употребление
1.	актуализируется поверхностное значение	актуализируется системный смысл
2.	“порождается” фонетико-звуковой ассоциацией	“порождается” семантико-когнитивной ассоциацией
3.	штамп сознания	клише сознания
при- меры	а) Оставь одежду, всяк сюда входящий (баня как торжество демократии — ни чинов, ни званий, ни наград). б) Если звезды приезжают, значит, это кому-нибудь нужно (об агитконцерте российских “звезд” эстрады в поддержку Б.Н. Ельцина).	а) Не знаю, как в Италии с дураками, но вот дороги там отменные. б) Фестиваль имени классика, любившего краткость (о фестивале имени А.П. Чехова). в) Восток — дело дохлое (о

К лингвистическим когнитивным структурам (ЛКС) мы относим те КС, которые лежат в основе языковой и речевой компетенции и формируют совокупность знаний и представлений о законах языка, о его синтаксическом строении, лексическом запасе, фонетико-фонологическом строе, о законах функционирования его единиц и построения речи на данном языке. *Феноменологические когнитивные структуры (ФКС)* — формируют совокупность знаний и представлений о феноменах экстралингвистической и собственно лингвистической природы, т.е. об исторических событиях, реальных личностях, законах природы, произведениях искусства, в том числе и литературных и т.д. [10; 11; 12].

¹⁰ Критерием разграничения клише сознания и штампа сознания служит наличие/отсутствие информационной нагрузки; иными словами, за клише сознания стоит семантико-когнитивная ассоциация, за штампом сознания — фонетико-звуковая [10]. Таким образом, штамп сознания оказывается связанным с лингвистическими когнитивными структурами и, соответственно, с поверхностным значением высказывания. Клише сознания оказывается связанным с феноменологическими когнитивными структурами и, следовательно, с системным смыслом прецедентного высказывания.

	в) Есть или не есть, вот в чем вопрос (о ситуации в Грузии).	ситуации в республиках Средней Азии после распада СССР).
--	--	--

Итак, подведя итог сказанному, подчеркнем, что прецедентные феномены в широком смысле включают стереотипы речевого общения, соотносимые нами с каноном, и собственно прецедентные феномены (эталоны в широком понимании), что связано с разной природой исследуемых единиц. Автор понимает, что некоторые из высказанных теоретических положений могут показаться спорными, но надеется на подтверждение своих гипотез при дальнейшем исследовании.

Л и т е р а т у р а

- [1] *Гудков Д.Б.* Прецедентные имена и политический дискурс // Политический дискурс в России. Материалы рабочего совещания. М., 1997.
- [2] *Гудков Д.Б.* Структура и функционирование двусторонних имен (к вопросу о взаимодействии языка и культуры) // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1994. № 6.
- [3] *Гудков Д.Б., Красных В.В.* Русское культурное пространство и межкультурная коммуникация // Доклад на Ломоносовских чтениях, филологический факультет МГУ, 1996. В печати.
- [4] *Гудков Д.Б., Красных В.В., Захаренко И.В., Багаева Д.В.* Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний. В печати.
- [5] *Гудков Д.Б., Красных В.В., Багаева Д.В., Захаренко И.В.* Прецедентные тексты и проблема восприятия русского текста в иноязычной аудитории. В печати.
- [6] *Захаренко И.В.* Прецедентные высказывания и их функционирование в тексте // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М., 1997. С. 92-99.
- [7] *Захаренко И.В., Красных В.В.* Лингво-когнитивные аспекты функционирования прецедентных высказываний // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М., 1997. С. 100-115.
- [8] *Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В.* Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов. (см. наст. сборник).
- [9] *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987.
- [10] *Красных В.В.* Коммуникация в свете лингво-когнитивного подхода // Функциональные исследования. Сборник статей по лингвистике. М., 1997. Вып. 3. С. 67-83.
- [11] *Красных В.В.* Некоторые аспекты психолингвистики текста // Лингвостилистические и лингводидактические проблемы коммуникации. М., 1996. С. 25-44.
- [12] *Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Багаева Д.В.* Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации. В печати.
- [13] *Прохоров Ю.Е.* Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 1996.
- [14] *Сетир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.

- [15] *Сорокин Ю.А.* Стереотип, штамп, клише: к проблеме определения понятия // Общение: теоретические и прагматические аспекты. М., 1978.
- [16] *Супрун А.Е.* Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. 1995, № 6. С.17-29.
- [17] *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
- [18] *Уфимцева Н.В.* Русские глазами русских // Язык — система. Язык — текст. Язык — способность. М., 1995.
- [19] *Уфимцева Н.В.* Этнические ритмы и стереотипы культуры. // Язык, сознание, этнос, культура 94.

Алгоритм восприятия текста и межкультурная коммуникация

© кандидат филологических наук Д.Б. Гудков, 1997

I. Предварительные замечания

В заглавии настоящей статьи присутствуют два понятия, которые, с одной стороны, активно изучаются современной наукой, а с другой — могут быть признаны одними из наиболее непонятных и загадочных. За каждым из них стоит богатая традиция, огромное количество научных работ, отражающих совершенно различные, часто противоречащие друг другу подходы, которые приводят, соответственно, к прямо противоположным результатам. Каждый из данных терминов влечет за собой шлейф вопросов, на которые невозможно дать однозначные ответы, а также новых терминов, единого понимания которых, несмотря на все усилия, добиться не удастся: что такое текст? что должно включаться в понятие художественного текста? каковы границы художественности и критерии ее выделения? что такое культура? где проходит граница между универсальным, индивидуальным и национальным в той или иной культуре? является ли межкультурная коммуникация особым видом коммуникации? каковы основные закономерности коммуникации вообще и межкультурной коммуникации в частности? — вот лишь часть тех вопросов, с которыми сталкивается любой исследователь, затрагивающий проблемы, обозначенные в названии настоящей работы. Попытка дать непротиворечивые ответы на все указанные вопросы (а список их легко может быть продолжен) неизбежно приводит к риску “утонуть” в безграничном обилии разнообразных фактов и их интерпретаций.

В настоящий период развития научной мысли (в том числе и лингвистики), который условно может быть назван постструктуралистским, заметна тенденция к образованию новой парадигмы знания, в основе которой лежит отказ ученых от всеохватывающих общих теорий, глобальной системности, интерес не к линейной последовательности и непрерывности, но, напротив, пользуясь терминологией М. Фуко, к изучению точек разрыва причинно-следственных связей, прерывности, рассеянности событий. Объектом научного анализа при таком подходе становятся не некоторые общие закономерности (как в предшествующий

период), но исключения, которые не вписываются в единую систему, дискредитируют ее претензии на всеобщность¹.

Соглашаясь с тем, далеко не все факты могут быть вписаны в систему, что при попытке вывести некие общие законы существования таких объектов, как текст и коммуникация, мы неизбежно вынуждены прибегать к редукции, заметим, что для решения прикладных задач лингвистики и лингводидактики, связанных с выявлением и описанием художественных текстов определенного типа в русском лингвокультурном сообществе с целью их презентации иностранцам, изучающих русский язык, нам приходится исходить из некоторых единых законов и принимаемых общих понятий. Эти законы и понятия априорно постулируются нами на основании эмпирического опыта. Мы имеем в виду, что те или иные единичные факты позволяют выдвинуть гипотезу, осмысляемую теоретически, подвергаемую спекулятивной оценке и обработке, затем на основании уже этой гипотезы мы пытаемся обобщить и свести в некую систему все разнообразие разрозненных фактов; если при этом количество объектов за пределами данной системы (не вписывающихся в нее исключений) не является чрезмерным, а сама она не содержит внутренних логических противоречий, мы можем признать нашу теорию работающей, никак не претендуя на то, что только она является единственно верной. Затем необходимо спустится на следующий уровень анализа и проверить действие выдвинутых принципов на примере одного из центральных элементов ядра системы, ибо именно в центре действие данных принципов должно являться наиболее последовательным и эффективным, на периферии же их влияние ослабевает и возрастает число исключений.

Именно подобным образом мы постараемся построить наши рассуждения. Сформулировав вначале общие понятия² и определив ключевые посылки, обратимся к рассмотрению и интерпретации конкретного эмпирического материала.

Завершая вводную часть, заметим, что обращение к анализу художественного текста в межкультурной коммуникации в рамках прикладной русистики и лингводидактики является весьма актуальным, так как, помимо серьезного влияния на коммуникативное поведение членов русского лингвокультурного сообщества, художественный текст (преж-

¹ Ср. размышления на эту тему Б.М. Гаспарова и его подход к описанию языка в [1].

² Большинство из этих понятий выработано совместно участниками научного семинара “Текст и коммуникация”, к числу которых принадлежит и автор данной статьи.

де всего, прецедентный текст) играет важную роль при обучении иностранцев русскому языку, выступая и как средство обучения, и как критерий владения языком (умение читать, понимать и интерпретировать художественный текст является одним из показателей степени коммуникативной компетенции учащегося), и как цель изучения языка (практика показывает, что именно желание читать в оригинале тексты русской классической литературы является для многих иностранцев главным стимулом к изучению русского языка).

II. Исходные понятия и положения³

Мы называем **текстом** продукт речемыслительной деятельности вербально выраженный и знаково зафиксированный, обладающий, с точки зрения его автора, информативной и содержательной самодостаточностью, значение текста не равно простой сумме составляющих его единиц.

Когнитивная база (КБ) — совокупность знаний и представлений, общих практически для всех членов лингво-культурного сообщества. В КБ входят не личные знания и представления индивидов о тех или иных “культурных предметах”, но национально детерминированные инварианты восприятия последних. КБ, с одной стороны, оказывается результатом действия специфических для каждого языкового сообщества моделей восприятия и обработки информации, а с другой — сохраняет, стереотипизирует и задает эти модели, создает возможности для их межпоколенной трансляции, обуславливающий, в свою очередь, языковое и культурное единство членов данного сообщества.

Одними из основных структурообразующих элементов КБ являются национально детерминированные минимизированные представления о прецедентных феноменах, среди которых выделяются невербальные (произведения живописи, музыки, архитектуры и др.) и вербальные или вербализуемые (прецедентное высказывание, прецедентное имя, прецедентный текст, прецедентная ситуация).

Прецедентным текстом⁴ (ПТ) мы называем текст, который хорошо знаком любому среднему члену лингво-культурного сообщества,

³ Подробнее приводимые ниже термины и теоретические посылки рассматриваются, например, в [6], [7], [2].

⁴ Данный термин заимствован нами у Ю.Н. Караулова, но та дефиниция, которую дает ему названный ученый [5, с.216], приложима к тому, что мы называем прецедентным феноменом. Наше понимание прецедентного текста отличается от его понимания автором данного термина.

представление о котором регулярно актуализируется в речи членов этого сообщества и инвариант восприятия которого входит в КБ. К числу ПТ принадлежат произведения художественной литературы, рекламы, научные, политические, публицистические тексты.

Межкультурной коммуникацией (МКК) мы называем коммуникацию между представителями различных лингво-культурных сообществ.

Коммуникация возможна только в том случае, если коммуниканты владеют общим кодом. Однако общности знаков оказывается недостаточно для адекватной коммуникации, необходима общность значений ассоциаций и коннотаций этих знаков, детерминируемая внекодowymi знаниями коммуникантов. Мы полностью согласны с Е.Ф. Тарасовым, утверждающим, что именно “общность присвоенной культуры (...) определяет общность сознаний коммуникантов, которая (...) обеспечивает возможность знакового общения, когда коммуниканты, манипулируя в межсубъектном пространстве телами знаков, могут ассоциировать с ними одинаковые ментальные образы” [13, с.10]. Из этого положения следуют два вывода.

1) Полное понимание между коммуникантами оказывается невозможным в силу индивидуальности сознания каждого из них, неповторимости дальнейшего значения знака для каждой языковой личности⁵. Более того, абсолютное понимание, гипотетически возможное при полном совпадении когнитивных пространств коммуникантов, совершенно обесценивает какой-либо обмен информацией между ними, делает бессмысленным саму коммуникацию⁶. Однако в реальности когнитивные пространства двух индивидов никогда не совпадают полностью, но всегда существует зона пересечения этих пространств, которая обеспечивает общность пресуппозиции, являющейся необходимым условием любого общения.

2) С другой стороны, полное непонимание, вызванное отсутствием точек пересечения когнитивных пространств коммуникантов, оказывается также невозможным, так как в силу универсальности определенных сторон человеческого опыта подобные точки всегда будут существовать. Это позволяет различным исследователям выделять универсальные конспекты, универсальные семантические примитивы (А. Вежбицка), универсальные метафоры (Д. Лакофф, М. Джонсон). Выдвигаются раз-

⁵ А.А. Потебня: “(...) Ближайшее значение слова народно, между тем дальнейшее, у каждого различное по качеству и количеству элементов, — лично” [10, с.158].

⁶ Подробно эта проблема анализировалась Ю.М. Лотманом, см., напр., [8, с.13-15].

ные объяснения поразительным совпадениям определенных концептов в различных культурах: общность опыта, коллективное бессознательное, единое “довавилонское” состояние человечества с общим для всех онтологическим языком и др. Мы не будем на этом останавливаться. Для нас важно, что полюса (абсолютное понимание/полное непонимание) одинаково недостижимы, любой коммуникативный акт помещается в промежутке между ними, приближаясь к тому или другому из них.

Таким образом, успешность/неудача коммуникации оказывается достаточно условным критерием. Сознвая это, мы, тем не менее, хотим заметить, что, стоя на позициях абсолютного релятивизма, невозможно решать конкретные прикладные задачи, стоящие, в частности, перед лингводидактикой. В подавляющем большинстве случаев на основании нашего обыденного опыта мы достаточно однозначно оцениваем тот или иной коммуникативный акт как успешный/неудачный, что позволяет нам пользоваться этим критерием в своей практической деятельности и говорить о том, что целью обучения инофона русскому (в нашем случае) языку является формирование коммуникативной компетенции инофона, которая позволяет ему адекватно участвовать в коммуникации на русском языке.

Мы считаем, что необходимой составляющей коммуникативной компетенции является культурная компетенция. Овладение только языковым кодом в его узко структуралистском понимании (как номенклатуры знаков различных уровней и правил оперирования ими) оказывается недостаточно, необходимо овладеть также социокультурным кодом сообщества, на языке которого ведется коммуникация, теми знаниями и представлениями, которые хранятся в КБ данного лингво-культурного сообщества.

Если сопоставить конкретные КБ, то легко заметить, что состав компонентов каждой из них по сравнению с другими специфичен, единицы, присутствующие в одной КБ, отсутствуют в другой. Эта проблема достаточно подробно исследуется в теории перевода и этнопсихолингвистике. В последней различия между лингво-культурными общностями рассматриваются как лакуны, “свидетельствующие об избыточности или недостаточности опыта одной лингвокультурной общности относительно другой” [14, с.83]. “Элиминация лакун в тексте, адресованном инокультурному реципиенту, осуществляется двумя основными способами: заполнением и компенсацией; заполнение лакун представляет собой процесс раскрытия смысла некоторого понятия (слова, принадлежащего незнакомой реципиенту культуре); суть компенсации состоит в следую-

щем: для снятия национально-специфических барьеров в ситуации контакта двух культур, т.е. для облегчения понимания того или иного фрагмента чужой культуры в текст в той или иной форме вводится специфический фрагмент культуры реципиент” [15, с.10-11].

Однако продолжая сопоставления КБ различных линвокультурных сообществ, мы увидим, кроме различий в составе формирующих их единиц, много совпадений, вернее квази-совпадений. Одни и те же единицы могут присутствовать в разных КБ, но структура стоящих за ними национально-детерминированных минимизированных представлений, место в самой КБ, соответственно, оценка, закреплённая за этим феноменом в той или иной культуре, оказываются различными. Одно и то же означающее может связываться в различных культурах с разными означаемыми, порождать совершенно различные “пучки” ассоциаций, по-разному употребляться в речи. Рассмотрим несколько примеров.

(1) “Хиросима” для среднего русского — жестокая, бесчеловечная и бессмысленная, с военной точки зрения, акция; для среднего же американца — то, что позволило приблизить конец войны, избежать десанта на Японские острова и, тем самым, спасти жизни сотен тысяч жизней американцев и японцев.

(2) В русской культуре за романами Марка Твена о Томе Сойере однозначно закреплён статус произведений детской литературы; для американцев же “Приключения Тома Сойера...” — книга в первую очередь для взрослых (на чем, кстати, настаивал и сам автор), герои романа воспринимаются американцами как воплощение разных типов национального характера.

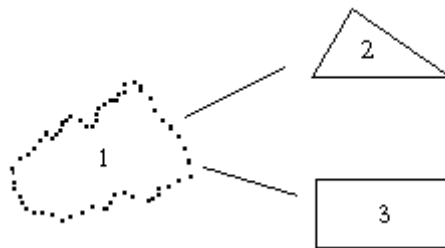
(3) К. Меннерт в своей книге о наиболее читаемых в России в 80-ых годах писателях рассуждает о невозможности адекватно перевести на английский и немецкий языки название повести В. Шукшина “Калина красная”, хотя в каждом из названных языков есть слово, обозначающее данное растение, которое хорошо известно и немцам и североамериканцам, но не включается ими в тот же ряд ассоциаций, обусловленных мифопоэтическими фольклорными представлениями, что и у русских [17, с.174-175].

Объяснить подобные квази-совпадения, оставаясь в рамках теории лакун, невозможно, а они, между тем являются одним из основных источников межкультурных конфликтов, т.к. коммуниканты, оперируя одними знаками, обращаются при этом к разным представлениям, различия в структуре которых не осознаются, несовпадения же проявляются прежде всего в противоположных оценках одного и того же феномена.

Одной из основных причин указанных различий, согласно нашей гипотезе, оказываются различия в алгоритме минимизации явлений действительности. Тот или иной феномен бытует в национальном культурном сознании не во всей своей полноте и диалектичности, а в редуцированном, упрощённом виде. Иными словами, из него вычленяется

только ограниченное число присущих ему признаков, остальные же отбрасываются как несущественные⁷. Существуют национально-детерминированные алгоритмы минимизации элементов “поля” культуры. У представителя иной лингво-культурной общности может существовать (и существует) другой алгоритм минимизации того же самого феномена, иные принципы выделения его признаков и деления их на существенные/несущественные. Это приводит к тому, что структура минимизированного представления одного и того же явления у представителей разных культурных общностей может оказаться различной.

Обратимся к следующей схеме:

- 1 — реальный феномен с полным набором присущих ему признаков.
- 2 — минимизированное представление об 1 в культуре N.
- 3 — минимизированное представление об 1 в культуре S.

Действие указанной схемы может быть наглядно проиллюстрировано очень простым примером. В таблице, представленной ниже, указывается, как в разных языках передаются “голоса” определенных животных. Любопытно, что, когда информантам предлагалось симитировать эти голоса, они (в силу собственных звукоподражательных способностей) практически одинаково передавали лай собаки, кваканье лягушки и т.д. Когда же после этого им предлагалось указать буквенное выражение данных звуков (разрешалось пользоваться как кириллицей, так и

⁷ Ср., А.Ф. Лосев:“(…) Пусть обозначаемый предмет действительно существует сам по себе, независимо от наших обозначений и даже вообще от нашего сознания или мышления. Все равно, назвав такой предмет и оперируя таким названием в общении с другими людьми, мы обязательно выбираем какой-нибудь один элемент или свойство этого предмета, или пусть даже несколько свойств с отстранением на второй план прочих бесчисленных свойств данного предмета”[9, с.11-12].

латиницей), различия в некоторых случаях оказывались весьма существенными⁸.

языки/ животные	русский	немецкий	английский	японский
собака	гав-гав	вау-вау	руфф-руфф	ван-ван
кошка	мяу-мяу	миау-миау	меу-меу	ня-ня
лягушка	ква-ква	квак-квак	рриббит	кери-кери
петух	ку-каре-ку	ки-кире-ки	кок-а-дудл-ду	ко-ке-ко-ко

Таким образом, носители различных языков, слыша одни и те же звуки, пользовались для их передачи различными буквенными обозначениями, т.е. сводили эти звуки к различным фонемам. Достаточно сложные звуковые комплексы редуцировались и кодировались носителями разных языков по-разному, по-разному выделялись существенные признаки данных комплексов.

Действие алгоритма минимизации ярко проявляется при восприятии представителями различных культур художественных текстов.

III. Художественный текст и межкультурная коммуникация

Рассматриваемый вопрос связан с проблемами различия в интерпретации одного и того же текста представителями различных лингвокультурных сообществ и путей согласования, “гармонизации” сосуществования этих интерпретаций. Для решения указанных проблем необходимо определить причины данных различий.

Понимая интерпретацию как “работу мышления, которая состоит в расшифровке смысла, стоящего за очевидным смыслом, в раскрытии уровней значения, заключенных в буквальном значении” [11, с.18], мы говорим, что она (интерпретация) всегда есть осознанная или неосознанная попытка преодолеть дистанцию между культурой реципиента и той культурой, в которой существует текст [11, с.25]. В современной науке заметна тенденция к отказу от поиска единственно правильного смысла текста. Текст рассматривается как задающий веер возможностей своей интерпретации, он предстает как обладающий принципиальной множественностью, заключающей в себе несколько разных смыслов; в тексте “нетрудно обнаружить (...) борьбу разных голосов, противоречивых идеологий, множественных источников, разнонаправленных интенций, разрывающих единство текстуальной ткани” [1, с.36]. При таком

⁸ Информантами были учащиеся в МГУ иностранцы. В качестве носителей английского языка выступали студенты из США, а немецкого — из Германии (Вестфалии).

подходе бессмысленным оказывается вопрос о “правильном” истолковании текста. Однако обыденное сознание противится этому тезису. Происходит это потому, что в той или иной культурной общности (социальной или этнической) существуют определенные рамки возможной интерпретации текста, толкование невольно или целенаправленно выходящие за эти границы, воспринимается культурным сообществом как “неправильное”, оно игнорируется или резко отвергается, осуждается и/или осмеивается (в качестве примера можно вспомнить реакцию на интерпретацию некоторых произведений русской классики В.Э. Мейерхольдом). Каждая культура может обладать собственными, отличными от других границами “поля” интерпретации текста, то восприятие текста, которое санкционируется одной культурой, оказывается неприемлемым для другой. При этом, как часто бывает при межкультурных контактах, свои критерии оценки “правильности” интерпретации представляются единственно возможными. Это проявляется на самых различных уровнях. Так, совершенно очевидно, что в различных культурах не совпадают границы художественности/нехудожественности текста, следовательно произведения, которые в одной культуре рассматриваются как художественные, в другой таким статусом не обладают. Рассмотрим только два примера.

(4) Наша коллега вела занятия по истории русской литературы в группе студентов-филологов из Монголии, находящихся на высоком уровне владения русским языком. При чтении “Слова о полку Игореве” студенты выразили удивление, что данное произведение считается высокохудожественным и относится к числу классических. Они объяснили, что объектом художественного изображения никак не может являться позорное поражение, свидетельствующее о бездарности военачальника, который при этом еще и оказался в плену; поэзия должна рассказывать о великих победах и воспевать подвиги настоящих героев, эпизод же, о котором рассказывает “Слово”, не входит в круг тем, допустимых для поэзии.

(5) В автобиографическом романе С. Липкина “Декада” (ДН, №№ 5,6/89) северокавказский писатель (бывший мулла, воспитанный в традициях восточной культуры) желает познакомиться с неизвестной ему русской классикой, о которой он много слышал. Русский переводчик (alter ego автора) дает ему прочитать рассказ “Му-му”, который, с одной стороны, прост и понятен, а с другой — воплощает в себе многие характерные черты русской классической прозы. Рассказ вызывает возмущение у представителя восточной культуры, т.к. его героями являются немой (урод) и собака (грязное животное). “У Востока тоже есть классика, — восклицает он, — народные сказания, Фирдавси, Джамаледдин Руми, Умар Хайям, Низами, Физули. Какие величественные произведения, какие мудрые красивые мысли, какие герои — цари, могучие воины, философы, красноречивые влюбленные. А тут Мымы! Собак! И немой!” Далее следуют рассуждения русского переводчика о том, что многим русским читателям, напротив, произведения перечисленных авторов

могут казаться напыщенными, многословными, лишенными сюжета, исполненными излишнего резонерства и т.п.

Приведенные примеры наглядно свидетельствуют о том, что проблема интерпретации во многом является аксиологической, оказывается неизбежно сопряженной с оценкой. В обоих случаях реципиенты оценивали предлагаемые им тексты, которые считаются в русской культуре шедеврами, эталонами, как “плохие” и (прямо или косвенно) ставили под сомнение значимость той культуры, в которой подобные тексты могут обладать столь высоким статусом.

Из сказанного выше можно сделать практические выводы, актуальные для решения прикладных задач обучения инофона коммуникации на русском языке. Нельзя настаивать на том, что “правильной” является именно та интерпретация текста, которая принята в русском лингво-культурном сообществе, но инофона необходимо знакомить с этой интерпретацией, стремиться объяснить, почему именно она закрепились в русской культуре, чем обусловлено именно такое восприятие текста.

Однако здесь возникает еще одна проблема. Достаточно трудно однозначно определить, какие особенности интерпретации текста детерминированы национальной культурой, а какие — индивидуальными особенностями языковой личности (уровень образования, интеллектуальные потенции и др.). В этом отношении нам могут помочь примеры сходного восприятия одних и тех же русских текстов целыми группами инофонов, когда при определенных различиях между последними все они однозначно обнаруживают типологическое сходство интерпретаций. Весьма интересные примеры подобных интерпретации приводит И.И. Яценко, описывая данные, полученные ею в ходе пилотажного эксперимента [16]. Отсылая читателя к ее работе, приведем два примера из собственной педагогической практики.

(6) Смысл рассказа А.П. Чехова “Смерть чиновника” был воспринят японскими студентами следующим образом: автор смеется над Червяковым и осуждает его за то, что он попытался перешагнуть установленные социальные рамки и в театре сидел там, где находятся люди, которые стоят на высшей ступени общественной лестницы, в то время как ему следовало занимать место, соответствующее его положению; все, случившееся с Червяковым потом, есть закономерное следствие того, что он нарушил правила социальной иерархии.

(7) Сказка “По шучьему велению” вызвала резко негативную реакцию практически у всех студентов из Японии, которые ее прочитали. Они сочли эту сказку глубоко безнравственной, т.к. она повествует о том, как патологический бездельник, не совершив ничего полезного, не ударив палец о палец, получает ничем не заслуженную награду. У японцев

вызвало серьезное удивление, что сказка эта весьма популярна в России и родители не считают предосудительным читать ее своим детям.

Приведенные примеры не позволяют говорить об особенностях индивидуального восприятия, т.к. указанные интерпретации были практически одинаковы у всех представителей японского лингво-культурного сообщества.

На наш взгляд, одной из главных причин различий в интерпретации одних и тех же текстов представителями различных лингво-культурных сообществ является разница в алгоритмах минимизации текста, что приводит к различному делению его характеристик на существенные/несущественные (при этом первые фиксируются, а вторые игнорируются). Так, если мы обратимся к примеру (7), то увидим, что различия в восприятии текста между русскими и японцами, ярко проявляющиеся на уровне оценки, обусловлены различиями в структуре представления этого текста, которые, в свою очередь, связаны с различным делением признаков центрального персонажа на существенные/несущественные. Японцы выделяют в Емеле прежде всего лень, нежелание трудиться, приносить пользу обществу, игнорируя иные его черты. Русские, прекрасно сознавая, что Емеля — лодырь, обращают внимание на его находчивость, незлобивость, “демократичность”, бескорыстие. Таким образом, различная оценка Емели русскими и японцами не означает, что русские считают лень положительным качеством, а японцы не ценят ум и находчивость, но свидетельствует о том, что русские и японцы выделяют разные черты характера данного героя как главные, игнорируя остальные как несущественные⁹.

Мы полагаем, что корпус ПТ, хранящихся в КБ того или иного лингво-культурного сообщества, задает определенный алгоритм восприятия и оценки текста вообще. Вернее, говорить надо не о самих ПТ, чего чаще всего не замечают пишущие об этих феноменах, но об инварианте восприятия ПТ, ибо говорящий в своей речи обращается, как правило, не собственно к ПТ (например, к полному тексту романа И.А. Гончарова “Обломов”, который, вероятно, прочитал не столь большой процент говорящих по-русски), но к инварианту восприятия этого ПТ, знакомому практически всем членам русского лингво-культурного сообщества и закреплённому в КБ последнего. За ПТ закрепляется статус “классиче-

⁹ Это, конечно, связано и с тем, что в каждом лингво-культурном сообществе существует собственная иерархия черт характера. Одни и те же качества, даже попадая и в той и в другой культуре в зону положительной оценки, занимают там разное место в каждой из них.

ских” текстов, они выступают в роли образца, эталона текста (и художественного текста) вообще¹⁰. В свою очередь, инварианты восприятия ПТ, хранящиеся в КБ, выступают как классические образцы восприятия текстов.

Таким образом, инвариант восприятия ПТ и алгоритм минимизации текста образуют диалектическое единство, находясь в отношениях взаимной детерминации и взаимозависимости, т.е. инвариант восприятия складывается благодаря существованию алгоритма минимизации, с другой стороны, корпус представлений о ПТ закрепляет этот алгоритм и задает его.

В своих предыдущих работах (см., напр., [3]) мы уже указывали, что одна из основных функций КБ — задавать определенную парадигму социального поведения. Корпус ПТ, главное, санкционированные лингвокультурным сообществом инварианты их восприятия задают не только критерии оценки художественных текстов и пути их интерпретации, но предлагают модели поведения как “положительные/отрицательные”, определенные качества и черты характера как “допустимые/недопустимые”. Принимая во внимание специфику взаимоотношений инвариантов восприятия ПТ и алгоритма минимизации текста, о которой мы говорили выше, весьма значительной представляется роль этого алгоритма в отражении и формировании системы ценностных критериев, существующих в лингво-культурном сообществе, и, соответственно, моделей санкционированного/запрещенного в этом сообществе поведения.

Рассмотрим подробнее еще один пример.

(8) В статье А. Шальнева “Кому приказывает Тютчев или кое-что о стереотипах” (Советская культура, 25.08.90.) излагается рассказ преподавателя Гарварда о восприятии его студентами “Собачьего сердца” М.А. Булгакова. Студентам было предложено письменно выразить свое мнение о профессоре Преображенском. Приводятся отрывки из этих сочинений, например, такие: “Меня изумил отказ профессора помогать бедным”; “Он (Преображенский) открыто говорит людям, что ненавидит их. Он говорит это, чтобы насмехаться и унижать”; “Шариков — грубый человек, но и Преображенский такой же”; “Автор манипулировал нами: пролетариев описывал как неграмотных и отвратительных подлецов, а буржуазию — как героев”; “Таких людей, как Преображенский, я считаю подлецами. Он считает себя лучше других, а людей из домкома — низшей расой”. Из сорока сочинений только в одном выражалась симпатия к Преображенскому. Интересно, что оно

¹⁰ Об “эталонности” ПТ уже говорилось в научной литературе. Ср.: “(...) Прецедент не что иное, как пример-образец или оправдание-образец, а совокупность прецедентных текстов — это совокупность эталонных, имеющих внутреннюю когнитивно-эмотивную и аксиологическую форму текстов, обращение к которым мотивировано для реципиентов [12, с.102].

было написано дочерью иностранного дипломата, учащейся в Гарварде, т.е. не американкой. Преподаватель делает вывод о том, что его студенты ассоциировали себя, скорее, с Шариковым, чем с Преображенским. Это особенно удивительно для русского читателя потому, что студенты одного из самых престижных университетов США по уровню образования и общественному положению принадлежали примерно к той же социальной группе, что и Преображенский.

Сочинения студентов наглядно свидетельствуют о том, что те выделяют прежде всего такие качества героя Булгакова, как амбициозность, барственность, снобизм и т.п., которым русские читатели отводят значительно меньше места в своем представлении о Преображенском, выделяя те его черты, которые игнорируются американцами: высокий профессионализм, трудолюбие, образованность, чувство собственного достоинства и др. Структуры представления о Преображенском у русских и американцев оказываются совершенно различными, что приводит к совершенно противоположным оценкам данного персонажа.

В заключение коротко коснемся вопроса о подвижности/неизменности корпуса ПТ и прецедентных феноменов в целом. Прецедентные феномены, являясь “эталоном”, задают границы дискурса художественного/нехудожественного и культуры/не-культуры, определяют целую культурную парадигму. Не случайно, что при попытке изменить эти границы, трансформировать эту парадигму ведется “атака” на прецедентные феномены, одни из которых выпадают из КБ, а другие входят в нее¹¹. Но изменения эти происходят достаточно медленно, больше характерны для периферии КБ и слабо затрагивают ее ядро, хотя в период бурных социальных изменений и смены культурных ориентаций (а именно такой период мы, вероятно, переживаем сейчас) трансформации подвергается и центральная ее часть. Однако алгоритм мини-

¹¹ Феномены, которые при своем появлении не включались в поле национальной культуры, воспринимались в лучшем случае как окказионализмы, со временем могут получить статус прецедентных, другие же этот статус теряют, выпадая из КБ. Примером первого рода может служить “Черный квадрат” К. Малевича, который близок к тому, чтобы представление о нем вошло в русскую КБ. Знаменательно, что попытка повреждения этой картины вызвала большой общественный резонанс, информация об этом факте неоднократно повторялась практически по всем каналам российского телевидения. Вряд ли указанное событие привлекло бы такое внимание как при жизни К. Малевича, так и еще 10 — 15 лет назад. Пример обратного рода — роман Н.Г. Чернышевского “Что делать?”, который обладал статусом ПТ еще совсем недавно, активно функционировали в речи носителей языка символы этого ПТ, актуализирующие представления о нем (Вчера и видел такой сон Веры Павловны! Он, как Рахметов, на гвоздях спит). Сегодня этот текст теряет указанный статус. Как показывает личный опыт автора, высказывания, подобные приведенным выше, не понимаются теми, кому сейчас 16 — 18 лет, что было совершенно исключено еще 10 лет назад.

мизации явлений действительности в целом сохраняется. Его трансформация возможна лишь при кардинальном изменении корпуса прецедентных феноменов, входящих, что грозит распадом единой для лингвокультурного сообщества культуры и, если происходит революционно, а не эволюционно, может привести к распаду самого этого сообщества.

Л и т е р а т у р а

1. *Гаспаров Б.М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М. 1996.
2. *Гудков Д.Б.* Структура и функционирование двусторонних имен (к вопросу о взаимодействии языка и культуры) // Вестник МГУ. Сер.9. Филология. 1994, № 6.
3. *Гудков Д.Б.* Прецедентные имена и парадигма социального поведения // Лингвостилистические и лингводидактические проблемы коммуникации. М. 1996.
4. *Захаренко И.В.* “О великий, могучий, правдивый и свободный...” (О лингвокогнитивном аспекте функционирования прецедентных высказываний в политическом дискурсе) // Политический дискурс в России. М. 1997.
5. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М. 1987.
6. *Красных В.В.* О чем не говорит “человек говорящий”? (к вопросу о некоторых лингвокогнитивных аспектах коммуникации) // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М. 1997.
7. *Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В.* О tempora, o mores! Новые структуры русской когнитивной базы // Лингвостилистические и лингводидактические проблемы коммуникации. М. 1996.
8. *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. М. 1992.
9. *Лосев А.Ф.* Знак, символ, миф. М. 1982.
10. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. М. 1958.
11. *Рикер П.* Конфликт интерпретаций. Очерк о герменевтике. М. 1995.
12. *Сорокин Ю.С., Михалева И.М.* Прецедентный текст как способ фиксации языкового сознания // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М. 1993.
13. *Тарасов А.Ф.* Введение // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М. 1993.
14. *Уфимцева Н.В., Сорокин Ю.А.* “Культурные знаки” Л.С. Выготского и гипотеза Сепира-Уорфа // Национальная культура и общение. М. 1977.
15. *Этнопсихоллингвистика* / Под ред. Ю.А. Сорокина. М. 1988.
16. *Яценко И.И.* Психологический тезаурус рассказа А.П. Чехова “Дама с собачкой” (к вопросу о национально-этических стереотипах восприятия) // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М. 1997.
17. *Mehnert K.* The Russians and their favorite Books. Stanford. 1983.

**Когнитивная база vs культурное пространство
в аспекте изучения языковой личности
(к вопросу о русской концептосфере)**

© кандидат филологических наук В.В. Красных, 1997

Языковая личность, изучение которой уже имеет свою историю, манифестирует себя во всем разнообразии своих проявлений в коммуникации. В рамках настоящей статьи мы не можем останавливаться на всех аспектах целого комплекса проблем, связанных с феноменом языковой личности, и сосредоточим наше внимание лишь на некоторых аспектах коммуникации и в первую очередь — на теоретическом рассмотрении ряда лингво-когнитивных феноменов, которые, как нам кажется, обуславливают национальную специфику одной. Объектом нашего внимания в данном случае является речевая деятельность, рассматриваемая нами, вслед за Л.С. Выготским, А.Н. Леонтьевым и их последователями, как один из видов деятельности [2; 20; 19], и тот лингвально-ментальный комплекс, который стоит за каждым коммуникантом как “человеком говорящим” [17].

Разбирая концепцию Анны Вежицкой, Е.В. Падучева пишет: “Значение антропоцентрично, т.е. отражает общие свойства человеческой природы; более того, оно этноцентрично, т.е. ориентировано на данный этнос. Нельзя на естественном языке описать “мир как он есть”: язык изначально задаёт своим носителям определённую картину мира, причём каждый данный язык — свою” [1: с.5-6].

Если попытаться выявить, что же определяет специфику языковой картины мира с точки зрения того, что “имеется” в голове человека, с точки зрения того, что и как хранится в сознании и как мы оперируем этим “информационным” массивом, то одним из возможных подходов является, на наш взгляд, попытка проанализировать те “блоки” (понятийные, концептуальные), которые предопределяют наше видение окружающего мира, наше восприятие и членение окружающей действительности, которые обуславливают национальную специфику стереотипов (как поведенческих в целом, так и коммуникативных, в частности) и которые всегда стоят “тенью отца Гамлета” за нашим поведением (в том числе и речевым). Эти “блоки” имплицитны и неощутимы, неосознаваемы, как неосознаваем нами воздух, когда его достаточно и он таков, к какому мы привыкли. Но как только этот вдыхаемый нами воздух меняет своё качество или количество, мы сразу “вспоминаем” о его суще-

ствовании. То же происходит, и когда мы общаемся с представителями иных национально-лингво-культурных сообществ.

Вспомним мысль А. Вежбицкой о том, что "возможность успешной коммуникации между различными культурами напрямую зависит от универсальности базового множества семантических примитивов, из которых каждый язык может создавать практически бесконечное число более или менее "идеосинкретичных" (специфичных для данной культуры) понятий (комбинируя примитивы в различных конфигурациях). Существование такого общего множества примитивов могло бы объяснить "психическую общность человечества" [Boas, 1938¹], а гипотеза о том, что лексикон разных языков воплощает различные конфигурации этого общего набора, отвечала бы за специфичные для каждой культуры аспекты языка и мышления. [...] ... имеется набор семантических примитивов, совпадающий с набором лексических универсалий, и это множество примитивов-универсалий лежит в основе человеческой коммуникации и мышления; а специфичные для языков конфигурации этих примитивов отражают разнообразие культур" [1: с.296-297].

Действительно, нельзя не согласиться с тем, что коммуникация возможна только при наличии определённой общности знаков (см., например, [9; 26]): именно это обуславливает адекватность и, следовательно, успешность коммуникации. Однако эта общность обманчива: обладая различными слотами (валентностями), базовые элементы формируют разные конфигурации. Разность же "конфигураций" базовых элементов может спровоцировать коммуникативный сбой (неполное понимание) или коммуникативный провал (полное непонимание). Таким образом, то, что делает коммуникацию принципиально возможной, может сделать её и заведомо неадекватной: общность базовых элементов как таковых обуславливает принципиальную возможность общения, в то время как разнящиеся валентности таковых могут привести (и приводят) к коммуникативным неудачам.

Возвращаясь к разговору о глубинных блоках, хранящихся в голове у человека, можно, очевидно, предположить, что эта информация существует в виде некой "базы данных". Как мы² уже неоднократно (см., например, [11; 15; 16]) писали, каждый человек, каждая языковая личность обладает своим собственным *индивидуальным когнитивным про-*

¹ Boas, Franz. The mind of primitive man. Rev. ed. New York: Macmillan.

² Мы имеем в виду не только свои работы, но также и работы коллег и совместные работы, выполненные в рамках деятельности научного семинара "Текст и коммуникация", который работает на филологическом факультете МГУ с 1995 года. Его участниками являются преподаватели факультета: Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, Д.В. Багаева и автор настоящей статьи.

странством (ИКП) как определённым образом структурированной совокупностью знаний и представлений. В индивидуальное когнитивное пространство необходимо (если считать человека существом социальным) входят *коллективные когнитивные пространства (ККП)* (как определённым образом структурированные совокупности знаний и представлений тех социумов, в которые данная личность входит) и *когнитивная база (КБ)* (как минимум — её ядро) того национально-лингво-культурного сообщества, членом которого данная личность является. Когнитивная база также представляет собой определённым образом структурированную совокупность знаний и представлений, но на уровне национально-лингво-культурного сообщества. Когнитивное пространство содержит в качестве ядерных элементов некие “культурные феномены” (термин Н.В. Уфимцевой). Ядерными элементами когнитивной базы являются *прецедентные феномены* (см. далее наст. ст., а также [11; 13; 14; 16])³. Когнитивные пространства и когнитивная база формируются *когнитивными структурами*, которые мы понимаем как содержательную форму кодирования и хранения информации. Данная информация включает в себя сведения (знания и представления) не только о реальном окружающем мире, но и знание языка и знание о языке. Следовательно, мы выделяем феноменологические и лингвистические когнитивные структуры (см., например, [15]).

Отличие когнитивных пространств от когнитивной базы состоит не только в “масштабе”, так сказать, внешнего охвата [15], т.е. для какого множества личностей эта совокупность является необходимо обязательной (кстати, как мы уже указывали в предыдущих работах, коллективное когнитивное пространство может по этому параметру и превосходить национальную когнитивную базу, например, конфессиональные общности или профессиональные союзы), но и по “внутреннему охвату”, по репертуару “единиц хранения”: в когнитивную базу входят не все культурные феномены (термин Н.В. Уфимцевой), а только национально-прецедентные, т.е., если воспользоваться термином Д.Б. Гудкова, “национально-детерминированные и минимизированные” [3]. Например, в КБ вербализуемые прецедентные феномены (прецедентный текст и прецедентная ситуация) входят в виде “национально-детерминированных, минимизированных” инвариантов восприятия, в то

³ Прецедентные феномены (о чем мы уже писали ранее) [11] могут быть национально-прецедентными, социумно-прецедентными и (гипотетически) универсально-прецедентными. Принцип “обработки” феномена, алгоритм “создания”, “становления”, “приобретения” прецедентности и статуса прецедентного, очевидно, один и тот же. Однако нужны дальнейшие исследования. Мы же в наших работах, говоря о прецедентных феноменах, имеем в виду национально-прецедентные.

время как в когнитивных пространствах (ИКП и ККП) могут (и должны) наличествовать не только указанные инварианты восприятия (как часть КБ), но и индивидуальные и коллективные инварианты восприятия, а также, вероятно, знание самого прецедентного текста, самой прецедентной ситуации и определённые знания и представления о них. Такая же картина имеет место, и когда мы рассматриваем прецедентное имя: в когнитивную базу входит само имя, а также набор его дифференциальных признаков и атрибутов (о дифференциальных признаках и атрибутах имени см. [3], а также [8]). В индивидуальное же и коллективное когнитивные пространства могут входить, помимо указанного, сведения “дополнительные”, не являющиеся необходимо обязательными для всех представителей национально-лингво-культурного сообщества.

Итак, *когнитивная база есть определённым образом структурированная совокупность необходимо обязательных знаний и национально-детерминированных и минимизированных представлений того или иного национально-лингво-культурного сообщества*. В силу объективной минимизации хранящихся феноменов сама КБ будет являть собой скорее всего также “минимизированную”, достаточно, но не жёстко ограниченную совокупность феноменов-”культурных предметов”, представляющую собой “открытое” множество. “Открытое” не в смысле “бесконечное”, но лишь как способное к изменениям, когда какой-то элемент заменяется другим, аналогичным по природе и функциям.

Когнитивное пространство есть определённым образом структурированная совокупность всех знаний и представлений, присущих либо (1) конкретной языковой личности (ИКП), либо (2) тому или иному социуму (ККП).

Следует отметить, что не только когнитивная база, но и когнитивные пространства являются национально-детерминированными и национально-маркированными, что вполне объяснимо, т.к. “ядром” когнитивных пространств (и индивидуального, и коллективного монокультурного социума) служит когнитивная база того национально-лингво-культурного сообщества, которое является родным для носителя/носителей данного когнитивного пространства.

Данные положения окажутся для нас крайне актуальными и в связи с соотношением русской когнитивной базы и русского культурного пространства, о чём мы будем говорить чуть позже в настоящей статье.

Рассматриваемые нами “единицы хранения” информации существуют не изолированно друг от друга, напротив, они представляют собой взаимосвязанные фрагменты единого ментально-лингвального комплекса, образуют определённые более или менее устойчивые глубинные блоки, или “конфигурации” (по А. Вежбицкой), которые прояв-

ляются, в частности, в ассоциативно-вербальной сети. Конечно, в ассоциациях "проступают" только контуры сложнейшего "многомерного" рисунка, так сказать, вершина айсберга, но изучение этого фрагмента языкового сознания позволяет выявить некоторые особенности языковой картины мира, так как, по мысли Лейбница, язык есть "наилучшее отражение человеческой мысли" (Gottfried Wilhelm Leibniz. *New essays on understanding*; цит. по [1: с.291; 325]).

Выявление данных блоков представляется нам, безусловно, необходимым, однако предъявить их полный перечень сегодня едва ли возможно, поскольку нам не известны результаты подобных исследований, проводимых другими авторами, нами же работа над этой проблематикой начата не так давно.

В настоящей статье мы хотели бы предложить некоторые наши размышления в связи с обработкой материалов, представленных в Русском ассоциативном словаре (РАС) [23]. Повторим ещё раз, что статьи РАС содержат как бы "верхушки", "нервные окончания" тех комплексов, которые кроются в глубине нашего сознания.

В ходе наших исследований мы пришли к выводу, что, помимо языковых клише и речевых штампов (которым посвящен целый ряд работ, см., например, [6; 24; 22]), существуют также и психологические феномены такого рода: *клише и штампы сознания* [15; 16]. Критерием разбиения последних, так же, как и лингвистических феноменов, служит наличие/отсутствие семантической, информационной нагрузки: клише сознания таковой обладает, штамп — нет. Из этого следует, что клише сознания связано с семантико-когнитивной ассоциацией, штамп сознания — с фонетико-звуковой [15].

Каждый элемент ассоциативно-вербальной сети обладает определённым набором ассоциативных связей. Эти векторы ассоциаций могут быть "свободными" или "предсказуемыми". *Предсказуемой* является ассоциативная связь, в основе которой лежит некоторый когнитивный феномен — культурный предмет. Клише и штамп сознания суть "кристаллизация" предсказуемой ассоциативной связи, фиксация предсказуемого вектора ассоциации.

Исследуя ментально-психическую природу данных когнитивных феноменов, мы пришли к необходимости выделения некой когнитивной единицы, которую мы назвали *фрейм-структурой*⁴ [12; 14; 15; 16]. Если попытаться кратко её охарактеризовать, то это лучше сделать следую-

⁴ К сожалению, мы не можем останавливаться на терминах, встречающихся в литературе, таких, как "фрейм, гештальт, скемата" и т.д. Отметим только, что ни приведенные термины, ни их понимание не являются абсолютно аналогичными тому, что представлено в настоящей статье.

шим образом: *фрейм-структура есть когнитивная единица, формируемая клише сознания и представляющая собой "пучок" предсказуемых векторов валентности (слов, направленных ассоциативных связей)*. Эта единица, составная, но цельная, единая (так сказать "молекулярная", в отличие от "атомарной" когнитивной структуры), является знаком, "именем" (не в прямом смысле зачастую) "предмета" или ситуации. Отличие фрейм-структуры от "нефреймовых" валентностей состоит, на наш взгляд, именно в определённой предсказуемости ассоциативных векторов и, возможно, закрытости списка потенциальных ассоциативных связей. При "задействовании" одного из элементов фрейм-структуры активизируются все её элементы, но для актуализации выбирается какой-либо один элемент. Какой именно и почему — это, очевидно, предмет отдельного рассмотрения, равно как и вопрос о закрытости перечня потенциальных ассоциаций [12; 14; 15].

Ассоциация возникает при активизации ассоциативно-вербальной сети. Очевидно, в самой сети (и следовательно, в индивидуальном когнитивном пространстве и в когнитивной базе) клише и штампы сознания "хранятся" как фрейм-структуры. Статус клише или штампа единица приобретает только при функционировании в коммуникации. Однако, можно предположить, что некоторые единицы "тяготеют" к штампам. Это в первую очередь единицы, которые (1) не имеют глубинного значения [7] или (2) глубинное значение которых, как правило, бывает нерелевантно, т.к. стимулом-"зацепкой" для ассоциации служит не весь феномен, как таковой, а лишь его фрагмент [12]. Наиболее ярким и характерным примером последнего может служить ассоциация по слову из прецедентного высказывания. Приведём примеры:

(1) *Мороз и солнце — день чудесный;*

(2) *Всё смешалось в доме Облонских; А ты любви моей не понял/у нас/я не хочу по расчёту* (примеры на "А" взяты нами из РАС).

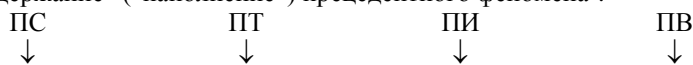
Показателем штампа, на наш взгляд, может быть признано, в частности, употребление единицы не в прямом значении с целью подчеркнуть красоту слога, поддержать разговор и т.д. (см. об этом, например, [22: с.99-100]); ср.: *"билет на балет"* и *"билет на спектакль, в театр, до Москвы, № 2"* (примеры из РАС). Понятно, что выражение *"билет на балет"* может быть употреблено и в прямом значении (если речь идёт о билете на балетный спектакль), и как штамп: *"Господи, а мой-то где билет на балет?"* (фраза, услышанная автором в разговоре двух носителей русского языка, один из которых искал свой единый при входе в метро).

В связи с понятием фрейм-структуры возникает, в частности, вопрос о соотношении когнитивной базы и культурного пространства

(первая попытка рассмотрения данного вопроса была предпринята нами в соавторстве с Д.Б. Гудковым в [4]). Необходимость изучения данного вопроса обуславливается в том числе тем, что в работах исследователей используются такие понятия, как “культурно значимый фрейм” и “образные гештальт-структуры” [27]. Данные понятия разбираются в контексте культуры и языка: “Если номинативные единицы... (типа “самовар... перестройка”) обладают культурной памятью, но они способны за счёт своих собственных значений и их энциклопедического фона выполнять функцию указания на соответствующий *культурно значимый фрейм*” [27: с.82-83] (выделено нами — *В.К.*). И далее: “То, что культура “включена” в язык — факт неоспоримый: язык как средство коммуникации вбирает в значения (номинативных единиц в форме энциклопедического, концептуально-эпистемического содержания знака или ассоциаций *с акциональными или ментальными фреймами*) всё, что связано с культурно-традиционной компетенцией его носителей, транслируемой благодаря языку из поколения в поколение” [27: с.84-85] (выделено нами — *В.К.*).

Нам представляется возможным (а может быть, и необходимым) ввести данные понятия в нашу концепцию и попытаться приложить их к нашей системе прецедентных феноменов. Однако, как нам думается, понятие “культурно значимый фрейм” относится к культурному пространству, которое “выступает как форма существования культуры в сознании человека” и “включает в себя все существующие и потенциально возможные представления о феноменах культуры у членов национально-культурного сообщества” [4]⁵. В этом мы видим одно из отличий культурного пространства от когнитивной базы, которая включает в себя не всё многообразие феноменов, но лишь те, которые являются (национально-)прецедентными, при этом такие феномены, как прецедентный текст и прецедентная ситуация представлены в когнитивной базе в виде инварианта их восприятия. Итак, если рассматривать культурно значимый фрейм прецедентного феномена, то можно, очевидно, выделить его “составляющие”:

1. “содержание” (“наполнение”) прецедентного феномена⁶:

⁵ См. наши рассуждения в настоящей статье о природе таких явлений, как когнитивное пространство и когнитивная база.

⁶ Принятые сокращения: ПС — прецедентная ситуация; ИВПС — инвариант восприятия ПС; ПТ — прецедентный текст; ИВПТ — инвариант восприятия ПТ; ПИ — прецедентное имя; ДП+Атр. — дифференциальные признаки и атрибуты; ПВ — прецедентное высказывание; сист.см. — системный смысл (о ПВ см. [7]).

ИВПС ИВПТ ДП+Атр. сист.см.
(“нижний этаж”, а также ПИ и ПВ как таковые входят в когнитивную базу)

2. ”объективное окружение” прецедентного феномена:
 - а) для ПС, ПИ, ПВ, связанных с “породившим” их текстом — ПТ-источник;
 - б) для ПС, ПИ, ПВ, не связанных с таковым (“автономных”) — реалии, имевшие место и приведшие к их появлению (реальная ситуация, реальное лицо);
 - в) для ПТ — знания о тексте (автор, время создания и т.д.) и знание текста (сюжет, коллизии, персонажи и т.д.);
3. ”субъективное окружение” прецедентного феномена:

совокупность связанных с ПФ знаний и представлений отдельных представителей национально-лингво-культурного сообщества; данные знания могут быть более или менее общими, но в любом случае не являются необходимо обязательными для всех (в отличие от знаний, являющихся частью КБ), в области представлений может иметь место значительный разброс как между индивидуальными и коллективными представлениями, так и “внутри” первых и вторых (что невозможно, когда мы говорим о КБ, в которую входят только коллективные, при этом не просто коллективные, но общенациональные, национально-детерминированные, минимизированные представления);
4. условия использования ПФ в коммуникации (знание ситуаций употребления). В КБ также содержится информация о функционировании данных единиц, очевидно, в виде фрейм-структур (однако на этот вопрос еще только предстоит дать ответ).

Совершенно очевидно, что (2) и (3) никоим образом не входят в когнитивную базу; (1) и (4) являются фрагментами КБ, но с определёнными оговорками.

Что касается “образных гештальт-структур”, то, в данном термине для нас оказывается особенно важным первая его часть — “образные”. Отталкиваясь от традиционного понимания “образа”, как “совокупности чувственных впечатлений от объекта и слова как обобщающей категории, адекватно употребляющейся по отношению к ряду предметов и явлений” [5: с.25], исходя из авторского определения: “типовые для данного народа представления о каком-то свойстве человека, о состоянии или действии, о качественном или количественном признаке” [27: с.86], — можно сделать вывод, что они относятся скорее к (национальным)

стереотипам восприятия и оценки, т.е. являют собой некие “вешки” (“пометы”, “шкалы”, “параметры”) на осях национальной системы координат.

Обработка материалов, представленных в РАС, показала, что, помимо фрейм-структур, в основе которых лежат прецедентные феномены [11], существуют фрейм-структуры той же природы, но несколько иного порядка. Для начала вернёмся к определению прецедентного текста Ю.Н. Караулова [10: с.216], которое мы экстраполировали на прецедентные феномены в целом, считая, что учёный понимает термин “текст”, с нашей точки зрения, слишком широко [11]. Итак, немного модифицируя определение Ю.Н. Караулова, скажем, что к числу прецедентных мы относим феномены: 1) хорошо известные всем представителям национально-лингво-культурного сообщества (“имеющие сверхличностный характер”); 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; 3) обращение к которым постоянно возобновляется в дискурсе представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества [12].

При таком широком понимании прецедентности совершенно очевидно, что прецедентными окажутся вообще все стереотипы, специфичные для того или иного национально-лингво-культурного сообщества. За всеми явлениями такого рода стоят пучки предсказуемых векторов, т.е. фрейм-структуры. Однако мы разграничиваем прецедентные (в широком смысле) феномены на собственно-прецедентные (прецедентные в узком смысле, далее — прецедентные феномены) и стереотипы, среди которых мы выделяем стереотипные (типовые) ситуации и стереотипные образы.

Различие между прецедентными феноменами и стереотипами состоит в том, что за прецедентным феноменом стоит некий конкретный, единичный феномен, так сказать, “денотат”, за стереотипом же стоит абстрактный, собирательный образ, так сказать, “сигнификат”. Если мы рассмотрим прецедентные феномены (в узком смысле) с точки зрения знаний и представлений, то получим следующую картину:

знания	представления
конкретное лицо (исторический деятель или персонаж произведения); прецедентное имя	инвариант восприятия прецедентного имени
конкретный текст	инвариант восприятия прецедентного текста
конкретная ситуация (имевшая место в истории или в каком-либо произведении)	инвариант восприятия прецедентной ситуации
прецедентное высказывание	инвариант восприятия прецедентного высказывания

В когнитивную базу безусловно входят представления, в данном случае — инварианты представлений прецедентных феноменов. Что касается знаний, то элементами когнитивной базы являются вербальные феномены: прецедентное имя и прецедентное высказывание. Знания о конкретном лице, конкретной ситуации, о конкретном тексте и знание самого текста представляют собой фрагменты культурного пространства (подробнее см. [14]).

Что касается стереотипов, то в этом случае весьма затруднительно (точнее — невозможно) найти какой-либо конкретный единичный "прецедент", аналогичный тому, с каким мы имеем дело, когда анализируем прецедентные феномены.

Выскажем предположение, что прецедентные феномены (как минимум в виде инвариантов их восприятия) входят в когнитивную базу, в то время как стереотипы не являются элементами таковой, будучи репрезентантами культурного пространства (о соотношении когнитивной базы и культурного пространства см. [4] и [14]).

Далее, прецедентные феномены, входящие, как было сказано, в национальную когнитивную базу, могут быть как национальными, так и универсальными (например, многое из того, что связано с Библией, безусловно, выходит за рамки не только национального сообщества, но, вполне возможно, и конфессионального христианского социума). При этом к числу "универсалий" может принадлежать: (1) сам прецедентный феномен, (2) фрейм-структура и, следовательно, векторы ассоциаций (слоты, выделяемые в том или ином феномене в разных сообществах-этнотипах могут не быть "фокальными точками" [28]), (3) коннотации. Обратившись к уже упомянутому нами, едва ли не самому прецедентному тексту — Библии, можно без особого труда найти примеры такого рода: 30 сребреников — Иуда — предательство — последняя вечеря — поцелуй предателя и т.д., Понтий Пилат — умыть руки и др. Для того, чтобы обнаружить различия в (2) и (3), необходимы дополнительные сопоставительные исследования. Сегодня мы можем апеллировать только к "отрицательному" материалу, который мы наблюдаем в процессе преподавания русского языка в иноязычной аудитории (когда учащиеся совсем не понимают или не до конца понимают русский текст, делают "неправильные", с точки зрения русского, выводы, приводят "некорректные", на русский взгляд, примеры или сравнения и т.п.). Национальные прецедентные феномены многочисленны, их рассмотрению посвящён целый ряд работ, в том числе, и участников упомянутого семинара (например, [11]). Частично некоторые из национально-прецедентных феноменов будут нами представлены в настоящей статье,

поэтому мы не будем сейчас на них останавливаться и перейдём к обсуждению стереотипов.

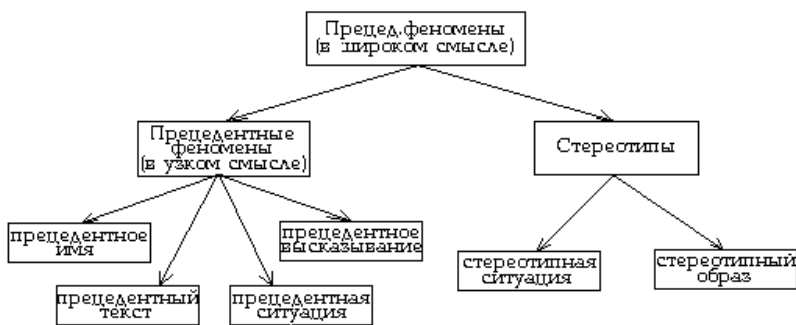
Стереотипы, о которых идёт речь в данной работе, всегда национальны. Правда, в ряде случаев можно найти аналоги в различных культурах. Однако при столкновении с такими "квазиуниверсалиями" необходимо проявлять особую осторожность: чаще мы имеем дело с феноменами конгруэнтными, но не тождественными, т.е. совпадая в целом или в основном, феномены могут различаться нюансами, деталями, имеющими подчас принципиальное значение. Например, феномен и ситуация очереди в разных культурах различны, следовательно, и поведение⁷ в очереди будет различным (так, в России принято, как правило, спрашивать "Кто последний?/Вы последний?" или просто вставать в очередь; в ряде же европейских стран в "присутственных местах" (на почте, вокзале и т.д.) принято подойти к специальному аппарату и оторвать квиток с номером, а после этого просто следить за цифрами, загорающимися над окошками). Такие ситуации так или иначе, осознанно или интуитивно выделяются теми, кто работает с иностранцами, и, если вспомнить учебники иностранных языков, то тематические блоки именно такие стереотипные ситуации и отражают (хотя, безусловно, в реальности таких ситуаций несоразмерно больше, чем это может быть представлено в каком бы то ни было учебнике). Помимо ситуаций, к стереотипам принадлежат и определённые образы (последние всегда ярко национально маркированы); в качестве примеров можно было бы привести многочисленные стереотипы животных (и отсюда стереотипные сравнения, типа: "трудолюбив, как муравей/пчела", "хитёр, как лиса" и др.) или "национальные" стереотипы (типа "любезный, любвеобильный, изысканный, как француз", "пунктуальный, как немец" и т.п.). Интересным нам представляется следующий пример: автору пришлось столкнуться с остро негативной реакцией русских людей среднего и старшего возраста на новую военную форму, вернее — на новые фуражки офицеров российской армии; насколько автор статьи может судить, эта реакция была вызвана высокой верхней частью головного убора, которая у многих русских ассоциируется с немецкой военной формой времён фашистской Германии. В данном случае, на наш взгляд, имеет место сложный комплекс феноменов: образ "война" (стереотипный образ), знания и представления о Великой отечественной (прецедентный феномен), образ "военный" (стереотипный образ), образ "военнослужащий немецкой фашистской армии времён II мировой войны" (стереотипный образ на основе прецедентного феномена — ситуации; кстати, стоит отметить,

⁷ Ср: "... культура, мыслимая как "ряд" (вспомним Ю. Тынянова), либо как мозаика социальных норм и ценностей, реализуется через индивидуальные действия" [21: с.22].
138

что, по данным РАС, стимул "немецкий" вызвал реакции "фашист, фронт").

Таким образом, все феномены, которые могут быть признаны прецедентными в широком смысле, стереотипными, подразделяются нами на два класса: собственно-прецедентные феномены и собственно-стереотипы; каждый из этих классов делится на несколько подклассов. На схеме это выглядит следующим образом (см. схему):

Схема. Типы феноменов.

Приведём ещё несколько примеров из числа фрейм-структур, обнаруженных нами в РАС. Мы приводим не всю статью, а только те проявления фрейм-структур, которые нам кажутся релевантными в данном случае; более того, по возможности мы попытались сгруппировать различные ответы-реакции на основании какого-либо признака. Например:

- гора*
- Магомет; Магомета; и Магомет; к Магомету; не идёт; идти; магометова; не идёт к Магомету; пошла к Магомету; с плеч; с горой; с горой не сходится; мышь; и мышь;
 - Высоцкий; лучше гор могут быть только горы;
 - Голгофа; Илионская; Сион; Христос;
 - медная; самоцветов⁸;
 - Сим-Сим;
- девушка*
- моей мечты;
 - и смерть;
 - Ренуар;
 - с веслом;

⁸ Возможно, имеет место ассоциация через "Хозяйку Медной горы".

<i>дядя</i>	- Ваня; - Стёпа; милиционер; Фёдор; - самых честных правил; Онегин; Пушкин; - Сэм;
<i>ель</i>	- Новый год; новый; новогодняя; к Новому году; праздник; отдых; зимняя; зима; под снегом; заяц ⁹ ; - Гёте; - Михайловское; Пушкин;
<i>жизнь</i>	- прекрасна; прекрасна и удивительна; - малина; бьёт ключом; - хороша; хорошо; - прожить; прожить, не поле перейти;, поле; не поле перейти; - Клима Самгина; - без конца; без края; - за царя; - и слёзы; - иль ты приснилась мне!; - моя жестянка; - на Марсе; - я люблю тебя;
<i>зеркало</i>	- Тарковский; Тарковского; - для героя; героя; - русской революции; - пенять; - сказка; сказка Пушкина;
<i>картина</i> ¹⁰	- корзина; - Гранин; Гранина; Д. Гранин; по Гранину; - Пушкинский музей; Эрмитаж;
<i>квадрат</i>	- чёрный; красный; Малевича; Малевич; нарисован; нарисованный; рисунок; чёрный Малевича; - Пифагор; Платон;
<i>кузница</i>	- счастья; кадров; жизни; знаний; идей; науки; рекордов; (и

⁹ Возможно, имеет место ассоциация через детскую песенку “В лесу родилась дочка” (“Под нею зайчик серенький...”).

¹⁰ Следует отметить, что данная статья РАС содержит немало им. н художников, которые, как и “именной список” РАС в целом, могут явиться, на наш взгляд, предметом особого рассмотрения. В настоящей же статье мы приводим только те имена, которые являются прецедентными (в нашем понимании) или за ними стоит прецедентный феномен, служащий основанием той или иной фрейм-структуры.

	т.п.); здоровья; здравницы;
	- цыган; Будулай;
	- Гефест; Гефеста;
	- Вакула;
<i>мучение</i>	- Христа; Христос; Бог; во спасение; Господне; крест; святого;
	- Достоевский;
	- Афганистан;
	- Гамлета;
	- звёздные войны;
	- Зерро;
	- Сизифа;
	- хождение по мукам;
<i>нос</i>	- Гоголь; Гоголя; Н.В. Гоголь; Петербург; писатель; у Гоголя;
<i>(носам;</i>	Шинель;
<i>носам;</i>	но-
<i>сами;</i>	носов;
<i>носом;</i>	но-
<i>су)¹¹</i>	(<i>носам</i>) не верь своим; (<i>носом</i>) по ветру; (<i>носу</i>) не подточит;
	(<i>носов</i>) писатель; Незнайка; Николай ¹² ; писатель детский; рассказ; рассказы; Фантазёры;
<i>оковы</i>	- тяжкие; падут; тяжкие падут; Пушкин.

Представленные ряды содержат фрейм-структуры, за которыми стоят прецедентные феномены (напр., *Христос* и всё, что с ним связано; писатели: *Пушкин*, *Гоголь*, *Достоевский*, *Носов* и др. — и их произведения, а также представления о них), стереотипы (напр., “*новогодние*” ассоциации на слово-стимул “*ель*”; “*национальные*” ассоциации на слово-стимул “*нос*”), а также штампы (напр., *гора — Магомет и т.д.; с плеч; жизнь — малина*).

Итак, что же необходимо для адекватной коммуникации? Совершенно очевидно, что “для общения коммуникантам необходима общность знаковых средств и определённая общность социального опыта”.

¹¹ Мы приводим в правой колонке слово-стимул только в том случае, если это представляется нам релевантным. Например, только форма “носов” даёт реакцию через омонимичную данной форме фамилию известного детского писателя. Такая же картина наблюдается и в случае с реакциями “не верь своим” (через штамп “не верь *глазам* своим”), “не подточит” (через “комар носа не подточит”).

¹² Мы сочли возможным воспроизвести этот ответ, т.к. имя писателя Носова — Николай. Однако, учитывая, что это — единичная реакция, мы признаём вероятность и иной ассоциации.

И хотя “последняя никогда не бывает полной” [26: с.146], всё-таки можно говорить о потенциальной возможности зоны пересечения ИКП коммуникантов, достаточной для адекватной коммуникации. Более того, зачастую наблюдается такое взаимопонимание коммуникантов, которое часто называют пониманием с полуслова. Очевидно, это связано с тем, что “идеальная коммуникационная ситуация возникает не тогда, когда смысл и содержание совпадают (это, видимо, в принципе невозможно), но когда хорошо согласуются содержание, вкладываемое в текст автором, и извлекаемая адресатом семантическая информация. Для этого нужно не только и не столько наличие у автора и адресата общей структуры поля значений, сколько общность отмеченных элементов в этом поле”, однозначно выделяемых участниками коммуникации элементов — “фокальных точек”. Последние “связаны не с языком, а с речью, с конкретной коммуникативной ситуацией” [28: с.33-34]. Мы считаем, что “идеальная” ситуация общения имеет место именно тогда, когда у коммуникантов максимально широкая пресуппозиция (что возможно при “совпадении” коллективных когнитивных пространств и активизации одних и тех же участков когнитивной базы), которая и позволяет им “отмечать” одни и те же “фокальные точки”. И тогда, в таких ситуациях “для выражения своей мысли, иногда достаточно сложной, говорящий употребляет условный знак-сигнал, который понятен слушающему в силу его знакомства с конситуацией, общности каких-то предварительных сведений, разъясняющего жеста и т.п. По существу мы имеем дело с явлением, при котором происходит сплав (синтез) звуковой речи и невербальных средств коммуникации (общности апперцепционной базы¹³ и/или конситуации, иногда жеста)” [9: с.64-65] (выделено нами — В.К.).

Предложенная нами статья содержит сугубо теоретические выкладки и некоторые наши размышления о том, что обуславливает национальную специфику коммуникативного поведения “человека говорящего”. В целом следует отметить, что статья скорее ставит вопросы, нежели предлагает какие-либо их решения, т.к. затронутые проблемы еще только ждут своего разрешения. Сама же проблематика представляется нам весьма актуальной, поскольку фрейм-структуры и стоящие за ними прецедентные (в самом широком смысле) феномены, их определенное сочетание, сплав и составляют ту призму, тот “магический кри-

¹³ *Общность апперцепционной базы* понимается как наличие общих предварительных сведений, общего житейского опыта у собеседников [9: с.8]. Следствие — многое можно не называть, не объяснять, оставлять невыраженным.

сталл”, сквозь который мы смотрим на окружающий мир и оцениваем его. Знание описываемых феноменов коммуникантами обуславливает успешное протекание коммуникации при использовании максимально точных, емких и экономных средств выражения мыслей и самовыражения.

Л и т е р а т у р а

- [1] *Вежбицка А.* Язык. Культура. Познание. М., 1996.
- [2] *Выготский Л.С.* Мышление и речь, М.-Л., 1934.
- [3] *Гудков Д.Б.* Структура и функционирование двусторонних имен (к вопросу о взаимодействии языка и культуры) // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1994. №6.
- [4] *Гудков Д.Б., Красных В.В.* Русское культурное пространство и межкультурная коммуникация. Доклад на Ломоносовских чтениях, филологический факультет МГУ, 1996. В печати.
- [5] *Дергачева Л.А.* Исследование взаимоотношения образа и слова в обобщении // Проблема модели в философии и естествознании. Фрунзе, 1969. С. 25-31.
- [6] *Дридзе Т.М.* Язык информации и язык реципиента как факторы информированности // Речевое воздействие. Проблемы прикладной психолингвистики. М., 1972. С. 34-80.
- [7] *Захаренко И.В.* Прецедентные высказывания и их функционирование в тексте // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М., 1997. С. 92-99.
- [8] *Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В.* Прецедентное высказывание и прецедентное имя как символы прецедентных феноменов (см. наст. сб.)
- [9] *Земская Е.А.* Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1979.
- [10] *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987.
- [11] *Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Багаева Д.В.* Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации. В печати.
- [12] *Красных В.В.* В поисках “магического кристалла” (к вопросу о фрейм-структурах сознания) // Сопоставительная грамматика и теория коммуникации. М., 1997. С. 34-46.
- [13] *Красных В.В.* Иван Сусанин умывает руки (о макрокогнитивном аспекте дискурса в политической сфере) // Политический дискурс в России. Материалы рабочего совещания. 30 марта 1997 г. М., 1997. С. 36-41.
- [14] *Красных В.В.* К вопросу о русской когнитивной базе и русском культурном пространстве // Сопоставительная грамматика и теория коммуникации. М., 1997. С. 23-33.
- [15] *Красных В.В.* Коммуникация в свете лингво-когнитивного подхода // Функциональные исследования: Сборник статей по лингвистике. М., 1997. Вып. 3. С. 67-83.
- [16] *Красных В.В.* О чём не говорит “человек говорящий” // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М., 1997. С. 81-91.
- [17] *Красных В.В.* Человек умелый. Человек разумный. Человек... “говорящий”? (некоторые размышления о языковой личности и не только о ней) // Функциональные исследования: Сборник статей по лингвистике. М., 1997. Вып. 4. С. 50-56.

- [18] *Леонтьев А.А.* Язык не должен быть “чужим” // Этнопсихолингвистические аспекты преподавания иностранных языков. М., 1996. С. 41-47.
- [19] *Леонтьев А.А.* Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969.
- [20] *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. М., 1972.
- [21] *Панков А.В.* Разгадка М.Бахтина. М., 1995.
- [22] *Прохоров Ю.Е.* Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 1996.
- [23] *Русский ассоциативный словарь.* М., 1994, 1996.
 Книга 1. Прямой словарь: от стимула к реакции.
 Книга 2. Обратный словарь: от реакции к стимулу.
 Книга 3. Прямой словарь: от стимула к реакции.
 Книга 4. Обратный словарь: от реакции к стимулу.
- [24] *Сорокин Ю.А.* Стереотип, штамп, клише: к проблеме определения понятий // Общение: теоретические и прагматические проблемы. М., 1978. С. 133-138.
- [25] *Сорокин Ю.А.* Этническая конфликтология. Самара, 1994.
- [26] *Тарасов Е.Ф.* Статус и структура теории речевой коммуникации // Проблемы психолингвистики. М., 1975. С. 139-150.
- [27] *Телия В.Н.* Роль образных средств языка в культурно-национальной окраске миропонимания // Этнопсихолингвистические аспекты преподавания иностранных языков. М., 1996. С. 82-89.
- [28] *Шрейдер Ю.А.* Семантическая информация и принцип фокализации // Проблема модели в философии и естествознании. Фрунзе, 1969. С. 32-48.
- [29] *Язык и сознание: парадоксальная рациональность.* М., 1993.

К вопросу об основаниях дифференциации текстов

© *Е.В. Одинцов, О.А. Одинцова, 1997*

60-80е годы в лингвистике, помимо прочего, были ознаменованы целенаправленным и плодотворным изучением функционально-стилистической дифференциации русского языка (см., напр.: В.В. Виноградов [2], В.Г. Костомаров [5], Р.А. Будагов [1], М.Н. Кожина [4], О.А. Крылова [6], Е.А. Земская [3], О.Б. Сиротинина [11] и др.). При этом, несмотря на многообразие различных, порой диаметрально противоположных, точек зрения, большинство исследователей сошлось в том, что в рамках литературного языка существует ряд функциональных подсистем, основными из которых являются (в разной терминологии) разговорный стиль, язык художественной литературы и книжные стили: научный, официально-деловой, газетно-публицистический. В классификации стилей наибольшую известность получил “двуединый” критерий, согласно которому функциональный стиль выделяется как на основе экстралингвистического фактора (сфера общественной деятельности, в которой реализуется тот или иной стиль), так и на собственно лингвистической основе (репертуар языковых средств, обслуживающих данный стиль).

Вместе с тем, оба эти фактора могут и должны быть подвергнуты сомнению. В первую очередь, остается неясным, где проходят границы тех сфер общественной деятельности, которые обычно отмечаются исследователями. Отсюда и размытость стилиевых границ, неопределенность статуса многих речевых жанров. Какие, например, стили проявляются в таких жанрах, как научный диспут, лекция, публичное выступление, политическое заявление, частное письмо, телеинтервью, радиопередача, спортивный телекомментарий, рекламное сообщение, проповедь, деловое письмо, деловые переговоры и т.д.? В работах по стилистике нет однозначного ответа на этот вопрос. Как правило, в таких случаях исследователи говорят о промежуточных явлениях, межстилевых жанрах и т.п., однако глубокого и всестороннего языкового анализа этих явлений в литературе мы не находим.

Еще больше сомнений вызывает тезис о лингвистической обеспеченности функциональных стилей. Непредвзятый анализ языкового материала показывает, что четкая функционально-стилистическая дифференциация русского языка просматривается преимущественно только

на уровне лексики (где в наибольшей степени отражается предметная сфера), однако во многих работах этого оказывается достаточно, чтобы постулировать наличие в языке того или иного количества функциональных стилей. Языковые средства иных уровней (включая словообразовательные типы) на основной стилистической оси русского языка могут быть маркированы либо как разговорные, либо как нейтральные, либо как книжные. Поэтому не случайно, что и в теоретической литературе, и в учебниках для студентов-иностранцев одни и те же лингвистические средства (например, употребление девербативов и, как следствие, образование цепочек родительного падежа) оказываются стилиобразующими сразу для нескольких функциональных стилей (см., напр.: Н.А. Лобанова, И.П. Слесарева [9]).¹

Для подтверждения данного тезиса можно провести следующий эксперимент. Возьмем в качестве примера небольшой отрывок из книги О.А. Лаптевой "Русский разговорный синтаксис", типичный для научного стиля, и выделим в нем лексические средства терминологического характера:

"Рассмотрим сначала те случаи, где есть те или иные свидетельства усиления значения прилагательного за счет значения существительного, концентрации общего значения атрибутивной группы в прилагательном. Прежде всего это многочисленные краткие вопросительные реплики с ярко выраженной ситуативной прикреплённостью..."

Заменяем выделенные слова и словосочетания другими, оставив в неприкосновенности морфолого-синтаксическую структуру текста:

Возьмем сначала те случаи, где есть те или иные свидетельства усиления роли лидера за счет других членов группировки, концентрации общей власти в руках одного человека. Прежде всего это многочисленные мелкие политические партии с ярко выраженной оппозиционной направленностью...

Показательно, что, хотя научный текст обладает наиболее яркими (по сравнению с другими книжными стилями) отличительными признаками, иными словами, он наиболее "узнаваем", тем не менее, замена

¹ В этом же учебнике именные группы с предлогами **в связи** и **ввиду** даются с пометой "часто в официально-деловом стиле", конструкции с предлогом **в силу** с пометой "часто в научном и официально-деловом стилях", а именные группы **вследствие** + **род.падеж** и **в результате** + **род.падеж** с пометой "обычно в научном, публицистическом и официально-деловом стилях" [9; с.120].

только терминологической лексики приводит к полной смене его функционально-стилистической окраски, к полной стилевой переориентации текста: так, трансформированный фрагмент в равной мере может быть включен в газетную статью, заметку, радиопередачу, телеинтервью, информационно-аналитическую или информационно-публицистическую телепрограмму и т.д., то есть в целый ряд как письменных, так и устных речевых жанров.

Другой пример. Яркими стилеобразующими чертами научного стиля обычно признается наличие в тексте форм настоящего вневременного и пассивных конструкций (чаще — с опущенными формами обобщенного субъекта). Вместе с тем, названные черты могут быть обнаружены, помимо научных, в целом ряде речевых жанров, в которых “производитель” текста оперирует ментальными фактами, не локализованными во времени и пространстве:

От двух до семи овощных компонентов закладываются так, чтобы они были сходны по времени их варки; например, все корнеплоды закладываются одновременно и раньше, чем капуста и другие нежные овощи... Приведенный типовой порядок варки супов дает возможность каждому человеку приготовить по крайней мере два десятка различных супов разного состава, консистенции и вкуса (В.В. Похлебкин. Тайны хорошей кухни, М., 1985, стр. 114).

Условия договора, ущемляющие права потребителя по сравнению с правилами, установленными законами или иными правовыми актами Российской Федерации в области защиты прав потребителей, признаются недействительными (Закон о защите прав потребителей, статья 16).

Исследователи не могли не чувствовать отмеченную выше недостаточную различительную силу постулируемых “собственно лингвистических” стилеобразующих признаков, поэтому многие из них пошли по интересному пути количественного исчисления употребительности языковых единиц в различных функциональных стилях. Так, по подсчетам М.Н. Кожинной, инфинитив в официально-деловом стиле соотносится с другими глагольными формами в пропорции 5:1. Аналогичные подсчеты на материале разговорной речи проводит О.Б. Сиротинина. Она отмечает, например, что в обиходно-разговорном стиле употребительность глагольных форм настоящего времени составляет 40%, прошедшего — 47,2%, будущего — 12,8% (Сиротинина [11; с.88]).

В связи со сказанным находятся два важных момента, требующие некоторых пояснений. Во-первых, можно подвергнуть сомнению точность соответствия приводимых данных, в том числе и процентных соотношений, реальному речевому материалу. В самом деле, при таком разнообразии речевых жанров, индивидуальности словоупотребления и грамматики говорящих/пишущих возможно ли исчислить с точностью до десятых долей процента употребительность какой-либо формы или синтаксической конструкции? Так, к официально-деловому стилю традиционно относят такие жанры, как закон, указ, инструкция, договор, распоряжение, заявление, докладная записка, акт, деловая переписка в учреждениях, "а также выступления на заседаниях суда, устные справки юридического характера и т.п." (Крылова [6; с.132]). Следовательно, нужно полагать, что и в указе Президента, и в обвинительной речи на суде, и в протоколе допроса, и в Гражданском кодексе РФ соотношение инфинитива и других форм глагола составит 5:1 (данные М.Н. Кожинной)? Представляется, однако, что такое соответствие возможно лишь в некоторых деловых жанрах предписующего характера; применительно к официально-деловому стилю в целом данные подсчеты, по-видимому, обладают малой познавательной ценностью. Если же речь идет о среднем статистическом употреблении для всех жанров, например, официально-делового стиля, сразу же встает два вопроса: 1. Соответствует ли банк текстов, объем текстотеки статистическим стандартам, иными словами, достаточно ли у исследователей речевого материала для выведения среднего статистического? 2. Соответствует ли познавательная ценность полученной статистической информации затраченным усилиям, иначе говоря, насколько полезны данные сведения для характеристики и анализа официально-делового стиля речи в целом и каждого из речевых жанров в отдельности?

Во-вторых (и это самое важное), когда исследователь начинает оперировать такими понятиями, как употребительность, частотность и подобными, он обязан перейти из области стилистики языка в область стилистики речи. Однако во многих работах, посвященных изучению стилей, этого не происходит. Говоря о научном стиле языка, О.А. Крылова пишет:

"Эти экстралингвистические особенности находят выражение в собственно языковых характеристиках научного стиля и обуславливают системность языковых средств, которые в нем употребляются... Научный стиль как система включает языковые единицы трех типов:

1) языковые единицы, обладающие соответствующей стилистической (точнее — функционально-стилевой) окраской. Это в первую очередь лексические единицы...

2) Языковые единицы стилистически нейтральные и свойственные в равной степени всем стилям, т.е. межстилевые единицы.

3) Языковые единицы стилистически нейтральные, но функционирующие преимущественно именно в данном стиле, — так что стилистически значимым становится их количественное преобладание в этом стиле (по сравнению с другими). Такими "количественно маркированными" единицами являются в первую очередь некоторые морфологические формы, затем-синтаксические конструкции" [6; с.102].

Подобным же образом характеризуется официально-деловой стиль:

"Систему официально-делового стиля составляют единицы трех типов:

1) имеющие окраску официально-делового стиля (лексика и фразеология);

2) нейтральные;

3) по стилистической окраске нейтральные, но по степени употребительности становящиеся приметой данной языковой системы" [6; с. 132-133].

Представляется странным, что О.А. Крылова (как и ряд других исследователей), справедливо замечая, что принятая функционально-стилистическая классификация находит опору преимущественно только на уровне лексики, тем не менее определяют функциональный стиль как языковую подсистему. Иными словами, в ряде работ постулируется языковая сущность выделяемых функциональных подсистем (стилей), тогда как анализ реального языкового материала доказывает как раз обратное.

Суммируя сказанное, можно сделать некоторые выводы.

Если оставить в стороне язык художественной литературы как особую сферу, в которой раскрываются изобразительные ресурсы языка и в которой языковые средства "живут" по специфическим законам художественного творчества, функционально-стилистическая система русского языка в самом общем и несколько упрощенном виде может быть представлена следующим образом.

В языке существует три функциональных стиля, находящихся лингвистическую опору на всех языковых уровнях: разговорный, нейтральный и книжный (термин "книжный" условен: книжные единицы могут быть представлены и в устной форме общения). На уровне речи, в определенных речевых жанрах, происходит отбор языковых средств в соответствии с ситуацией общения, их лексическое наполнение. Именно лексика в первую очередь становится основой того явления, которое мы

называем стилями речи. При этом, если некоторые из этих стилей более стандартизованы, легко “узнаваемы” (научный стиль), то другие в большей степени привязаны к ситуации общения, к речевым жанрам (стиль информационных телепередач, стиль спортивного комментария, стиль рекламы, стиль обвинительной речи на суде и проч.). Здесь, как кажется, ближе к истине были те исследователи, которые шли по пути выделения функциональных подстилей (например, подстилей передовицы, очерка, фельетона и т.д. в газетном стиле). Впрочем, в различных коммуникативных условиях многие речевые жанры допускают свободное сочетание и взаимодействие элементов разных стилей языка: это происходит, в частности, если традиционно книжные стили проявляются в устной форме общения (жанры научного диспута, телеинтервью, деловой беседы и др.). Кроме того, следует иметь в виду, что сама система речевых жанров за последние годы претерпела значительные изменения. Так, газетный стиль, который и в былые годы не обладал стилистической однородностью, в настоящее время оказался полностью разрушенным: сейчас можно говорить в большей степени не о стилях газетных жанров, а о стилях отдельных газет и журналов. С другой стороны, в последнее время активно формируются многие жанры обиходно-делового стиля (деловое письмо, деловая беседа и т.д.), да и сам обиходно-деловой стиль, выделенный еще В.В. Виноградовым (в классификации стилей на основе функций языка) и впоследствии незаслуженно забытый [2; с.6], все больше претендует на статус стилистически однородной речевой подсистемы.

Возникает вопрос: могут ли быть найдены (при существующей лингвистической необеспеченности понятия “функциональный стиль” и трудноисчислимом количестве речевых жанров) иные основания для типологии текстов? Логично предположить, что ответ на этот вопрос следует искать не столько в разграничении сфер общественной деятельности человека, сколько в анализе логико-смысловых и коммуникативных интенций языковой личности, которые не могут не отражаться в языковом наполнении продуцируемого текста.

Плодотворной представляется идея Г.А. Золотовой (см., например: [7; с.348-356]; [8; с.65-73]) о коммуникативных типах текста, или регистрах, восходящая еще к работам В.В. Виноградова (напр., “Стиль ★Пиковой дамы ☺”), осмысливающим роль категории времени в организации текста. “В понятии регистров обобщается соотношение структурно-семантического типа предложения с точкой зрения говорящего и его коммуникативными интенциями” [8; с.67], а также “совокупность

языковых средств всех “уровней”, которые позволяют реализовать эту модель в конкретном фрагменте текста” (Онипенко [10; с.74]). Для коммуникативных регистров существенным оказывается степень удаленности (абстрагированности) “говорящего лица” от отображаемого в речи события (факта), определяющая выбор языковых средств, основными из которых (для регистровой отнесенности), наряду с референтным/нереферентным статусом имен, являются видо-временные формы глагола.

В разговорной речи говорящий часто находится в позиции непосредственного наблюдателя событий или представляет события как наблюдаемые, поэтому в его речи могут преобладать формы настоящего актуального или настоящего исторического (*praesens historicum*). В терминологии Г.А. Золотовой, это репродуктивный коммуникативный регистр. Кроме того, в условиях перцептивного присутствия говорящего и наличия невербальных средств выражения, яркой чертой разговорности становится конситуативность речи, речевой ситуативный эллипсис.

В научных текстах (а также в ряде деловых и публицистических жанров, где описываются не локализованные во времени события), ситуация прямого наблюдения, как правило, бывает исключена; говорящий/пишущий мыслит отвлеченно, на уровне рассуждений, умозаключений, оперирует ментальными фактами. Отсюда и употребление настоящего всевременного в генеритивном регистре и настоящего постоянного (*Наречия не изменяются*) в информативно-описательном регистре.

Деловые документы (указы, законы, инструкции и под.) предполагают волеизъявление, предписание (настоящее предписания и инфинитив в волюнтивном регистре речи). В некоторых прескриптивных жанрах (кулинарная книга, инструкция по эксплуатации и проч.) настоящее всевременное составляет основу прескриптивной разновидности информативного регистра.

В жанре репортажа говорящий вновь занимает позицию наблюдателя, помещает себя в хронотоп событий, и его речь переходит в сферу репродуктивного регистра, что автоматически приводит к частотности “настоящего репортажного”.

Концепция речевых регистров позволяет по-новому посмотреть на типологию речи, уйти от бесплодного стремления “привязать” вычленимые с той или иной степенью достоверности речевые подсистемы к различным сферам общественной деятельности людей. Г.А. Золотова пишет: “... Типология речи имеет своим объектом и первоочередной задачей собственно лингвистические *что* и *как*: типовое содержание

речевых актов и языковые средства, предназначенные для его выражения в тех или иных композиционно-смысловых единствах. Выявление их позволит выйти и за пределы собственно лингвистических задач” [7; с.356].

Л и т е р а т у р а

1. *Р.А. Будагов*. Литературные языки и языковые стили. М., 1967.
2. *В.В. Виноградов*. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963.
3. *Е.А. Земская*. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1979.
4. *М.Н. Кожина*. Стилистика русского языка. М., 1977.
5. *В.Г. Костомаров*. О разграничении терминов “устный” и “разговорный”, “письменный” и “книжный”. // “Проблемы современной филологии”. М., 1965.
6. *О.А. Крылова*. Основы функциональной стилистики русского языка. М., 1979.
7. *Г.А. Золотова*. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
8. *Г.А. Золотова*. “Коммуникативная грамматика”: идеи и результаты. // Русистика сегодня, № 3, 1994.
9. *Н.А. Лобанова, И.П. Слесарева*. Учебник русского языка для иностранных студентов-филологов. 4-5 годы обучения. М., 1988.
10. *Н.К. Онитенко*. Идея субъективной перспективы в русской грамматике. // Русистика сегодня, № 3, 1994.
11. *О.Б. Сиротинина*. Современная разговорная речь и ее особенности. М., 1974.

К вопросу о содержательном компоненте и основных смысловых разновидностях как факторе, обуславливающем регулярные реализации биноминативных предложений

© кандидат филологических наук В.Т. Марков, 1997

Биноминативные предложения являются частотным и продуктивным классом предложений в русском языке, дающим многочисленные регулярные реализации, например:

Отец был (будет) учителем.

Отец стал учителем и т.п.

Данный тип предложений традиционно привлекал внимание лингвистов [1]. В АГ-80, например, предложения типа:

Отец – учитель

рассматривались среди предложений (Структурная схема (N_1-N_1)), наполнение компонентов которых не ограничено лексически: место как подлежащего, так и сказуемого может быть занято любым существительным [2]. Затем, однако, авторы утверждают менее категорично: "те или другие лексические ограничения могут определяться семантической структурой предложения" [3]. Наши наблюдения показали, что регулярные реализации определяются семантическими классами и разновидностями биноминативных предложений.

Биноминативное предложение, очевидно, является языковой универсалией, характерной для разных языков. В то же время ряд языковых систем дают разные возможности передачи смысла, выражаемого биноминативным предложением. Например:

Строитель гнезда – ласточка.

Медведь – разоритель ульев

возможны в русском языке, но невозможны, к примеру, в китайском и корейском [4].

Вместе с тем несмотря на универсальный характер данная группа предложений представляет собой некоторые трудности в преподавании русского языка как иностранного, потому, например, что биноминативные предложения не являются замкнутой, изолированной системой, основная модель данного класса предложений расширяется за счет использования глаголов-связок типа: является, представляет собой, считается, называется, оказывается и "семантических прокладок", например, как бы, словно, так сказать, нечто вроде и др. Поэтому преподавателю

при работе над данным материалом приходится заниматься не только методической работой, но и научной, определять условия функционирования глаголов-связок, т.е. составлять семантическую классификацию биноминативных предложений. Данные проблемы уже затрагивались в исследованиях, посвященных собственно биноминативным предложениям, в частности использованию связок [5], так и в работах, посвященных метатекстовым средствам [6].

На наш взгляд, адекватно описать биноминативные предложения можно только на основе анализа семантической структуры высказывания, основанной на классификации, согласно которой биноминативные предложения делятся на две группы:

А. Субъект и его характеристика через присущий или приписываемый признак (установление признака):

Отец – учитель.
Медь – красный металл.
Ромка – спаниель.

Б. Субъект и его характеристика через отношение к другому лицу, предмету, явлению (установление отношений). Например:

Иван – брат Павла.
Жизнь – это театр.

А. Субъект и его характеристика через присущий или приписываемый признак.

Данная ситуация представлена следующим разнообразием:

1. Квалификация
2. Перевод
3. Номинация

1. Отношение квалификации являются самыми частотными. Имена участников ситуации выражают

1) изосимично

а) лицо и сообщаемый ему признак:

Портье гостиницы – малец (К.Г. Паустовский).
Наш Ромка – еще щенок.

б) предмет и сообщаемый ему признак:

По форме Керны – небольшие цилиндры (В.А. Катаев).
Весы – равноплечный рычаг.
Самолет "МГ" – гигант.

2) неизосимично, когда субъект выражается именем лица, а предцизируемый признак

а) оценочным словам:

Ах, какая ты сегодня красавица! (Ф.М. Достоевский).
=Ты очень красивая.

Она сплетница (Ф.М. Достоевский).
 =Она сплетничает.
 Актер Михаленко – циник.
 =Он цинично относится к людям.

б) словом, обозначающим абстрактное качество субъекта:
 Сергей – это ум.
 =Сергей умен.
 Император – это великодушие и милосердие.
 =Император великодушен и милосерден.

В последнем случае возможно употребление классификатора:
 Император – воплощение великодушия и милосердия.
 Сергей – это сам ум.

Регулярные реализации и полузнаменательные глаголы возможны в ситуации 1.1 (имена участников выражены изосемично). Например:
 Лариса была официанткой (В.С. Маканин).
 Керны представляют собой цилиндры.
 Самолет "МГ" является гигантом.

Кроме того, регулярные реализации и полузнаменательные глаголы-связки возможны в ситуации 1.2., но только если предцизируемый признак выражен оценочным словом:
 Панов был умницей (В.С. Маканин).
 Она стала сплетницей.
 Грузов считался в гимназии силачом (И.А. Куприн).

Регулярные реализации и полузнаменательные глаголы-связки невозможны, если предцизируемый признак выражен словом, обозначающим абстрактное качество субъекта:
 * Сергей – это будет ум.
 * Император является великодушием и милосердием.

Только использование классификатора дает возможность употребить глаголы-связки:
 Император считается воплощением великодушия и милосердия.
 Сергей является самим умом.

Изменение с собственно квалифицирующим (не оценочным).
 При этом отношения квалификации меняются на отношения идентификации:
 Официантка – Лариса.
 Равноплечный рычаг – это весы.

Оценочное имя в этом случае утрачивает оценочную семантику и приобретает значение прямого указания на обозначаемый объект: [7]
 Силач – это Грузов.

С именем абстрактного качества изменение порядка слов невозможно:

* Ум – это Сергей.

2. Перевод устанавливает отношения между двумя участниками ситуации – словами, обозначающими одно и то же содержание. Обязательно употребление показателя смысловых отношений типа: слово, название, показывающих, что компонент – часть языкового кода:

Слово "шейп" – это форма.

Слово "теле" – это передача на расстояние.

Название Сеймчан – это Солнечная долина.

Полное предоставление ситуации предполагает указание на сферу употребления второго обозначения, по-английски / с английского и специфичных для данной группы глаголов-связок значить (означать) и переводиться:

Название города Саратов с тюркского переводится "чистая вода" или "красивая гора".

Слово "гапки" по-польски означает "фуражки".

Слово "католикос" переводится с греческого "всеобъемлющий".

Глагол-связка может предоставлен в виде показателя отношений – выражения в переводе:

Слово "панк" в переводе означает "шпана", "хулиган".

Слово "Мрия" в переводе с украинского означает "мечта"[8].

Изменение порядка слов невозможно из-за показателя смысловых отношений:

* Форма – это слов "шейп".

3. Номинация устанавливает отношения между субъектом и его именем. Ядром для данной ситуации является разновидность ситуации – сообщение о лице и его имени. Компоненты ситуации: ономастик, имя лица и показатель смысловых отношений типа: имя, фамилия, прозвище и т.п.

Его имя – Петр.

Прозвище Болдохи – Дылда (В.А. Гиляровский).

По этому же типу строятся отношения между субъектом и именем-топонимом, зоонимом и т.п. с показателем смысловых отношений: название, имя, кличка:

Название реки – Волга.

Где ж та деревня? – Далеко, имя ей – Тарбагатай (Н.А. Некрасов).

Кличка собаки – Жучка.

Возможны регулярные реализации с глаголом быть:

Его имя будет Петр.

Название деревни было Жеребцы.

Изменение порядка слов не меняет актуального членения высказывания: рема меняется местами с темой. Такое построение является ситуативно обусловленным [9].

Б. Субъект и его характеристика через отношение к другому предмету, лицу или явлению – центральная область биноминативных предложений. Данная ситуация представлена двумя видами отношений, которые в логике принято называть отношениями невключения, когда один из участников ситуации относится к другому как часть к целому, и невключения, когда сравниваются или отождествляются два участника ситуации.

1. Отношения включения представлены двумя типами отношений:

1.1 подкласс и его отношение к классу

1.2 толкование

1.1 подкласс и его отношение к классу:

Медь – металл.

Капуста – овощ.

Осел – домашнее животное.

В этих предложениях слова металл, овощ, животное – показатели смысловых отношений – имена классов.

1.2 Толкование, когда показатели смысловых отношений выступают с конкретизаторами:

Медь – металл красного цвета, хороший проводник электричества и тепла.

Пожня – пойма реки, которая заливается водой.

Лога – скошенная на сено трава.

Обе разновидности ситуации допускают использование глаголь-связок:

Капуста представляет собой овощ.

Медь является металлом.

Разновидность ситуации 1.2. /толкование/ допускает использование глагола-связки называться, именоваться:

Логой в деревне называется скошенная на сено трава.

глагола обозначаться с показателем сферы употребления у нас, в физике и показателей смысловых отношений слов, термин:

Слово бриза обозначает северо-восточный пассат.

Фликами именуют полицейские патрули во Франции.

Первая разновидность ситуации допускает специфический глаголь-связку относится/принадлежать:

Медь относится к металлам.

Аргон принадлежит к инертным газам.

Изменение порядка следования компонентов в обоих случаях меняет смысловые отношения толкования на отношения идентификации:

Этот металл – медь.

Это животное – осел.

Эта скошенная трава и есть лога.

2. Ситуация невключения представлена двумя разновидностями:

2.1. сравнение

2.2 отождествление.

2.1. Сравнение. Разные участники ситуации сопоставляются на основе общих свойств:

Государство – это многоэтажный дом.

Рыночная экономика – это гигантский компьютер.

Грамматика – это машина, которая умеет отличать правильное от неправильного.

Участники ситуации выражаются, как правило, именами разных классов:

предметными (компьютер, дом, машина) и абстрактными (экономика, государство, грамматика). Изменение порядка слов в отличие от ситуации 1, невозможно:

*Дом – это государство.

*Машина – это грамматика.

*Компьютер – это рыночная экономика.

Возможно модусное осложнение ситуации, например, отношения могут приобретать характер условного сравнения (модусное средство как бы):

Каждое коллагеновое волокно в роговице – это как бы веревка, скрученная из нитей аминокислот.

Момент истины – это как бы политический театр.

Постоянная Планка – это как бы "мостик", соединяющий характеристики двух представлений о материи как частице и как о волне.

Государство – это как бы многоэтажный дом.

Грамматика – это как бы машина.....

Рыночная экономика – это как бы гигантский компьютер.

Метатекстовое средство допускает использование вспомогательных глаголов-связок:

Государство представляет собой как бы многоэтажный дом.

Рыночная экономика является как бы гигантским компьютером.

Постоянная Планка служит как бы "мостиком", соединяющим характеристики двух представлений о материи.

2.2 Отождествление. Разные участники ситуации отождествляются на основании

2.2.1. референтного тождества, т.е. тождественного обозначения одного и того же референта

2.2.2. тождества двух референтов.

2.2.1. Разновидность ситуации делится на

1) интерперсональные предложения и предложения, составленные по аналогии с ними:

Петя – брат Васи.
 Дельвиг – друг Пушкина.
 Это здание – филиал Малого театра.
 Этот камень – кусок метеорита.

Возможны глаголы-связки, особенно со специфическими "бытийным" значением:

Петя был братом Васи.
 Дельвиг стал другом Пушкина.

Изменение порядка слов означаетмену смысловых отношений (на отношении идентификации):

Друг Пушкина – Дельвиг.
 Филиал Мало театра – это здание.

2) предложения двойной номинации референта:

Эллипс – это овал.
 Аллигатор – это крокодил.
 Бегемот – это гиппопотам.

Возможно употребление специфического маркера отношений то же самое:

и показателя смысловых отношений – имени класса:

Эллипс – это то же самое, что и овал.
 Аллигатор – это то же самое, что крокодил.
 Бегемот – это то же самое животное, что и гиппопотам.

Изменение порядка слов возможно и зависит от степени неизвестности одного из обозначений:

Гиппопотам – это бегемот.

Смысловые отношения при этом не меняются.

2.2.2. Тождество двух референтов выражается неизосемично.

Изосемической является конструкция с глаголом, Выходящая за пределы биноминативного предложения (в отличии 2.1. – ситуации сравнения):

Внутриглазная линза напоминает застывшую слезу.

Чувал напоминает камин.

Внутри биноминативного предложения эти представлены модусным осложнением ситуации (условное тождество):

Чувал – это нечто вроде камина.

Линза – это нечто вроде слезы.

Бочке – это нечто вроде бильярда на траве.

Участники ситуации представлены в отличие от ситуации сравнения именами конкретными. Поэтому невозможно использовать средство условного сравнения:

*Чувал – это как бы камин.

*Линза – это как бы слеза и т.п.

Таковы основные семантические разновидности биноминативных предложений, обуславливающие на поверхностном синтаксическом уровне разные регулярные реализации.

Л и т е р а т у р а

1. Грамматика русского языка. М. 1954. С. 418-420
Грамматика современного русского литературного языка. М. 1970. С. 551.
Русская грамматика. М. 1980. С. 278-289.
2. Русская грамматика. М. 1980. С. 278
3. Русская грамматика. См. там же
4. *Всеволодова М.В.* Теоретические модели языка. В печати.
5. *Беляева Н.* Биноминативные предложения, не допускающие полузнаменательных глагольных связок в свою структуру: Дипломная работа. МГУ. 1995.
6. *Карлина Н.Н., Марков В.Т., Шувалова С.А.* Языковые средства выражения типовых элементов содержания научного текста. МГУ. 1987.
7. *Падучева Е.В.* Прагматические аспекты связанности диалогов. Изв. АН СССР Сер. языкознания. 1982 № 4.
8. *Марков В.Т.* Синтаксические средства введения и пояснения новой номинации: Дис. ... канд. филол. наук. М. 1992.
9. *Николаева Т.М.* Сравнительная оценка ситуаций. Изв. АН СССР. Сер. языкознания. 1983. № 4.

Категория наречной темпоральности и ее речевые реализации

© кандидат филологических наук Ф.И. Панков, 1997

В последнее время возрастает интерес лингвистов к описанию русского языка в аспекте не столько формальной, сколько практической функционально-коммуникативной грамматики. Эти исследования охватывают не только формальный, но и семантический, и коммуникативный уровни языковой системы, а также речевые реализации строевых элементов языка, к которым относятся:

- 1) структура функционально-семантического поля (далее — ФСП);
- 2) совокупность строевых элементов языка, составляющих ФСП;
- 3) употребление этих строевых элементов в речи.

Среди них важное место занимают наречия с обстоятельственными значениями времени, пространства, причины, цели и т.д. Необходимость их упорядочения не столько в формальном, сколько в содержательном плане, выявление их синонимии и вариативности определяет интерес к ним как со стороны лингвистов-теоретиков, так и со стороны преподавателей-практиков. В области описания русского языка как неродного собственно теоретические исследования и наблюдения преподавателей-практиков сблизились, и в результате тесного взаимодействия теории и практики были созданы более широкие и благоприятные возможности для продвижения вперед как в области теоретических исследований, так и в области преподавания русского языка.

Необходимость дать адекватное описание обстоятельственных конструкций в функциональном аспекте, не противоречивое теоретически и позволяющее решить лингво-дидактические проблемы презентации языкового материала в нерусской аудитории, предопределило наш интерес к категории времени, а в рамках этой категории — к особому классу строевых элементов русского языка — темпоральным наречиям (далее — ТН).

ФСП времени рассматривается нами не как моноцентрическая [1], а как полицентрическая структура по отношению к обширному кругу явлений, синтезирующих в себе разнородные проявления темпоральных отношений. ФСП времени состоит из сегментов (микрочастиц), соответствующих временным характеристикам, в каждом из которых существует своя доминанта. Структуру ФСП времени можно представить следующим образом:

1. Микрополе “прошлое/настоящее/будущее” (темпоральность [1]).
2. Микрополе “одновременность / разновременность” (таксис [1]).
3. Микрополе “протяженность времени” (дуративность).
4. Микрополе “кратность / однократность” (фреквентативность).

Рассматриваемая нами категория наречной темпоральности является ядром сегментов кратности/однократности и протяженности времени, а также периферией сегментов прошлого/настоящего/будущего и одновременности /разновременности. Наречная темпоральность, таким образом, покрывает несколько сегментов ФСП, однако представляет собой целостную, единую систему, отличную от системы именной темпоральности.

Наиболее важными оказались следующие признаки, служащие основанием разбиения множества ТН: указание на факт соотнесенности действия с темпоральным (временным) ориентиром, отношение к кратности, характер темпорального ориентира.

Под темпоральным ориентиром мы понимаем момент времени либо время другого действия. Момент времени — это настоящий или установленный момент [4]. Настоящий момент может быть либо моментом речи, либо моментом в тексте [2].

Все множество ТН (около 600 лексем) можно разделить на две большие группы. Основанием разбиения в первом ранге является указание на факт соотнесенности действия с некоторым временным ориентиром.

Первая группа наречий дает темпоральную характеристику действия или события безотносительно к какому-либо временному ориентиром. Это наречия типа *долго, быстро, коротко, медленно* и др. Вторая группа наречий характеризует время действия относительно некоторого временного ориентира (например, момента времени или времени другого действия). К этой группе относятся наречия типа *сейчас, раньше, потом, сегодня, вчера* и др.

Для первой группы наречий существенным оказывается признак кратности. В соответствии с этим признаком все множество ТН, характеризующих действия безотносительно к временному ориентиром, может быть разбито на два подмножества: 1.1. ТН, не-дифференцированные относительно кратности: *долго, вечно, бесконечно* и др.; 1.2. ТН, дифференцированные относительно кратности: *ежегодно, многократно, редко* и др.

Для второй группы разбиения существенным оказывается признак соотнесенности действия с некоторым моментом времени (установленным моментом или настоящим моментом) или со временем другого действия. В соответствии с этим признаком выделяются следующие

подмножества: 2.1. ТН с указанием на факт соотносительности действия с моментом времени: *давно, вчера, скоро, сейчас* и др.; 2.2. ТН с указанием на факт соотносительности действия со временем другого действия (отношения порядка): *одновременно, поочередно, сначала, потом* и др.

Каждое из полученных подмножеств в свою очередь представлено системой бинарных оппозиций. Выделенные семантические дифференциальные признаки не являются равнозначными признаками одного порядка, а строго иерархичны, составляя в рамках значения не пучок, а конфигурацию смыслов.

Выявление системы значений позволило определить наиболее существенные параметры, по которым характеризуются ТН. Основные из них следующие:

- семантика;
- оценочность (наличие/отсутствие темпоральной оценки действия);
- синтаксические позиции и сочетаемость;
- коммуникативный статус [7];
- стилистическая отмеченность.

Каждое конкретное значение в рамках системы представлено закрытым списком наречий, объединенных в синонимико-вариативные ряды. Таких значений в системе оказалось около сорока.

Анализ материала показал, что ТН в системе значений представлены на уровне не лексем, а лексико-семантических вариантов (далее — ЛСВ). Так как каждый из ЛСВ выбирает свой тип контекста, в том числе и позицию по отношению к распространяемому компоненту, наречие рассматривается в контексте как сфере реализации данного ЛСВ и определяется не только его значение, но и специфика контекста, организуемого наречием. При этом учитываются, в частности, коммуникативный статус ТН, их сочетаемость с видовыми и временными формами глаголов, с классами слов определенной семантики и т.д.

Так, наречие *однажды*, как известно, может быть реализовано в предложении двояко: во-первых, как ЛСВ *однажды 1* 'неопределенное прошлое или будущее', который в системе ТН находится в одной "ячейке" с наречиями *когда-то, некогда 1, как-то*, и, во-вторых, как ЛСВ *однажды 2* 'однократность', который занимает место в другом фрагменте системы, будучи противопоставленным наречиям *дважды, трижды, четырежды* и др., и находится в одной "ячейке" с лексемами *единожды, однократно*. Различия в значениях ЛСВ закреплены на уровне их употребления, их коммуникативным статусом. Первый ЛСВ способен занимать в предложении лишь синтаксическую позицию темы:

(1а) *Однажды я был в Киеве,*

а второй — позицию ремы:

(1б) *В Киеве я был лишь однажды,*

причем для второго ЛСВ характерно присоединение модальных ограничительных частиц *лишь и только*.

Еще пример. ЛСВ *бесконечно 1, вечно 1, всегда 1*, выражающий реальную временную протяженность однородного действия, соотносимы с омонимичными ЛСВ наречий, связанными с выражением повторяемости (*бесконечно 2, вечно 2, всегда 2*), который реализуется в другом, специфическом для него контексте и прежде всего с распространяемыми глаголами другого семного состава. Причем бесконечность временной протяженности с помощью указанных наречий выражается менее последовательно, чем повторяемость. Эти наречия реализуют ЛСВ 'бесконечно долго' обычно в позиции ремы, конца предложения:

(2а) *День тянулся бесконечно* (В. Каверин).

Позиция ТН в коммуникативной организации предложения связана и с характерным для данного значения интонационным выделением центра синтагмы:

(2а) ¹*День тянулся бесконечно.* Ср. сомнительность:

(2б) ¹?*День тянулся бесконечно.*

(3а) ²*Любите друг друга* ²*вечно/всегда!*

Возможен также перенос ремы в начальную позицию:

(2в) ¹*Бесконечно тянулся день.* Ср. сомнительность:

(2г) ¹?*Бесконечно тянулся день.*

(3б) ²*Вечно/всегда любите друг друга!*

В препозиции по отношению к распространяемому компоненту наречие *бесконечно*, если оно не выделено центром ИК, т.е. не является ремой, реализует ЛСВ 'повторяемость', если семный состав предиката содержит сему повторяемости, например:

(4) [*Я*] *думал тремя словами, бесконечно повторяя их* (М. Горький).

У наречия *вечно* в препозиции к предикату при выделении центром ИК (обычно ИК-5 или ИК-7) также представлен ЛСВ 'повторяемость' при условии, что глагол либо другой предикат способен иметь сему повторяемости. Ср.:

5/7

(5а) **Вечно** она опаздывает! Ср. невозможность:

5/7

(5б) ***Вечно** он живет!

Кроме того, ЛСВ *вечно* 2 содержит модус недовольства, отрицательного отношения говорящего к действию:

(5а) **Вечно** она опаздывает!

(5в) **Вечно** он ходит небритый! Ср. употребление *всегда* 2:

(6а) Она **всегда** приходит вовремя;

(6б) Он **всегда** чисто выбрит.

Конкретный анализ по указанным выше параметрам покажем на примере ТН, содержащих указание на факт соотносительности действия с моментом времени, передающих эксклюзивное следование действия за настоящим моментом и выражающих субъективную оценку времени действия как "близкого" по отношению к настоящему моменту. В этой "ячейке" системы оказываются ЛСВ наречий *скоро*, *близко* 2 'скоро', *вскоре*, *вскорости*, *сейчас* 2 'очень скоро', а также удвоенная адвербиализованная частица *вот-вот*.

Несмотря на некоторые различия в толковании значений этих наречий разными словарями, большая часть выделяет у них значение 'в ближайшем будущем'. Действительно, указанные ЛСВ часто взаимозаменяемы, что, несомненно, свидетельствует об их семантической близости, например:

(7а) Экзамены **близко**. Ср.:

(7б) Экзамены **скоро**.

(8а) **Скоро** все разошлись по домам. Ср.:

(8б) **Вскоре** все разошлись по домам.

(9а) **Сейчас** начнется концерт. Ср.:

(9б) **Вот-вот** начнется концерт.

Однако случаи возможной взаимозамены отдельных наречий не свидетельствуют об их полной идентичности. Случаи расхождения в семантике и употреблении лексем объясняются разными причинами. Рассмотрим ЛСВ перечисленных лексем по указанным параметрам.

1. Семантика.

Анализ семантики этих наречий показал, что степень близости/далекости временного следования действия за настоящим моментом, передаваемая ими, неодинакова. Максимальная степень "близости" выражается наречиями *вот-вот*, *сейчас* 2. Этим объясняется невозможность взаимозамены лексем в примере (10а) и (10б):

(10а) Очень **скоро** начнется концерт. Ср. невозможность:

(10б) *Очень **сейчас**/*очень **вот-вот** начнется концерт,

где налицо семантическая тавтология, поскольку *сейчас 2* или *вот-вот* и означают 'очень скоро'. Поэтому оказывается возможной взаимозамена *сейчас (вот-вот)* и *очень скоро*:

(10в) *Сейчас/вот-вот* начнется концерт.

Однако *вот-вот* и *сейчас 2* между собой также оказываются нетождественными по семантике. По-видимому, *сейчас 2* передает большую степень временной близости предстоящего действия по отношению к настоящему моменту, чем *вот-вот*. Только с *сейчас 2* возможен распространитель *прямо*: *прямо сейчас*, ср. невозможность: **прямо вот-вот*

Вот-вот, в отличие от *сейчас 2*, несет дополнительный модальный оттенок: оно указывает на предположительность возможности события с точки зрения говорящего, *сейчас* — более нейтрально и выражает уверенность говорящего в факте предстоящего события. Например:

(11) *Вот-вот* должен отец прийти.

Наличие предположительности в предложениях с *вот-вот* часто эксплицируется в виде вводных слов и конструкций типа *кажется, возможно*:

(12) *Лучшие дни для них, возможно, вот-вот* настанут.

Поэтому для *вот-вот* нехарактерно употребление в предложениях, где говорящий сообщает о собственном намерении совершить действие. Здесь предположение неуместно, например:

(13а) **Вот-вот* пойду в буфет. Ср. возможность:

(13б) *Сейчас* пойду в буфет.

2. Оценочность.

Для ТН с данным семным составом существенным является характер оценки — относительной или абсолютной [6]. Относительные и абсолютные оценки характеризуют степень временной удаленности характеризуемого действия от момента речи. Так, *скоро, близко 2* представляют собой, безусловно, показатели относительной оценки. Для разных людей и по отношению к масштабу разных событий степень временной близости/далекости предстоящего действия относительно настоящего момента может быть различной — 'через минуту, через час, через день' и т.д.:

(14) *Скоро* урок кончится;

(15) *Вечер близко*.

Напротив, *вскоре, вскорости, сейчас 2, вот-вот* выражают более объективную, абсолютную оценку с точки зрения говорящего и восприятия высказывания потенциальными адресатами:

(16) *Вскоре* разговор был продолжен у директора;

(17) *Сейчас* станет светлее.

Каждый носитель языка примерно одинаково оценивает степень временной удаленности события как минимальную, время события как непосредственно следующее за настоящим моментом. Абсолютные темпоральные оценки действуют только в пределах временной "окрестности говорящего" [6]. Поэтому *скоро*, *близко* 2 могут иметь разные степени проявления темпорального признака.

Различия в характере выражаемых оценок приводит к невозможности сочетания наречий абсолютной оценки с распространителями — показателями степени временной близости/далекости типа *очень*, *слишком*, *довольно*, *совсем*, *чрезвычайно*, *так* и т.п., т.е. они не поддаются градуированию: **Довольно (очень, слишком, совсем, чрезвычайно, так) вскорее, вскорости, вот-вот, сейчас*. Ср. корректность: *Довольно (очень, чрезвычайно, слишком, совсем, так) скоро, близко*, например:

(18) *Продолжение разговора состоялось довольно скоро*.

Как следствие, наречия *вскоре, вскорости, сейчас* 2, *вот-вот* не имеют степеней сравнения, в отличие от *скоро, близко* 2 и не употребляются в предложениях типа:

(19) *Сессия ближе, чем вам кажется*.

Естественно также, что лексемы *скоро, близко* 2 имеют соответственные наречия-диминытивы: *скоренько, скорехонько, близенько, близехонько*. Лексемы *вскоре, вскорости, вот-вот, сейчас* 2 таких диминытивов не имеют.

Для *скоро, близко* 2 и *сейчас* 2 возможно также удвоенное употребление: *скоро-скоро, близко-близко, сейчас-сейчас* (в репликереакции), что невозможно для *вскоре* и *вскорости*.

3. Синтаксические позиции.

Важным критерием выявления синтаксических особенностей наречий служит способность занимать позицию в предикативной структуре предложения в качестве предизирующего или предизируемого компонента. Так, наречие *скоро* способно выступать как в качестве предизирующего, так и в качестве предизируемого компонента, например:

(20а) *Новый год — скоро*. Ср.:

(20б) *Скоро — Новый год*.

Напротив, *близко* 2 преимущественно выступают предизирующим компонентом:

(20в) *Новый год — близко*. Ср. сомнительность:

(20г) *?Близко — Новый год*.

В качестве предизируемого компонента предложения выступают наречия *вскоре, вскорости, вот-вот*:

(20д) **Вскоре** — *Новый год*;

(20е) **Вот-вот** наступит *Новый год*.

Конкретные лексические значения ТН предопределяют синтаксическую устроенность предложений. Ср.:

(20ж) *Новый год уже близко* -

(20з) *Новый год еще далеко*. Но только:

(20и) *До Нового года еще далеко* при неотмеченности:

(20к) **До Нового года уже близко*.

Существенным признаком для указанных наречий является характер настоящего момента. Так, *близко 2*, *вот-вот*, *сейчас 2* выражают преимущественно время последующего действия относительно момента речи, *вскоре* и *вскорости* — относительно момента в тексте. *Скоро* широко употребительно в конструкциях обоих типов — и в тех, где исходным временным ориентиром является момент речи, и в тех, где точкой отсчета служит момент в тексте. Это различие, в частности, проявляется в контексте глаголов разных времен. Например, *скоро* легко сочетается с глаголами в форме как будущего, так и прошедшего времени, например:

(21а) *Очень скоро она пришла в себя*;

(21б) *Очень скоро она придет в себя*. Ср. неотмеченность:

(21в)***Вот-вот** она пришла в себя

или подмена ЛСВ (*сейчас 3* ‘только что’ вместо *сейчас 2* ‘скоро’):

(21г) **Сейчас** она пришла в себя.

Вскоре и *вскорости* чаще употребляются с глаголами прошедшего времени, выражая следование действия по отношению не к моменту речи, а к какому-либо моменту в тексте:

(22а) *Мы скоро съедемся*. Ср.:

(22б) **Вскоре** мы съехались.

Для наречий *вот-вот* и *сейчас 2* характерны сочетания с глаголами будущего времени:

(23) *Я сейчас вернусь*;

(24) **Вот-вот** запоют петухи.

Для *близко 2* сочетания с глаголами вообще нехарактерны в современном русском языке. Они встречаются лишь в литературе прошлого и сейчас воспринимаются как пример синтаксического архаизма:

(25) *Экзамен будет слишком близко и первых чисел июня должен окончиться* (Н. Гоголь).

Как видим, не все наречия одинаково регулярно сочетаются с глагольными формами. Так, *скоро*, *вскоре*, *вскорости*, в отличие от *близко*

2, без каких бы то ни было ограничений вступают в такие сочетания, например:

(26а) *Скоро/вскоре мы будем праздновать Новый год.* Ср. не-отмеченность:

(26б) **Близко мы будем праздновать Новый год.*

Тот или иной характер настоящего момента проявляется в различных типах текста, или "режимах интерпретации эгоцентрических элементов" [5]. Так, *вскоре* характерно для нарративного режима, *вот-вот* — для речевого, а *скоро* — и для нарративного, и для речевого.

4. Коммуникативный статус.

В целом показатели относительных оценок тяготеют в высказывании к позиции темы, а показатели относительных оценок — к позиции ремы [6]. Поэтому наречие *вскоре* тематично, и позиция ремы для него невозможна, для наречий *близко 2*, *недалеко 2* и *скоро* позиция ремы возможна, причем если *скоро*, *вот-вот сейчас 2* имеют нефиксированный коммуникативный статус, т.е. способны занимать любую из позиций — темы или ремы, то *близко 2* абсолютно рематично. Например:

(27а) *Скоро/сейчас придет Иван* -
1

(27б) *Иван придет скоро/сейчас.*
1

(27в) *Вскоре придет Иван.* Но сомнительно:
1

(27г) ?*Иван придет вскоре.*
1

Поэтому, если целью высказывания является сообщение о времени действия, используются наречия *скоро*, *близко 2*. Однако наречия *сейчас 2*, *скоро* имеют более широкое и свободное употребление. В ответе на вопрос "когда?" возможны только лексемы *скоро*, (*прямо*) *сейчас*, но никак не *близко 2*, *вот-вот*, *вскоре* или *вскорости*, например:

(27д) — *Когда придет Иван?* — *Скоро.*
2 1

Ср. невозможность: **близко*, **вскоре*, **вскорости*.

Для *вот-вот* характерно интонационное оформление с помощью ИК-5:

(28) *Вот-вот начнется праздничный салют!*
5

В вопросах без вопросительного слова о времени действия и в соответствующих ответах также обычно используется *скоро*, причем центр ИК обязательно находится на наречии (темпоральном или наречии степени):

3

1 1

(29а) — Вы **скоро** уезжаете? — Да, **скоро/очень скоро**. Ср.:
3 1

(29б) *Вы **вскоре** уезжаете? — Да, **вскоре**.

Однако в несобственно вопросительных предложениях, например, в так называемых риторических вопросах, наряду с лексемой *скоро*, видимо, возможно, хотя и не безоговорочно, употребление *вскоре*:

(30а) Ужель мне **скоро** тридцать лет? (А. Пушкин). Ср.:

(30б) Ужель мне **вскоре** тридцать лет?

Закономерно поэтому, что в сочетании с отрицанием также преимущественно употребляется наречие *скоро*:

(31а) Я чувствовал, что мне от него **не скоро** отделаться. Ср.:

(31б) *Мне от него **не вскоре** отделаться;

(32а) Злых людей везде много, а добрых **не скоро** найдешь. Ср.:

(32б) ...***не вскоре** найдешь.

5. Стилистическая отмеченность

Между наречиями *скоро*, *близко*, *вскоре*, *вскорости* имеются и некоторые стилистические различия. *Скоро* стилистически нейтрально и широко употребляется в разных стилях речи. *Близко* также стилистически нейтрально, однако менее употребительно в современном русском языке. *Вскоре* более характерно для письменной, книжной, деловой речи. Поэтому, в частности, в сочетании с причастиями, типичными для письменной речи, употребляется, как правило, наречие *вскоре*, например:

(33) **Вскоре** шпион был арестован.

Наречие *вскорости* является просторечным, на что указывают стилистические пометы словарей.

Таким образом, наречная темпоральность, как и именная, представляет собой систему. Причем нам представляется неоправданным рассмотрение некоторыми лингвистами именных темпоральных групп (далее — ИТГ) и ТН как одного фрагмента ФСП времени. Анализ языкового материала показывает, что эти категории функционируют в разных, хотя и пересекающихся, подсистемах ФСП, между которыми имеются существенные различия. Укажем на наиболее важные из них.

1) Значение темпоральности в наречиях свойственно слову как лексеме и часто исчерпывается его семантикой. В ИТГ значение темпоральности предопределяется формой слова (имеющего или не имеющего лексического значения времени). Ср.: *перед экзаменом/на экзамене/после экзамена*. В системе же наречной темпоральности противопоставляются сами лексемы: *раньше/одновременно/позже*.

2) Характер временного ориентира в системах именной и наречной темпоральности также различен. Если в ИТГ ориентир словесно выражен и сформулирован, т.е. является как бы их внутренней составной частью, например: *до отъезда* (отъезд — внутренний ориентир), то в ТН временной ориентир является чем-то внешним по отношению к наречию, он словесно не выражен, а только подразумевается, например: *вчера* (внешний ориентир — момент речи).

3) Системы значений именной и наречной темпоральности, несмотря на наличие зон пересечения, все же существенно различаются. Если первая оппозиция в системе ИТГ выявляет значения одновременности/разновременности действия с указанным моментом или отрезком времени, то центральная оппозиция в системе ТН определяет тип соотношенности действия с каким-либо временным ориентиром (моментом речи, моментом в тексте, временем другого действия и т.д.). Эта оппозиция определяется самим характером категориального класса наречий.

4) Важным параметром для сопоставления категорий именной и наречной темпоральности является оценочность, т.е. наличие/отсутствие возможности выражения темпоральной оценки действия. Если именным группам обычно свойственно выражение объективной временной характеристики: *за минуту, через час, каждый год*, то ТН в большей степени способны давать субъективную темпоральную характеристику, авторизованную оценку действия: *быстро, скоро, редко*.

5) Если ИТГ, как правило, имеют нефиксированный коммуникативный статус, то часть наречий способна занимать лишь одну из позиций коммуникативной структуры высказывания — темы или ремы. Например, ИТГ *каждый день* может выступать в позиции и темы, и ремы, и парентезы, ТН *редко* — только в рематической позиции, ТН *зачастую* — только в теме или парентезе, а просторечное *давеча* — только в парентезе [7].

6) В отличие от ИТГ часть наречий временной локализованности маркированы в плане прошлого/настоящего/будущего относительно момента речи. Ср.: *вчера* и *во время дождя*; *сегодня* и *в четверг*; *скоро* и *через неделю*.

7) ТН по сравнению с ИТГ более дифференцированы в употреблении. ТН часто представляют собой комплекс ЛСВ, в то время как ИТГ обычно более однозначны. Ср. синонимию ТН и ИТГ: *быстро 1* — *за короткое время*; *быстро 2* — *в высоком темпе, с высокой скоростью*; *быстро 3* — *через короткое время*.

8) Не все темпорально валентные применительно к категории именной темпоральности глаголы способны распространяться наречиями. Так, глаголы *совпадать-совпасть, приходить-прийтись, выпа-*

дать-выпасть, проводить-провести, коротать-скоротать, требоваться-потребоваться и др., как правило, не распространяются ТН. Ср., например:

(34) *Первый экзамен совпал со свадьбой друга.* Но не отмечено:

(35) **Первый экзамен совпал со скоро/вчера/впоследствии* и

т.п. Ср. также:

(36) *Мы провели 2 часа в кабинете директора -*

(37) **Мы провели долго/недолго в кабинете директора.*

В заключение сделаем ряд выводов частного и общего характера.

1. Структура ФСП времени является сложной, полицентрической, объединяя несколько микрополей. Существуют области взаимодействия разных ФСП: времени и аспектуальности, времени и локативности, времени и компаративности и т.д. Лексические средства выражения времени — ТН, так же как и лексико-синтаксические — ИТГ, в рамках ФСП способны занимать не только позицию периферии, но и являться ядром некоторых сегментов.

2. Рассмотренная выше категория наречной темпоральности представляет собой упорядоченное, оппозитивное множество лексем, системе значений, каждое из которых образовано определенным набором сем различного ранга, что позволяет охарактеризовать эти значения как четко очерченные смысловые инварианты. В плане структуры данная система может быть представлена в виде дерева бинарных оппозиций, в числе которых выделяются уровни оппозиций, т.е. каждый из фрагментов системы значений ТН не является элементарным и представляет собой в свою очередь систему подзначений, сгруппированных в виде бинарных оппозиций.

3. Хотя между категориями именной и наречной темпоральности существуют зоны пересечения, широкая сеть синонимических отношений, их системы значений все же принципиальным образом различаются. Следовательно, идея Е.Куриловича о т.н. семантических, или наречных, падежах [3] не представляется вполне корректной.

4. Структурированность системы ТН позволяет утверждать, что наречная темпоральность, как и именная, носит категориальный характер. Системы ТН и именной темпоральности находятся в отношениях дополнительности.

5. Каждое из значений передается ТН, имеющими общий семный состав, что не исключает возможности их синтаксических различий. Наречие в системе может быть представлено одним или несколькими ЛСВ, входящими в разные фрагменты системы наречной темпоральности или даже функционирующими в рамках разных ФСП. Выявление

ЛСВ происходит на синтаксическом уровне, во взаимодействии наречий с различными элементами их контекстуального окружения. Следовательно, в речевых реализациях ТН оказались задействованными все уровни языковой системы.

6. Система значений наречной темпоральности носит полевой характер. На периферии структуры темпоральные значения наречий осложняются компонентами других значений — сравнения (*по-прежнему*), образа действия (*бегло*), пространства (*близко*) и т.д. ТН — показатели характера протекания действия: длительности (*долго*), непрерывности (*непрестанно*), мгновенности (*вмиг*), процессности (*медленно*), нарастания интенсивности действия (*постепенно*) и др. — находятся на периферии ФСП аспектуальности и позволяют идентифицировать те или иные частные видовые значения.

7. Важную роль для выявления семантического и синтаксического потенциала наречий играет оценочность, т.е. их способность/неспособность передавать темпоральную оценку действия. По этому признаку противопоставляются собственно временные ТН (*ежегодно, днем, сейчас*) и оценочные (*часто, давно, скоро*). В предложениях с ТН может выражаться авторская оценка временной характеристики действия относительно его временной протяженности, близости/удаленности от момента речи, частотности или регулярности повторений. Для оценочных ТН существенным оказался характер выражаемой оценки — относительной или абсолютной, т.к. ТН, выражающие ту или иную оценку, имея общий или близкий семный состав, характеризуются синтаксическими особенностями.

8. Принципиально важным для выбора того или иного ЛСВ оказался коммуникативный статус ТН, которые оказываются более избирательными (по сравнению с ИТГ) по отношению к позиции в коммуникативной структуре высказывания. Для части из них оказался характерным фиксированный коммуникативный статус. Так, ТН, выражающие абсолютную оценку, тяготеют к позиции темы, а ТН, выражающие относительную оценку — к позиции ремы. Как видим, актуальное членение охватывает уровень не только предложения, но и отдельных лексем, т.е. существуют слова с закрепленной коммуникативной ролью в предложении.

9. Перспективой исследования является корректное описание на основе разработанной методики всех значений ТН, других аналогичных (а может быть, и изоморфных) категорий: наречной локативности, каузальности и др., что даст материал для системного изучения особенностей функционирования наречий в синтаксических построениях, для сопоставления как соответствующих категорий, так и соотносительных

средств выражения тех или иных значений в русском и других языках, а в более отдаленной перспективе — описание в функциональном аспекте наречий как категориального класса в целом.

Л и т е р а т у р а

1. *Бондарко А.В.* и др. Теория функциональной грамматики: Темпоральность: Модальность. Л., 1990.
2. *Всеволодова М.В.* Категория именной темпоральности и закономерности ее речевой реализации: Дисс. ... докт. филол. наук. М., 1983.
3. *Курилович Е.* Проблема классификации падежей // *Очерки по лингвистике.* М., 1962. С. 175-203.
4. *Морковкин В.В.* Опыт идеографического описания лексики (анализ слов со значением времени в русском языке). М., 1977.
5. *Падучева Е.В.* Говорящий как наблюдатель: об одной возможности применения лингвистики в поэтике // *Известия РАН, Серия литературы и языка.* Том 52. № 3. 1993. С. 33-44.
6. *Яковлева Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.
7. *Янко Т.Е.* Коммуникативный статус обстоятельств времени. Доклад на конференции "Язык и время" в Институте языкознания РАН в мае 1995 г.

Лингвометодические особенности сопроводительного корректировочного курса по фонетике и интонации русской деловой речи

© кандидат педагогических наук И.В. Михалкина, Н.Н. Касько, 1997

В настоящее время проблемы формирования артикуляционной и интонационной базы у иностранных учащихся в процессе обучения деловому общению на русском языке мало изучены и требуют разработки специального подхода к методической интерпретации всего фонетического материала.

В связи с тем, что учебный курс «Русский язык для деловых людей» адресован иностранным учащимся, имеющим исходный уровень владения русским языком в объеме базового курса, правомерно ставить вопрос о необходимости проведения сопроводительного корректировочного курса по фонетике и интонации русской деловой речи. Опыт работы в рамках Международной научно-практической программы филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова «Русский язык в деловом общении» позволил выявить основные актуальные проблемы обучения, связанные с оформлением звучащей речи и установить оптимальное соотношение учебного времени между общим курсом делового общения и сопроводительным фонетическим курсом (5 академических часов : 1 академический час). К числу проблем, связанных с коррекцией артикуляции, прежде всего, относятся варианты произношения заимствованных слов, которые наиболее частотны в деловой речи. Например: *аккредитация, конкуренция, лицензия, презентация* и т. д. С одной стороны, трудность в произношении этих слов объясняется нехарактерными для русского языка сочетаниями звуков, с другой — особенностями русской артикуляционной системы, что приводит к устойчивым чертам иностранного акцента. К числу таких особенностей, как известно, относятся различные виды переключения артикуляций:

а) с передней на непереднюю: *виза, выписка, выплатить, выпустить;*

б) с твердой на мягкую: *обязательства, кредитование, лицензия, легализация;*

в) с глухой на звонкую: *экспертиза, финансировать, ссуда, депозит и т. д.*

К наиболее трудным и малоизученным проблемам русского произношения относится фонетическая структура слова. В связи с разноместностью и подвижностью ударения в русском языке выделяется це-

льный ряд ритмических моделей слов. Все эти ритмические модели построены по принципу чередования ударного слога с безударными. Среди этих моделей особую трудность представляют многосложные слова, которыми изобилует деловая речь: мн**Ошибка!**гопрóфильное производство, конкур**Ошибка!**тноспособная продукция, плат**Ошибка!**жеспособный партнер, д**Ошибка!**лгосрóчное соглашение, м**Ошибка!**лоликви□дные акции, кр**Ошибка!**ткосрóчный кредит, ср**Ошибка!**днегодóй доход и т. д. К моделям данного типа относятся также сокращенные названия российских организаций: Пр**Ошибка!**м/р**Ошибка!**д/т **Ошибка!**х/бáнк, Р**Ошибка!**с/т**Ошибка!**рг/реклáма, Инт**Ошибка!**р/пр **Ошибка!**д/сérвис, С**Ошибка!**б/тур**Ошибка!**ст/цéнтр, Стр**Ошибка!**йд **Ошибка!**ркóмплéкс и т. д. В связи с появлением в этих словах дополнительного, побочного ударения нарушается целостная ритмическая структура не только одного слова, но и всего высказывания в целом. Это явление замечено и в речи носителей русского языка, когда с появлением дополнительного ударения нарушается не только ритмика слова, но и возникают изменения в редукации гласных, т. е. они произносятся как гласные полного образования (Инкомбáнк, а не Инк[ъ]мбáнк, Информедсérвис, а не Инф[ъ]рммедсérвис).

В этих сложных словах зафиксировано взаимодействие дополнительного ударения с интонацией. Такие слова легко произносятся с употреблением Интонационной конструкции-3 или 6, которая оформляет в высказывании незавершенность: Индустрия³-сérвис¹, Нефте⁶/хим⁶/бáнк¹, Инфóрм⁶/мéd⁶/сérвис¹, Интэр⁶/прóд⁶/сérвис¹.

Корректировка произнесения отдельных звуков, сочетаний звуков и слов, а также выработка автоматизированных навыков их произношения, сопровождают этап формирования предметной компетенции учащихся на русском языке. На этом этапе активно вводится новая, актуальная для делового общения лексика, изначально правильное произношение которой позволяет предотвратить возможные аудиопомехи в процессе бизнес-коммуникации.

Особую актуальность представляет собой работа над интонационным оформлением диалогической и полилогической речи, характерной для сферы делового общения. С этой методической проблемой, прежде всего, связан коммуникативный анализ звучащих текстов, который строится на выявлении взаимодействия интонации, лексико-грамматического состава высказывания и их соотносительности с речевой ситуацией.

В курсе делового общения интонационное оформление речи играет особую роль, поскольку его нарушение может вызвать потерю актуального для конкретной речевой ситуации смысла, что приводит к ком-

муникативным неудачам, затрудняющим или разрушающим процесс речевого взаимодействия. Данный факт особенно ярко проявляется в ситуациях, когда общение осуществляется по телефону. Например, клиенту банка необходимо узнать, выплачивает ли дивиденды по простым акциям в валюте или рублях. При неправильном интонационном оформлении высказывания клиент не услышит ожидаемого ответа, то есть адекватная коммуникация не состоится.

Например: — Добрый день, «Инкомбанк».
 — Здравствуйте, скажите пожалуйста, ваш банк выплачивает дивиденды по простым акциям в валюте?
 — Нет, мы еще не начали выплату (Нет, не в валюте, а в рублях).

К числу проблем, ведущих к потере актуального смысла, прежде всего, относится смешение (неразличение) употребления нейтральных типов ИК при вербальной реализации коммуникативных намерений говорящего.

В таблице № 1 приведены некоторые примеры, демонстрирующие данное явление.

Таблица 1.

Виды коммуникативных намерений говорящего	Типы ИК в репликах-стимулах	Примеры реплик-стимулов	Примеры реплик-реакций
Сообщение	ИК-1	Наших партнеров не удовлетворяют условия поставки.	А условия оплаты?
Вопрос	ИК-3	Наших партнеров не удовлетворяют условия поставки?	Да, / они просят их изменить.
Вопрос	ИК-3	Ваш сертификат качества?	Да, / мой.
Требование	ИК-4	Ваш сертификат качества.	Пожалуйста, / вот он.
Вопрос	ИК-2	С каким банком вы работаете?	С Мостбанком.
Оценка	ИК-5	С каким банком вы работаете!	Да, / это очень надежный банк.

Кроме неразличения употребления нейтральных типов ИК, к проблемам, ведущим к потере актуального смысла, относится также подвижность интонационного центра. С одной стороны, передвижение центра может уточнять высказывание:

Какие документы необходимо представить для получения кредита в вашем банке?

Какие документы необходимо представить для получения кредита в вашем банке (а не для открытия счета)?

Какие документы необходимо представить для получения кредита в вашем банке (а не в другом)?

С другой стороны, подвижность интонационного центра может менять коммуникативную установку и дифференцировать различные типы вопроса. Например: Ваш банк объявил подписку на простые акции? В этом вопросе выясняется факт начала действия. Ответ на этот вопрос может быть утвердительным (Да, (уже) объявил) или отрицательным (Нет, (ещё) не объявил).

Совершенно иного ответа требует вопрос-уточнение: Ваш банк объявил подписку на простые акции? (или привилегированные?)

Кроме перечисленных факторов (тип ИК и передвижение его центра), подобную дифференцирующую функцию выполняет синтагматическое членение речи: Инкомбанк / проводит подписку на свои акции (сообщение). Инкомбанк проводит подписку на свои акции? (вопрос).

Наиболее сложной и малоизученной проблемой анализа деловой речи является интонационное оформление речевых интенций, выражающих эмоциональные состояния коммуникантов, их отношение к обсуждаемым предметам речи. В процессе делового общения к наиболее типичным интенциям этой группы относятся выражение удовлетворения, удовольствия, радости, надежды, сожаления, огорчения, беспокойства, волнения, опасения, удивления, уверенности, веры, желания, намерения, стремления.

Отличительной особенностью выражения эмоциональных состояний в сфере делового общения является сдержанность и лаконизм, присущие деловому этикету. Выражение удовлетворения, сожаления, удивления и т. п. необходимо деловым людям не столько для передачи искренних чувств, сколько для прояснения собственной (лица или фирмы) позиции. И в данной ситуации особая роль принадлежит не эмоционально-оценочной лексике (ср. обиходное общение), наполняющей модели

высказываний, а их интонационному оформлению и использованию определенных сочетаний артикуляционных возможностей (сдвиг гласных вперед или назад, нозализация, появление придыхательности и т. д.), например:

1. Выражение удовлетворения, удовольствия, радости:

— Мы очень ^{2/5} рады сообщить Вам о нашем новом проекте.

— Мы с (большим) ^{2/5} удовлетворением ^{2/5} ознакомились с отзывами заказчиков о нашей продукции.

2. Выражение надежды:

— Мы полагаем, ^{3/6} / что Вас ² устроят наши условия.

— Мы ² искренне ³ надеемся / на наше плодотворное ² сотрудничество.

3. Выражение сожаления, огорчения:

— Мы ² очень ^{3/6} огорчены тем, / что нарушаются сроки поставок ¹ товара.

— Мы ¹ очень ^{3/6} сожалеем, / что Вы не сможете присутствовать на ¹ переговорах.

Особое место при анализе выражения различного рода эмоциональных состояний коммуникантов занимает система реализации разных типов ИК. Звучащая речь почти всегда несет в себе определенную эмоциональную окрашенность, степень которой в условиях делового общения зависит от ряда экстралингвистических факторов (отношения между партнерами, место и продолжительность общения, общение при личном контакте или по телефону, личные особенности коммуникантов и т. п.). Именно поэтому в звучащей речи может быть представлена целая гамма интонационных реализаций. Одни из них относятся к числу нейтральных типов, другие — к числу эмоциональных. Внутри этих двух систем выделяются вариативные ряды, члены которых находятся по отношению друг к другу в условиях синонимической разновидности. Так при выражении удивления возможен следующий ряд:

Этот факс прислал господин Браун? ³ (нейтральный вопрос).

Этот факс прислал господин Браун? ⁴ (удивление).

Этот факс прислал господин Браун? ^{3~} (высокая степень удивления).

А при выражении волеизъявления может возникнуть другой ряд интонационных реализаций:

Не открывайте² счет в этом банке (Я Вам не советую (нейтральное)).

Не открывайте⁷ счет в этом банке (Он крайне ненадёжен (эмоциональное предостережение)). В данном случае причины, вызывающие необходимость выражения совета или предостережения / предупреждения, могут быть переданы в имплицитной форме благодаря определенному интонированию высказывания. Эксплицитно они могут быть представлены следующим образом:

Имейте в виду: У вас могут появиться проблемы. Это может привести к негативным последствиям. Это может привести к убыткам.

Анализ реализаций различных типов ИК в звучащих текстах, типичных для бизнес-коммуникации, позволяет сделать вывод о том, что эти тексты представляют собой сложную коммуникативную систему, которую необходимо рассматривать в двух ракурсах. Во-первых, с позиций анализа содержательной стороны текста, путем выявления функциональной взаимосвязанности его лексико-грамматического состава и синтаксического устройства, маркирующей стилистические особенности текста.

Во-вторых, с позиций анализа артикуляционных и интонационных средств, характерных для русской деловой речи.

Подобный подход является оптимальной методической основой для разработки учебных материалов сопроводительного корректировочного курса по фонетике и интонации русской деловой речи, обеспечивающих эффективность процесса обучения иностранных учащихся русскому языку как средству бизнес-коммуникации.

Чешский кондиционал vs русское сослагательное наклонение в побудительном высказывании

© кандидат филологических наук А.И. Изотов, 1997

На последующих страницах мы попытаемся выявить специфику употребления чешского кондиционала по сравнению с русским сослагательным наклонением в составе независимых высказываний с актуальной коммуникативной функцией побуждения. Помимо большей узуальности и большего разнообразия формальных моделей, представленных в чешском речепотреблении, следует отметить, как мы склонны полагать, прежде всего следующее:

1. В то время как в русском языке категориальное значение форм сослагательного наклонения (гипотетичность) в составе побудительных высказываний реализуется прежде всего через идею альтернативности, в языке чешском — через идею некатегоричности.

2. В то время как в русских текстах абсолютное большинство высказываний рассматриваемого типа оформлено «чистым» сослагательным наклонением (*Шел бы ты домой!*), а конструкции с не-«чистым» сослагательным наклонением (*Чтоб немедленно убрался!*) значительно уступают им по употребительности, в текстах чешских мы имеем дело со своего рода «зеркальной» ситуацией — преобладает не-«чистый» кондиционал.

3. В то время как в русском речепотреблении высказывания рассматриваемого типа с «чистым» и не-«чистым» сослагательным наклонением резко противопоставляются по признаку *авторитарность побуждения*, в речепотреблении чешском конструкции с не-«чистым» кондиционалом способны выражать широкий спектр социально значимых разновидностей побуждения, как авторитарного, так и неавторитарного.

Между русским сослагательным наклонением и генетически коррелирующим с ним чешским кондиционалом много общего. Весьма показательными являются случаи обозначения явлений обоих языков в работах сопоставительного характера каким-то одним из этих двух терминов, будь это термин *кондиционал* [Широкова 1974: 19], или тер-

мин *сослагательное наклонение* [Широкова, Васильева, Едличка 1990: 235-237]¹. Мы можем встретиться даже с мнением (не разделяемым, впрочем, всеми исследователями, ср. [Широкова 1983: 94]), что в функциональном отношении различия между чешским и русским языком в области кондиционала / сослагательного наклонения не столь уж велики и касаются лишь частных оформлений [РГ 1979: 205]². Известно, что носитель чешского языка обращается к кондиционалу гораздо чаще, чем носитель русского — к сослагательному наклонению, и эта отмечаемая в сопоставительных исследованиях (ср. [Широкова 1983]) закономерность сохраняется и в сфере высказываний с актуальной коммуникативной функцией побуждения: употребительность чешского кондиционала существенно выше употребительности русского сослагательного наклонения в составе перформативных высказываний, в составе конструкций, выражающих побуждение через тематизацию необходимости или возможности каузируемого действия, через тематизацию его полезности, либо через тематизацию волеизъявления Прескриптора данного действия. Бóльшая употребительность кондиционала налицо и в сфере оформленных кондиционалом / сослагательным наклонением независимых побудительных высказываний: в нашем извлеченном сплошной выборкой материале (нами было обработано около 3000 страниц чешских и столько же русских художественных текстов, относящихся к XX веку, в основном к последним десятилетиям) число примеров подобного типа с кондиционалом почти в четыре раза превышает число примеров с сослагательным наклонением.

В исследованиях по русистике мы можем встретиться с мнением, что «если побуждение к действию, выраженное с помощью специальной императивной формы (*расскажи, поезжай*), — это **программа действий**, приписываемая адресату, то побуждение к действию, выражен-

¹ Ср. также обозначение русского *сослагательного наклонения* словом *Konditional* в немецком тексте [Panzer 1967], словом *conditional* — в английском [Jakobson 1957], словом *conditionnel* — во французском [Garde 1963], которые (названные слова трех языков) при переводе на русский могут выглядеть как «кондиционалис», ср. [Брехт 1985: 102, 105, 107].

² *Кондиционалом* на последующих страницах везде, где специально не оговаривается обратное, мы будем обозначать т.н. *кондиционал настоящего времени* (*kondicionál přítomný*). Так называемый *кондиционал прошедшего времени* (*kondicionál minulý*), даже если он и существует где-либо помимо страниц учебников, «обозначает нереальное и нереализованное в прошлом действие» [Широкова, Васильева, Едличка 1990: 241], то есть не может в принципе использоваться в речевом акте побуждения, предполагающем презентно-футуральную перспективу, и тем самым не представляет интереса для нашей проблематики.

ное с помощью формы сослагательного наклонения, — это **программа перестройки действия** (*ты бы рассказал; (лучше) ты бы поехал*)³. <...> Другими словами, когда говорящего интересует только выполнение адресатом какого-либо действия, он адресует побуждение собеседнику с помощью формы императива; если же говорящий, кроме того, желает показать свое отрицательное отношение к наблюдаемому в действительности и предложить программу перестройки какого-либо действия (или перейти от бездействия к какому-либо действию), он использует форму сослагательного наклонения» [Рябова, Одинцова, Кулькова 1992: 155-158]. Мы склонны попытаться взглянуть на данную ситуацию под несколько иным углом зрения. Нам представляется, что побудительно употребленные конструкции с формами сослагательного наклонения / кондиционала⁴ противопоставляются не столько императиву, сколько побудительно употребленному индикативу, при этом речь идет о противопоставлении к а т е г о р и а л ь н ы х значений наклонений. Индикативом говорящий декларирует реальность действия, реальность в прошлом, настоящем или будущем (поскольку речь идет не о самой действительности, а о ее языковом представлении, есть реальность и в будущем). Презентно-футуральная индикативность — это реальность, протянувшаяся в будущее, реальность, которая как бы уже есть и которую в силу этого уже нельзя изменить, поэтому высказывания типа *Завтра ты едешь домой, Ты сейчас же уйдешь отсюда* используются для экспликации тех социально значимых подтипов побуждения, при которых Говорящий (=Прескриптор)⁵ уверен (декларирует уверенность), что Слушающий (=Исполнитель) выполнит либо по крайней мере попытается выполнить каузируемое действие. Сослагательное же наклонение описывает действительность гипотетическую, действительность, которая может стать реальностью, а может и не стать, поэтому высказыванием типа *Съездил бы ты завтра домой* имплицитно указывается возможность неисполнения Слушающим (=Прескриптором) каузируемого действия, а тем самым высказывания данного типа могут быть использованы для

³ Сноска в цитате: А.М. Ломов пишет, что форма сослагательного наклонения «в основном используется при "корректировке" действия (с помощью обстоятельств типа *громче, быстрее, аккуратнее* и т.д.): *Говорили бы вы тише; Читали бы вы громче; Писали бы вы аккуратнее*» [Ломов 1977: 103].

⁴ Чешский кондиционал в значительно меньшей степени подчиняется, если подчиняется вообще, данной отмеченной для русского сослагательного наклонения закономерности.

⁵ Полагая Говорящего тождественным Прескриптору, а Слушающего — Исполнителем, мы рассматриваем наиболее простую и наиболее обычную ситуацию, см. 1.

экспликации побуждений, не маркированных как авторитарные. Императив же способен выражать как авторитарное, так и не-авторитарное побуждение, поэтому, на наш взгляд, речь может и должна идти не только об эквивалентной двучленной оппозиции *программа действия* (императив) ~ *программа перестройки действия* (сослагательное наклонение), хотя идея альтернативности, безусловно, может индуцироваться идеей гипотетичности⁶, но и о привативной трехчленной оппозиции *категорическое побуждение* (индикатив) ~ *побуждение* (императив) ~ *некатегорическое побуждение* (сослагательное наклонение)⁷. Мы склонны полагать, что в то время как для русского языкового сознания более существенной является, по-видимому, первая оппозиция, для чешского языкового сознания — вторая.

Весьма примечательно также следующее межъязыковое различие. В то время как почти все содержащиеся в нашем извлеченном сплошной выборкой русские примеры рассматриваемого типа оформлены по модели *Шли бы (вы) (лучше) домой*⁸, среди чешских примеров модель с «чистым» кондиционалом (если не считать конструкций с модальными глаголами и интеррогативных конструкций, заслуживающих отдельного

⁶ 'Гипотетическое' = 'не-реальное', а следовательно, 'альтернативное' по отношению к реальному.

⁷ Не случайно во всех приводимых Р.А. Кульковой примерах, призванных иллюстрировать, как Говорящий с помощью сослагательного наклонения «предлагает адресату речи другую программу действия, осуществление которой могло бы преобразовать реальную ситуацию в более целесообразную, лучшую; говорящий советует или предлагает адресату речи **перестроиться**, изменить свои действия, которые привели к положению вещей, оцениваемому автором текста отрицательно» [Рябова, Одинцова, Кулькова 1992: 157], сослагательное наклонение может без ущерба для (по крайней мере общего) смысла высказывания быть заменено императивом, ср.: (1) *Одному сидеть жутко, страх берет. Рассказал бы ты [*расскажи — А.И.] что-нибудь, Сема* (Чехов); (2) *Ехали бы [*поезжайте — А.И.] в Калязин, ну, в Углич, в Рыбну, а то нашли куда!* знаете, какие времена, а едете (Салтыков-Щедрин); (3) *Почаще бы ты приезжал [*приезжай — А.И.], Шурка!* А то за большими делами совсем забыл мать (из журнала); (4) "Лекции, лекции, — недовольно заметил профессор. — *Поговорили бы [*поговорите — А.И.] лучше с живыми людьми"* (Шукшин).

⁸ Ср., например: — *А ты бы лучше меня отпустил*, игемон, — попросил неожиданно арестант, и голос его стал тревожен, — я вижу, что меня хотят убить (М. Булгаков); — *Да замолчите же вы! Постыдились бы* такие вещи при девушке говорить! (Е. Попов); — *У тебя болезненный вид*, — сказал Григорий Алексеевич. — *Ты б зашел к Буху* (Ф. Горенштейн); *Один малек вчера стрелял в дерево из лука, так я его заставила зубами стрелы вытаскивать.* / — *Пашка*, — сказал Антон. — *Сбежал бы*, у тебя зубы хорошие (А. и Б. Стругацкие).

рассмотрения) представлена единственным примером⁹. Абсолютное же большинство чешских примеров рассматриваемого типа содержат элементы **a-** либо **kdy**-¹⁰. Поскольку чешский союз *abych / abys / aby / ...* в определенном смысле соотносим с русским союзом *чтоб(ы)* (и чешский, и русский союзы могут быть использованы для присоединения придаточного цели), а в русском речеупотреблении конструкции типа *Чтоб ты немедленно убрался отсюда!*¹¹, если верить подвергнутому нами сплошной выборке материалу (в котором они отсутствуют), употребительны в значительно меньшей степени, чем конструкции типа *Шел бы ты отсюда!*, при межъязыковом сравнении мы имеем дело со своего рода зеркальной ситуацией: в чешском языке употребительность конструкций с «чистым» кондиционалом в составе побудительных высказываний многократно уступает употребительности конструкций с не-

⁹ Речь идет об инклюзивном побуждении (говорящий + собеседница), ср.: *Když to trvalo asi hodinu a ona pořád zapírala, řekl pan Mrázek: — Tak bychom si teď udělali vaše otisky prstů (J. Marek) 'Когда это длилось уже час, а она все еще запиралась, господин Мразек сказал: «Давайте-ка снимем отпечатки ваших пальцев [букв. сняли бы мы...]»*. О неузуальности побудительного использования конструкций с «чистым» кондиционалом красноречиво говорит и то обстоятельство, что оно отмечается в специальных исследованиях [Широкова 1974: 45] и игнорируется теми же авторами в учебниках [Широкова, Васильева, Едличка 1990: 239].

¹⁰ Ср.: «Вспомогательные формы глагола *bych, bys, by, bychom, byste, by* могут сливаться с подчинительными союзами **a** и **kdy** в одно полифункциональное слово, которое одновременно участвует в образовании форм кондиционала и в формировании сложного предложения: *a + bych, bys, by... → abych, abys, aby... чтобы я, ты, он...; kdy + bych, bys, by... → kdybych, kdybys, kdyby... если бы я, ты, он...* Ср. примеры: *Kdybych měl volný čas, šel bych na procházku. Если бы у меня было свободное время, я бы пошел прогуляться; Uděláme všechno, abychom zvítězili. Мы сделаем все, чтобы победить.* [Широкова, Васильева, Едличка 1990: 237].

¹¹ Коль скоро сочетания *abych / abys / ... + l-форма* регулярно рассматриваются при характеристике чешского кондиционала (см. цитируемые выше работы), мы не видим причин, говоря о русском сослагательном наклонении, игнорировать генетически близкое ему сочетание *чтоб + л-форма*, рассматриваемое авторами [РГ 1980. Т. II: 111] в составе синтаксического побудительного наклонения и специфицированного в русской разговорной речи для выражения категорического побуждения. Конструкции *чтоб(ы) + л-форма* нередко рассматриваются в составе русского «кондиционалиса», ср.: «В Б р е х т 1977 предложено семантическое и синтаксическое обоснование того, что союз *чтобы* состоит из союза *что* плюс модальный показатель *бы*. тот факт, что эта частица функционирует в русском языке как энклитика, занимая в предложении вторую позицию (или же позицию сразу после глагола), объясняет ее слитное написание с вводящим придаточное предложение союзом *что*. В независимых предложениях частица *бы* встречается после первого ударного слова или сразу за глаголом. В придаточных она всегда стоит после союза *что*, кроме тех случаев, когда *что* вводит придаточное уступительное, в котором позиция *бы* значительно менее жестко регламентирована» [Брехт 1985: 116].

«чистым» кондиционалом, в русском же языке — наоборот. Обращают на себя внимание также и межъязыковые различия в функциональной нагруженности чешских и русских конструкций рассматриваемого типа в плане выражения категорического / некатегорического побуждения. В то время как в русском языке конструкции типа *Шел бы ты домой* специфицированы для выражения некатегорического побуждения, а конструкции типа *Чтоб ты немедленно убрался* — для выражения побуждения категорического, в чешском языке для выражения некатегорического побуждения регулярно используется как «чистый», так и не-«чистый» кондиционал (для экспликации категорического побуждения специфицирована лишь одна из нескольких возможных моделей, а именно модель *ne + a- + кондиционал н.в.*¹²).

«Отрицательное» побуждение может выражаться не только моделью *ne + a- + кондиционал н.в.*, но и моделью *a- + кондиционал н.в. с негацией I-формы*, при этом речь уже не будет идти о побуждении категорическом. В какой-то степени высказывания, оформленные по этим двум моделям, соотносятся как *запрет* и *предостережение*¹³ и в пользу подобной интерпретации говорит также то обстоятельство, что в представленных в нашем материале высказываниях, оформленных по модели *ne a- + кондиционал н.в.*, действие, к воздержанию от которого по-

¹² Авторы [МС 1987] обозначают, для большей терминологической четкости, структуры типа *Kdybyste přišel zítra* 'Пришли бы вы завтра', *Ne abys tam chodil* 'Не вздумай туда ходить' не как «кондиционал с *kdybyste*», «кондиционал с *abyste* с отрицанием в начале предложения» (как это было принято ранее), а как соответственно «*kdy + кондиционал настоящего времени*», «*ne + a + кондиционал настоящего времени*». Мы склонны принять новый способ описания рассматриваемых моделей как более корректный, отмечая лишь дополнительно графическую нерасчлененность форм типа *abych / abys / ...*, *kdybych / kdybys / ...*, ср.: «**kdy-** + кондиционал настоящего времени», «**ne + a-** + кондиционал настоящего времени».

¹³ Не случайно в учебной литературе основное различие между ними определяется именно подобным образом, ср.:

«2) Совет с оттенком предостережения и опасения, что действие не будет выполнено, выражается отрицательными формами кондиционала с **abych, abys, aby...** Ср.: *Abys už nemluvil hlouposti! Не говорил бы ты глупости! <...> Abyste se nemýlili! Смотрите, не ошибитесь!*

3) Настоятельный приказ, категорическое запрещение с оттенком предупреждения передается формой кондиционала с **abych, abys, aby...** с постановкой отрицания в начале предложения. [Ср.:] *Ne abyste přišli pozdě na večeri! Смотрите, не вздумайте опоздать на ужин! Ne aby sis to koupil! Не вздумай купить себе это!»* [Широкова, Васильева, Едличка 1990: 239].

буждается Слушающий (=Исполнитель), непосредственно называется¹⁴, тогда как в высказываниях, оформленных по модели *a- + кондиционал с негацией l-формы*, тематизируются, как правило, возможные негативные последствия осуществляемых в данный момент действий Слушающего (=Исполнителя)¹⁵, ср. поддерживаемое В.С. Храковским разграничение *прохибитивного* и *превентивного* высказываний (в богемистике подобное разграничение не принято и в обоих случаях речь будет идти о *прохибитивности* [МС 1987: 337])¹⁶.

Если мы, однако, попытаемся визуализировать функционально-семантическое поле побуждения в чешском языковом пространстве, то пара, образуемая двумя массивами, оформленными по рассматриваемым двум моделям высказываниями, будет несколько смещена в направлении сгущения *предостережение*, так что даже центр массива высказываний, оформленных по модели *ne + a- + кондиционал н.в.*,

¹⁴ Ср., например: [папа в кресле — маленькому ребенку с книжкой:] Dobře, ale jen dvě stránky. A *ne abys* potom zase říkal, že čtu pěkný blbosti!!! (Dikobraz) ‘Ладно, но только две страницы. И не вздумай потом опять говорить, что я читаю ерунду!’; [директор — рабочим, разгружающим телевизоры:] *Ne abyste* to vezli hned do prodejny. Napřed se s tím zastavte v opravně! (Dikobraz) ‘Смотрите не везите это сразу в торговый зал, сначала в ремонт’; Maminka vypravuje děti na návštěvu. "Kluci, *ne abyste snědli* všechno, co dají na stůl. Něco musíte nechat kvůli etiketě!" / Po návratu referuje Miloš: Mami, bráška snědl i etiketu!" (Dikobraz) ‘Мама провожает детей в гости. «Ребята, смотрите не слопайте все, что поставят на стол. Что-нибудь надо оставить для этикета!» / Вернувшись, Милош сообщает: «Мама, братишка съел и этикет»’;

¹⁵ Eman si však neodpustil, aby ještě Zemanovi neřekl: — *Abyste* z toho *neměl* malér, pane poručík. Politickej! (J. Procházka) ‘Эман не удержался, чтобы не сказать Земану: «Как бы у вас не было из-за этого неприятностей, господин поручик. Политических!»’; "Pojedem na velitelství, ne?" / "Zavolám pro vůz. Okamžik." / "Nevolejte, mám svůj. *Abyste nezapoměl* čepici..." (V. Erben) ‘«Ну что, поедем в управление?» / «Я вызову машину. Минутку.» / «Не надо, я сам на машине. Смотрите не забудьте фуражку...»’; [выяснилось, что в музее выставлен не муляж динамитных шашек, а настоящий динамит:] Ale na náraz to citlivý bude. *Aby* ti to *neupadlo* na zem, rozumíš (J. Marek) ‘Но на сотрясение это среагировать может. Чтобы это у тебя не упало как-нибудь на пол, понимаешь?’

¹⁶ «По своей семантике превентивные предложения, с одной стороны, сходны с прохибитивными, а с другой — отличаются от них. Сходство состоит в том, что в превентивных предложениях, как и в прохибитивных, выражается адресованное слушающему волеизъявление говорящего относительно неисполнения действия, а отличия заключаются в том, что волеизъявление предстает как пожелание того, чтобы исполнитель контролировал ситуацию и не выполнил бы называемое действие, которое, по мнению говорящего, в случае его осуществления нанесет ущерб либо исполнителю, либо говорящему, либо какому-нибудь другому лицу. Указанные различия между прохибитивными и превентивными предложениями фиксируются терминологически. Принято говорить, что в прохибитивных предложениях выражается запрет, тогда как в превентивных предложениях выражается предостережение [Дурново 1922]» [ТФГ 1990: 213].

расположен ближе к центру сгущения *предостережение*, чем к центру сгущения *запрет*¹⁷.

Поскольку «отрицательные» модели с *a-* + *кондиционал н.в.* специфицированы для выражения *предостережения* и *запрета*, вполне закономерно, что коррелирующая с ними «положительная» модель *a-* + *кондиционал н.в.* специфицирована для выражения *совета* и *распоряжения* (о семиотической соотносительности совета и предостережения, равно как распоряжения (приказа) и запрета см., например, [Вежбицка 1985: 263, 267-268]). Предпосылкой возможности использования модели *a-* + *кондиционал н.в. без негации* для выражения *совета* является ее соотносимость с моделью *a-* + *кондиционал н.в. с негацией I-формы* (речь может идти о некой обобщенной модели *a-* + *кондиционал н.в. с негацией / без негации I-формы*), а предпосылкой возможности ее использования для выражения *распоряжения* является ее соотносимость с моделью *ne* + *кондиционал* (речь может идти, таким образом, и об альтернативной обобщенной модели: *ne / Ш* + *кондиционал н.в. без негации I-формы*)¹⁸.

Мы говорили о «смещении» массивов, образуемых высказываниями, оформленными по модели *ne* + *a-* + *кондиционал н.в.* и по модели *a-* + *кондиционал н.в. с негацией I-формы* (либо некоего совокупного массива, образуемого высказываниями, оформленными по «обобщен-

¹⁷ Продолжив вектор $X\vec{Y}$ (где X — центр массива *ne* + *a-* + *кондиционал н.в.*, а Y — центр массива *a-* + *кондиционал н.в. с негацией I-формы*), мы наткнемся на массивы высказываний, оформленных по моделям *a'* + *ne-* + 2 л. наст. вр. *индикатива* (*At' to neposíláš po Zdeňkovi* 'Смотри не посылай это со Зденеком / Чтоб ты это не посылай со Зденеком') и *a'* + *není* + *participium passivi* (*At' tu není nakouřeno* 'Чтоб здесь не было накурено!'), которые авторы [МС 1987: 339], несмотря на то, что с этими моделями, по их мнению, «связана пресуппозиция возможности альтернативного поведения адресата, в связи с чем речь идет скорее о функции предостережения», рассматривают в числе средств экспликации *запрета*.

¹⁸ Ср. следующие примеры с рассматриваемой моделью, первый из которых содержит *совет*, а второй — *распоряжение*: [ранним утром в провинциальный городок приезжает служебная машина со столичным номером, и из нее выходит похожий на доцента человек:] "Budu se s vámi vrátet?" zeptal se fidič. / "Nevím," řekl tiše docent, sáhl po aktovce a vystoupil z vozu. "Snad abyste se šel někam vyspat" (V.Erben) '«Я буду с вами возвращаться?», спросил водитель. / «Не знаю», ответил доцент, беря портфель и выходя из машины. «Наверное, вам стоит где-нибудь выспаться»'; [Следователь говорит по телефону с подчиненными:] "Teď hned zavoláš Beránkovi. Seberte partu a přijed'te. Abyste v sedm ráno byli na místě" (V. Erben) 'Сейчас ты сразу же позвонишь Беранеку. Собирайте группу и приезжайте. Чтоб в семь утра были на месте'.

ной»¹⁹ модели *a-* + *кондиционал н.в. с негацией l-формы / всей конструкции*) относительно центров сгущений *запрет* и *предостережение*. В случае с массивом высказываний, оформленных по модели *a-* + *кондиционал н.в. без негации l-формы* подобное смещение к центру сгущения *совет* (относительно центров сгущений *совет* и *распоряжение* будет еще более значительным: практически все (за исключением приведенного выше²⁰) содержащиеся в нашем извлеченном сплошной выборкой материале примеры рассматриваемого типа выражают именно *совет*²¹. Выступающая в смысловой структуре совета на передний план *полезность* казулируемого действия (Говорящий может постулировать эту полезность или же сомневаться в ней) позволяет использовать мо-

¹⁹ Возможен, безусловно, и такой вариант обобщения.

²⁰ К которому примыкает оформленные в рамках «ониканья» примеры, содержащие фразеологизованное сочетание *abys věděl,-a; abyste věděli,-y* ‘чтоб ты знал, -а; чтоб вы знали’, ср.: Tak *aby věděli*, paní Kejšová, mají úplnou pravdu, že jsem se dostal ven. Ale to jsem musel zabít patnáct vachmistrů a feldvéblů (J. Hašek) ‘Ну так знайте [букв. чтобы они знали], пани Кейржова, вы совершенно правы, я сбежал. Но для этого мне пришлось убить пятнадцать вахмистров и фельдфебелей’; [врач — пациенту:] "Penze je krásná věc, *aby věděli!*", řekl potom a napsal recept (J. Marek) ‘«Пенсия — вещь прекрасная, чтобы вы знали [букв. чтобы они знали]», сказал он после этого и выписал рецепт’.

²¹ Авторы [МČ 1987: 345] отмечают рассматриваемую модель, осложненную частицами *snad, možná*, «сигнализирующими неуверенность говорящего в целесообразности (účelnost) того, что он предлагает» (высказывания типа *Snad (možná) abys mu zavola!* ‘А не позвонить ли тебе ему’) в качестве одного из средств выражения *предложения (návňh)*, которое они, таким образом, фактически смешивают (т.е. объединяют в одном массиве) с *советом*. Авторы [МČ 1987: 345], решив разграничивать *предложение (návňh)* и *совет (rada)*, постулируя для первого «возможность» казулируемого действия (*možné jednání*), а для второго — его «желательность» (*žádoucí jednání*), несколькими строками далее фактически дезавуируют данное весьма существенное, на наш взгляд, различие, определяя *предложение* как «обращение внимания Адресата на возможную реализацию / нереализацию такой деятельности, которую Говорящий считает адекватной ситуации Адресата». Нам представляется, что идея адекватности (взаимодействующая с идеей желательности), имплицитно присутствует и в первой из приведенных выше цитат, т.к. нельзя сомневаться в целесообразности, если идея целесообразности (связанная с идеей адекватности и с идеей желательности) вообще не при чем.

дель *a-* + *кондиционал н.в.* при автопрескрипции²² и инклюзивном побуждении²³.

Модель *kdy-* + 2 / 3 л. *кондиционала н.в.* специфицирована в чешском языке, по свидетельству [МČ 1987: 340], для выражения *просьбы*. Именно *просьбу* и выражают практически все высказывания подобного типа²⁴, представленные в нашем материале²⁵. Тем не менее следует отметить также способность данной модели образовывать высказывания с актуальной коммуникативной функцией не только *просьбы*, но и *совета*, что обуславливается, на наш взгляд, тем обстоятельством, что подобные образования могут интерпретироваться как эллиптические эквиваленты не только структур типа *byl bych rád, kdybys(te)...* [МČ 1987: 340]²⁶, но и структур типа *bude / bylo by lépe, kdybys(te)...* ‘будет / было бы лучше всего, если бы ты (вы)...’²⁷.

²² Švejk přistoupil k páteru Lacinovi, obrátil ho ke stěně a znalecky řekl: "Ten bude chnět až do Brucku," a vrátil se na své místo, provázen zoufalým pohledem nešťastného desátníka, který poznamenal: "Abych to šel snad oznámit" (J. Hašek) ‘Швейк подошел к патеру Лацине, повернул его к стене и с видом знатока произнес: «Будет дрыхнуть до самого Брука», и вернулся на свое место, провожаемый полным отчаяния взглядом несчастного капрала, который пробормотал: «Пойти, может, заявить»’.

²³ "Ale abychom se vrátili k věci," pravil Exner (V. Erben) ‘«Но вернемся к делу», сказал Экснер’.

²⁴ Целый ряд примеров содержит фразеологизованное усложнение данной модели: *kdybyste byl tak laskav a* [‘будьте так любезны и’] + *l-форма смыслового глагола*, ср. примеры из романа В. Эрбена: *Kdybyste byl tak laskav a doprovodil mě tam* ‘Вы не будете столь любезны проводить меня туда?’; *Kdybyste byl tak laskav, pane Krempe, a chvíli se mi věnoval...* ‘Вы не будете столь любезны, господин Кремпа, уделить мне минуту вашего внимания...’; [стоящий у края бассейна — пловцу:] *Kdybyste byl tak laskav a připlul blíž...* ‘Вы не будете столь любезны подплыть поближе...’

²⁵ Ср., например: *Exner dělal, jako by jeho vzrušení nepostřehl. "Tady je, prosím, pistole. V pořádku. Prosím. To potvrzení kdybyste mi vrátil"* (V. Erben) ‘Экснер делал вид, что не замечает его волнения. «Вот ваш пистолет. В полной сохранности. Прошу. Вы не вернете мне расписку?»»; [приехавший будит спящего:] *Kdybys laskavě otevřel oči...* (V. Erben) ‘Ты не откроешь глаза...»; "Můžeš číst?" / "Ne. Teď ne. Kdybys mi to shrnul" (V. Erben) ‘«Ты можешь читать?» / «Нет. Сейчас нет. Ты не суммируешь мне все это?»»; *Jenom, prosím vás, maličkost ... Kdybyste mi zavolala slečnu Léblovou...* (V. Erben) ‘И еще маленькое одолжение... Вы не позовете вашу коллегу Леблову...’

²⁶ Ср.: [герой звонит по телефону:] "Vaše přítomnost," řekl, "není nezbytně nutná, ale *byl bych rád, kdybyste přišla*" (V. Erben) ‘«Ваше присутствие», сказал он, «не обязательно, однако мне было бы очень приятно, если бы вы пришли»’.

²⁷ Ср.: [министр, во время ужина захотевший показать жене интересный документ, шарит в его поисках по карманам:] *Ale ministrova choť nevěnovala mnoho pozornosti tomuto ději, nýbrž řekla, jako by to učinila každá jiná paní: "Prosím tě, kdybys raději jedl; vystydne ti 190*

В заключение отметим, что реализующаяся в рамках побудительных высказываний оппозиция *сослагательное наклонение (некатегорическое побуждение) ~ индикатив (категорическое побуждение)* в русском языковом сознании может переосмысливаться как оппозиция *неимперативная конструкция с **бы** (некатегорическое побуждение) ~ неимперативная конструкция без **бы** (категорическое побуждение)*²⁸, ср. два следующих примера из романа М. Булгакова, иллюстрирующих данную оппозицию «безглагольными» побудительными высказываниями:

- (1) «И молодец! И правильно!» — с цинической, самоуничтожающей злобой подумал Рюхин и, оборвав рассказ о шизофрении, *попросил*: — Арчибальд Арчибальдович, водочки бы мне...;
- (2) — Кресло мне, — негромко *приказал* Воланд, и в ту же секунду, неизвестно как и откуда, на сцене появилось кресло, в которое и сел маг.

Материалом, свидетельствующим о подобном явлении в чешском языке, мы не располагаем.

Л и т е р а т у р а

- Брехт Р.Д. О взаимосвязи между наклонением и временем: синтаксис частицы *бы* в русском // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 15. С. 101-117.
- Вежбицка А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16. С. 251-275.
- Дурново И.Н. Повторительный курс грамматики русского языка. М., 1922. Вып. 1.
- Ломов А.М. О способах выражения волеизъявления в русском языке // Русский язык в школе. 1977. № 2.
- Русская грамматика. Прага, 1979.
- Русская грамматика. М., 1980. Т. II.
- Рябова А.И., Одинцова И.В., Кулькова Р.А. Структурные и семантические типы осложнения русского предложения / Под ред. М.В. Всеволодовой. М., 1992.
- Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л., 1990.
- Широкова А.Г. О функциональной нагрузке форм кондиционала в чешском языке (в сопоставлении с русским языком) // Konfrontační studium ruské a české gramatiky a slovní zásoby. Praha, 1974. S. 19-47.

to" (К. Šarek) 'Однако супруга министра не проявила к этому особого интереса и сказала, как это сделала бы всякая супруга на ее месте: «Ешь лучше, а то все остынет»'.

²⁸ В [Брехт 1985] убедительно доказывается, что «*бы* в русском языке является независимой модальной частицей, привносящей в предложение значение ирреальности», а реализующаяся в рамках побудительных высказываний оппозиция *сослагательное наклонение / кондиционал ~ индикатив* основана, как мы отмечали несколькими страницами выше, именно на противопоставлении категориальных значений наклонений.

- Широкова А.Г.* Проблематика транспозиции форм наклонений в славянских языках (на материале чешского и русского языков) // Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками. М., 1983. С. 83-104.
- Широкова А.Г., Васильева В.Ф., Едличка А.* Чешский язык. М., 1990.
- Brecht R.D.* Čtoby or Čto and By // Folia Slavica. Columbus, Ohio. 1977. V. 1. 1. P. 33-41.
- Garde P.* L'emploi du conditionnel et de la particule by en russe // Publication des Annales de la Faculté des Lettres Aix-en-Provence: Nouvelle série. 1963. N 36.
- Jakobson R.* Shifters, verbal categories and the Russian verb // Cambridge (Mass.). Russian language project. Harvard University. 1957.
- Mluvnice češtiny. Praha, 1987. D. III.
- Panzer B.* Der slavische Konditional: Form — Gerbauch — Funktion. München. 1967.